ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

IV

ПРАГА
1927

VOLIA ROSSII — REVUE MENSUELLE

6-ой год издания. 6-ой год издания.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1927 ГОД
на ежемесячный журнал политики и культуры

„ВОЛЯ РОССИИ“

под редакцией В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и В. В. Сухомлина.

В каждом номере « ВОЛИ РОССИИ »: Рассказы, повести, стихотворения. Переводы выдающихся произведений западно-европейской литературы. Статьи по вопросам русской и иностранной политики. Систематические обзоры жизни Советской России. Проблемы современной культуры. Жизнь славянства. Статьи иностранных авторов по вопросам международной политики. Литературные отклики. Обзоры новых книг и журналов. Библиография.

За 1926 год в журнале были помещены произведения следующих русских авторов: Аноним (Россия), Б. Аратов, В. Архангельский, К. Бальмонт (Париж), Н. Безиалов, П. Булатов, Д. Вяткин (Россия), С. Верещак, Н. Воронович (Варшава), Е. Зноско - Боровский (Париж), проф. А. Герш (Женева). Д. Ивицкая (Россия), З. Кочеткова (Брюссель), А. Коршунов (София), П. Климушкин, К. Кочаровский, И. Калинников, Е. Лазарев, Л. Леонов (Россия), Вл. Лебедев, проф. И. И. Лапшин, Б. де Люнель (Россия), Д. Лутохин, Н. Мельникова - Папоушек, П. Милославский, Е. Недзельский, И. Нечитайлов (Загреб), С. Новиков (Белград). Невидимцев, Б. Нерадов (Россия), П. Орлушин, С. Постников, А. Пешехонов, А. Ремизов (Париж), Ф. Репейников, С. Раппопорт (Лондон), Н. Русанов (Ниица), Л. Россель, Н. Рубакин (Лозанна), М. Слоним, Е. Сталинский, В. Сухомлин, В. Тукалевский, Г. Фальчиков, Г. Шрейдер, М. Цветаева, А. Цаликов, В. Чернов, Ю. Данилов (Париж), проф. Ульянов (Лозанна).

Кроме того, были помещены следующие специально для «Воли России» написанные статьи иностранных авторов: Рудольф Брейтшейд (Германия), Ван-Чу-Фу (Китай), Шарль Вильдрак (Франция), Тадеуш Голувко (Польша), Гануш Елинек (Чехословакия), Бласко Ибаньес (Испания), Рихард Линстром (Швеция), Альсинг Андерсен (Дания), Рамзей Макдональд (Англия), Александр Олар (Франция), Сант Яго (Испания), Коста Тодоров (Болгария), Альбер Тота (Швейцария), Свентаржицкий (Финляндия), Генрих Штребель (Германия), Джиованни Зиборди (Италия), А. Хондокарян (Армения), С. Янниос (Греция) и др.

Произведения следующих иностранных авторов были помещены в переводе с их согласия или согласия издателей: Г. Апполлинер (Франция), В. Вавчура (Чехословакия), Э. Бенеш (Чехословакия), Ю. Волькер (Чехословакия), О. Бржезина (Чехословакия), Т. Масарик (Чехословакия), М. Пруст (Франция), Я. Папоушек (Чехословакия), М. Эбергард (Франция).

Цена настоящего номера: Во всех странах Европы — 50 цент.
В Америке, Китае и Японии — 80 центов.

Адрес редакции и конторы:

«VOLJA ROSSII», Uhelny trh I, PRAGUE Tchécoslovaquie.

П 1
543

П1
543
1927 кА

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

под редакцией

В. И. ЛЕБЕДЕВА, М. Л. СЛОНИМА,

Е. А. СТАЛИНСКОГО И В. В. СУХОМЛИНА

6-ой ГОД ИЗДАНИЯ

ЦГАОР
Книгохранилище
ИНВ. № ПОГАШЕНО

IV

262
631

ПРАГА

PRAHA, UHELNÝ TRH Cís 1

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Замятин. Мы (роман). 3
К. Бальмонт. Образцы чешской поэзии (стих. Махи, Врхлицкого, Рокиты, Совы, Безруча, Томан, Тэра, Волькера)... 29
Василий Федоров. Кузькина Мать. 45
А. Гингер. Птицелов. (стих). 73
Ромен Роллан. Бетховен. 74
Анастасия Минор. Памяти С. А. Иванова. 83
Е. Сталинский. На опасной грани (международное положение СССР). 87
В. Архангельский. Борьба за молодежь в России. 109
В. В. Сухомлин. Политические заметки (Задачи социалистического движения в России. Реакционна ли советская буржуазия? 127
Иностранная жизнь:
Д. Митрани. Новая балканская проблема. 140
Социализм и рабочее движение:
Балканский конфликт перед Рабочим Интернационалом. .. 146
Дела эмигрантские:
Б. Аратов. Пражский Земгор и его оппозиция. 153
Материалы. 163
Славянский обзор:
Русская литература в Чехии. 166
Чешская и Словацкая библиографии 170
Среди книг и журналов:
В. Декабрев. Новости французской литературы. 172
Б. С—ий. Опричник Ивана Грозного. 184
Отзывы о книгах. 191

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград О 1967 акт Р17-476/21
Сх-5356

МЫ [1])

Запись 28-ая
Конспект:

...Слушай: я пришла сказать тебе, что может быть — мы уже последние дни.. Ты знаешь: с сегодняшнего вечера отменены все аудиториумы.

— Отменены?

— Да. И я шла мимо — видела: в зданиях аудиториумов что - то готовят, какие - то столы, медики в белом.

— Но что же это значит ?

— Я не знаю. Пока еще никто не знает. И это хуже всего. Я только чувствую: включили ток, искра бежит — и не нынче, так завтра.. Но может быть они не успеют.

Я уж давно перестал понимать: кто -- они, и кто — мы. Я не понимаю, чего я хочу: чтобы успели — или чтобы не успели. Мне ясно только одно: I сейчас идет по самому краю, по самому краю — и вот вот...

— Но это же безумие — говорю я. Вы — и Единое Государство. Это все равно, как заткнуть рукою дуло — и думать, что так можно удержать выстрел. Это — совершенное безумие.

Улыбка:

— Надо всем сойти с ума — как можно скорее сойти с ума. Это — вчера. Ты помнишь?

---

1) Окончание. См. «В. Р.» кн. 2.

Да, это у меня записано. И, следовательно, это было на самом деле. Я молча смотрю на ее лицо: на нем сейчас особено явственно — темный крест.

— I, милая — пока еще не поздно.. Хочешь, я брошу все, забуду все — и уйдем с тобою, за Стену — к этим.. я не знаю, кто они.

Она покачала головой. Сквозь темные окна глаз — там, внутри у ней я видел пылает печь, искры, языки огня вверх, навалены горы сухих, смоляных дров. И мне ясно: поздно уже, мои слова уже ничего не могут...

Встала — сейчас уйдет. Может быть — уже последние дни, может быть — минуты... Я схватил ее за руку.

— Нет. Еще хоть немного — ну ради.. ради..

Она медленно поднимала вверх, к свету мою руку — мою волосатую руку, которую я так ненавижу. Я хотел выдернуть, но она держала крепко.

— Твоя рука... Ведь ты не знаешь — и немногие это знают, что женщинам отсюда, из города, случалось любить тех. И в тебе наверное, есть несколько капель солнечной, лесной крови. Может быть, потому я тебя и — —

Пауза — и как странно: от паузы, от пустоты, от ничто-так несется сердце. И я кричу:

— Ага. Ты еще не уйдешь. Ты не уйдешь — пока мне не разскажешь о них — потому что ты любишь.. их, а я даже не знаю, что они, откуда они?

— Кто они? Половина, которую мы потеряли. Н 2 и О — а чтобы получилось Н 2 О — ручьи, моря, водопады, волны, бури, — нужно, чтобы половины соединились...

Я отчетливо помню каждое ее движение. Я помню, как она взяла со стола мой стеклянный треугольник и все время, пока говорила, прижимала его острым ребром к щеке — на щеке выступил белый рубец, потом наливался розовым, исчезал. И удивительно: я не могу вспомнить ее слов, — особенно в начале — и только какие - то отдельные образа, цвета.

Знаю; сперва это — о Двухсотлетней Войне. И вот — красное на зелени трав, на темных глинах, на синеве снегов — красные, непросыхающие лужи. Потом желтые,

сожженные солнцем травы, поля. Желтые всклокоченные люди — и всклоченные собаки — рядом, возле распухшей падали, собачьей или может быть человеческой. Эти, конечно — застонали: потому что город — уже победил, в городе наша теперешняя — нефтяная пища.

И почти с неба до низу — черные, тяжелые складки, и складки колышутся: над лесами, над деревнями, медленные столбы, дым. Глухой вой: гонят в город черные бесконечные вереницы — чтобы силою спасти их и научить счастью.

— Ты все это почти знал.

— Да, почти.

— Но ты не знал и только немногие знали, что небольшая часть их все же уцелела и осталась жить там, за Стенами. Голые — они ушли в леса. Они учились там у деревьев, дверей, птиц, цветов, солнца. Они обросли шерстью, но зато под шерстью сберегли горячую, красную кровь.С вами хуже:вы обросли цифрами,но по вас цифры ползут, как вши. Надо с вас содрать все и выгнать голыми в леса. Пусть научатся дрожать от страха, от бешеного гнева, от холода, пусть молятся огню. И мы, мефи — мы хотим...

— Нет, подожди — а «мефи». Что такое «мефи».

— Мефи. Это — мефисто. Ты помнишь: там, на камне — изображен юноша.. Или нет: я лучше на твоем языке, так ты скорее поймешь. Вот: две силы в мире — энтропия и энергия. Одна — к блаженному покою, к счастливому равновесию; другая — к разрушению равновесия, к мучительно - безконечному движению. Энтропии — наши, или вернее ваши предки, христиане, поклонялись, как богу. А мы, анти - христиане, мы...

В этот момент — чуть слышный, шепотом, стук в дверь — и в комнату вскочил тот самый сплюснутый, с нахлобученным на глаза лбом, какой не раз приносил мне записки от I.

Он подбежал к нам, остановился, сопел — как воздушный насос — и не мог сказать ни слова: должно быть, бежал во всю мочь.

— Да ну же. Что случилось? — схватила его за руку I.

— Идут — сюда.. — пропыхтел, наконец, насос. — Стража.. и с ними этот — ну как это... вроде горбатенького...

— !

— Ну да. Рядом — в дом. Сейчас будут здесь. Скорее, скорее.

— Пустое. Успеется... — I смеялась, в глазах — искры, веселые языки.

Это — или нелепое, безрассудное мужество — или тут было что - то еще непонятное мне.

— I, ради Благодетеля. Пойми же — ведь это...

— Ради — Благодетеля — острый треугольник — улыбка.

— Ну... ну ради меня... Прошу тебя.

— Ах, а мне еще надо было с тобой об одном деле... Ну, все равно: завтра...

Она весело (да: весело) кивнула мне: кивнул и тот — высунувшись на секунду из под своего темного лобяного навеса. И я — один.

Скорее — за стол. Резвернул свои записки, взял перочтобы **они** нашли меня за этой работой на пользу Единого Государства. И вдруг — каждый волос на голове живой, отдельный и шевелится: «А что если возьмут и прочтут хотя бы одну страницу — из этих, из последних.

Я сидел за столом, не двигаясь — во всей комнате материи кругом мгновенно выросли в миллионы раз, и я видел, как дрожали стены, дрожало перо у меня в руке, колыхались, сливаясь, буквы...

Спрятать? Но куда: все стекло. Сжечь? Но из корридора и из соседних комнат — увидят. И потом я уже не могу, не в силах истребить этот мучительный — и может быть самый дорогой мне кусок самого себя....

Издали — в корридоре — уже голоса, шаги. Я успел только схватить пачку листов, сунуть их под себя — и вот теперь прикованный к колеблющемуся каждым атомом креслу, и пол под ногами — палуба, вверх и вниз...

Сжавшись в комочек, забившись под навес лба — я, как тот, исподлобья, крадучись видел: они шли из комнаты в комнату, начиная с правого конца корридора, и все

ближе. Я видел: одни сидели, застывшие, как я; другие — выскакивали им навстречу и широко распахивали дверь — счастливцы. Если бы я тоже...

— «Благодетель — есть необходимая для человечества усовершенствованнейшая дезинфекция, и вследствие этого в организме Единого Государства никакая перистальтика»... — я прыгающим пером выдавливал эту совершенную бессмыслицу, и нагибался над столом все ниже, а в голове сумасшедшая кузница, и спиною я слышал брякнула ручка двери, опахнуло ветром, кресло подо мною заплясало...

Только тогда я с трудом оторвался от страницы и повернулся к вошедшим (как трудно играть комедии... ах, кто мне сегодня говорил о комедии?) Впереди был — мрачно, молча, быстро высверливая глазами колодцы во мне, в моем кресле, в вздрагивающих у меня под рукою листках. Потом на секунду — какие - то знакомые, ежедневные лица на пороге, и вот от них отделилось одно — раздувающиеся, розово - коричневые жабры...

Я вспомнил все, что было в этой комнате полчаса назад, и мне было ясно, что она сейчас — — Все мое существо билось и пульсировало в той (к счастью, непрозрачной) части тела, какою я прикрывал рукопись.

Ю подошла сзади к нему, осторожно тронула его за рукав — и негромко сказала.

— Это — Д - 503. Строитель «Интеграла». Вы, наверное, слышали? Он — всегда вот так, за столом... Совершенно, совершенно не щадит себя.

— А я - то. Какая чудесная, удивительная женщина.

Заскользил ко мне, перегнулся через мое плечо — над столом. Я заслонил локтем написаное, но он строго крикнул:

— Прошу сейчас же показать мне, что у вас там.

Я, весь полыхая от стыда, подал ему листок. Он прочитал — и я увидел, как из глаз выскользнула у него улыбка, юркнула вниз по лицу и, чуть пошевеливая хвостиком, присела где - то в правом углу рта...

— Несколько двусмысленно — но все таки... Что же, продолжайте, мы больше не будем вам мешать.

Он зашлепал — как плавниками по воде — к двери, и с каждым его шагом ко мне постепенно возвращались ноги, руки, пальцы — душа снова равномерно распределялась по всему телу, я дышал...

Последнее: Ю задержалась у меня в комнате, подошла, нагнулась к уху — и шопотом:

— Ваше счастье, что я...

Непонятно: что она хотела этим сказать?

Вечером, позже узнал, они увели с собой троих. Впрочем, вслух об этом, равно как и всем происходящем, никто не говорит — воспитательное влияние невидимо присутствующих в нашей среде Хранителей. Разговор — главным образом о быстром падении барометра и о перемене погоды.

Запись 30-ая.
Конспект.

ПОСЛЕДНЕЕ ЧИСЛО. ОШИБКА ГАЛИЛЕЯ. НЕ ЛУЧШЕ ЛИ...

Вот мой разговор с I —там, вчера, в Древнем Доме, среди заглушающего логический ход мыслей пестрого шума — красные, зеленые, бронзово - желтые, белые, оранжевые цвета... и все время — под застывшей на мраморе улыбкой курносого древнего поэта.

Я воспроизвожу этот разговор буква в букву — потому что он, как мне кажется, будет иметь огромное, решающее значение для судьбы Единого Государства — и больше: вселенной. И затем — здесь вы, неведомые мои читатели, быть может, найдете некоторое оправдание мне...

I сразу, без всякой подготовки, обрушила на меня все:

— Я знаю: послезавтра у вас — первый, пробный полет **«Интеграла.** В этот день — мы захватим его в свои руки.

— Как? Послезавтра?

— Да. Сядь, не волнуйся. Мы не можем терять ни минуты. Среди сотен, на удачу взятых вчера в разных местах

— попало 12 мефи. И упустить два - три дня — они погибнут.

Я молчал.

— Чтобы наблюдать за ходом испытания к вам должны прислать электротехников, механиков, врачей, метеорологов. И ровно в 12 — запомни — когда прозвонят к обеду и все пройдут в столовую, мы останемся в коридоре, запрем всех в столовой — и «Интеграл» наш... Ты понимаешь: это — нужно, во что бы то ни стало. «Интеграл» в наших руках — это будет оружие, которое поможет покончить все сразу, быстро, без боли. Их аэро.. да. Это будет просто ничтожная мошкара против коршуна. И потом: если уж это будет неизбежно — можно будет направить вниз дула двигателей и одной только их работой...

Я вскочил.

— Это немыслимо. Это нелепо. Неужели тебе не ясно: то, что вы затеваете — это революция.

— Да, революция. Почему же это нелепо.

— Нелепо — потому что революция не может быть. Потому что наша — это не ты, а я говорю — наша революция была последней. И больше никаких революций не может быть. Это известно, — всякому.

Насмешливый, острый треугольник бровей:

— Милый мой ты — математик. Даже больше: ты философ — от математики. Так вот: назови мне **последнее** число.

— То есть? Я... я не понимаю: какое — последнее?

— Ну, — последне, верхнее, самое большое.

— Но, I — это же нелепо. Раз число чисел — безконечно, какое же ты хочешь последнее.

— А какую же ты хочешь последнюю революцию? Последней — нет, революции — безконечны. Последняя — это для детей: детей безконечность пугает, а необходимо — чтобы дети спокойно спали по ночам...

— Но какой смысл — какой же смысл во всем этом — ради Благодетеля. Какой смысл, раз все уже счастливы?

— Положим... Ну хорошо: пусть даже так. А что дальше?

— Смешно. Совершенно ребяческий вопрос. Расскажи

что-нибудь детям — все до конца — а они все - таки непременно спросят: а дальше, а зачем?

— Дети — единственно смелые философы. И смелые философы — непременно дети. Именно так, как дети, всегда и надо: а что дальше.

— Ничего — дальше. Точка. Во всей вселенной — равномерно, повсюду — разлито...

— Ага: равномерно, повсюду. Вот тут она самая и есть — энтропия, психологическая энтропия. Тебе, математику — разве не ясно, что только разности — разности температур, только тепловые контрасты — только в них жизнь. А если всюду, во всей вселенной, одинаково-теплые или одинаково-прохладные тела... Их надо столкнуть — чтобы огонь, взрыв, геена. И мы — столкнем.

— Но I — пойми же, пойми: наши предки — во время Двухсотлетней Войны — именно это и сделали...

— О, и они были правы — тысячу раз правы. У них только одна ошибка: позже они уверовали, что они есть **последнее** число — какого нет в природе, нет. Их ошибка — ошибка Галилея, — он был прав, что земля движется еще вокруг какого-то центра, но он не знал, что настоящая не относительная, орбита земли — вовсе не наивный круг...

— А вы — мефи?

—А мы — пока знаем, что нет последнего числа. Может быть забудем. Нет: даже наверно — забудем, когда состаримся — как неминуемо старится все. И тогда мы — тоже неизбежно вниз — как осенью листья с дерева — как послезавтра вы... Нет, нет, милый — не ты. Ты же — с нами, ты, — с нами.

Разгоревщаяся, вихревая, сверкучая — я никогда еще не видал ее такой — она обняла меня **собою,** вся. Я исчез..

Последнее — глядя прочно, твердо в глаза мне:

— Так помни же: в 12.

И я сказал:

— Да, я помню.

Ушла. Я один — среди буйного, разноголосого гама — синих, красных, зеленых, бронзово-желтых, оранжевых...

Да, в 12... — и вдруг нелепо ощущение чего-то посто-

реннего осевшего на лицо — чего никак не смахнуть. Вдруг — вчерашнее утро, Ю и то, что она кричала тогда в лицо I... Почему? Что за абсурд.

Я поторопился выйти наружу — и скорее домой, домой...

Где-то сзади — я слышал пронзительный писк птиц над Стеной. А впереди, в закатном солнце — из малинового кристаллизованного огня — шары куполов, огромные пылающие кубы — дома, застывшей молнией в небе — шпиц аккумуляторной башни. И все это — всю эту безукоризненую геометриннейшую красоту — я должен буду сам, своими руками... Неужели — никакого выхода, я должен буду сам, своими руками... Неужели — никакого выхода, никакого пути?

Мимо какого-то аудиториума (нумер его не помню), внутри, грудой сложены скамьи; посередине — столы, покрытые простынями из белоснежного стекла; на белом — пятно розовой солнечной крови. И во всем этом скрыто какое-то неведомое — и потому жуткое завтра. Это противоестественно: мыслящему — зрячему существу жить среди незакономерностей, неизвестных, иксов. Вот если бы вам завязали глаза и заставили так ходить, ощупывать, спотыкаться, и вы знаете, — где-то тут вот совсем близко — край, один только шаг — и от вас сплющенный, исковерканный кусок мяса. Разве это не то же самое?

... А что если не дожидаясь, — самому вниз головой. Не будет ли это единственным и правильным, сразу распутывающим все.

Запись 31-ая.
Конспект.

ВЕЛИКАЯ ОПЕРАЦИЯ. Я ПРОСТИЛ ВСЕ. СТОЛКНОВЕНИЕ ПОЕЗДОВ.

Спасены. В самый последний момент, когда уже казалось — не за что ухватиться, кенчено...

Так: будто вы по ступеням уже поднялись к грозной

Машине Благодетеля, и с тяжким лязгом уже накрыл вас стеклянный колпак, и вы в последний раз в жизни — скорее, скорее — глотаете глазами синее небо...

И вдруг: все это — только «сон». Солнце — розовое и веселое и стена — такая радость погладить рукой холодную стену — и подушки — без конца упиваться ямкой от вашей головы на белой подушке...

Вот, приблизительно, то, что пережил я, когда сегодня утром прочитал **Государственную Газету.** Был страшный сон и он кончился. А я, малодушный, я — неверующий — я думал уже о своевольной смерти. Мне стыдно сейчас читать последние, написанные вчера строки. Но все равно: пусть, пусть они останутся, как память о том невероятном, что могло быть — и чего уже не будет, да, не будут.

На первой странице **Государственной Газеты** сияло:

— Радуйтесь

Ибо отныне вы — **совершенны.**

До сего дня ваши же детища, механизмы — были совершеннее вас.

Чем?

Каждая искра динамо — искра чистейшего разума; каждый ход поршня — непорочный силлогизм. Но разве не тот же безошибочный разум и в вас?

Философия у кранов, прессов и насосов — законченная и ясная, как циркульный круг. Но разве ваша философии менее циркулярна?

Красота механизма — в неуклонном и точном, как маятник ритме. Но разве вы, с детства вскормленные системой Тэйлора — не стали маятниково-точны?

И только одно:

У механизма нет фантазии.

Вы видели когда-нибудь, чтобы во время работы на физиономии у насосного цилиндра — расплывалась далекая, бессмысленно мечтательная улыбка? Вы слышали когда-нибудь, чтобы краны по ночам, в часы, назначенные для отдыха, безпокойно ворочались и вздыхали?

Нет.

А у вас — краснейте. Хранители все чаще видят эти улыбки и вздохи. И — прячьте глаза — историки Единого Государства просят отставки, чтобы не записывать постыдных событий.

Но это не ваша вина — вы больны, и имя этой болезни:

Фантазия.

Это червь, который выгрызает черные морщины на лбу. Это — лихорадка, которая гонит вас бежать все дальше — хотя бы это «дальше» начиналось там, где кончается счастье. Это — последняя баррикада на пути к счастью.

И радуйтесь: она уже взорвана.

Путь свободен.

Последнее открытие Государственной науки: центр фантазии — жалкий мозговой узелок в области Варолиева Моста. Трехкратное прижигание этого узелка Х-лучами — и вы излечены от фантазии.

навсегда,

вы — совершенны, вы — машиноравны, путь к стопроцентному счастью — свободен. Спешите же все — стар и млад — спешите подвергнуться Великой Операции. Спешите в аудиториумы, где производится Великая Операция. Да здравствует Великая Операция, да здравствует Единое Государство, да здравствует Благодетель».

... Вы — если бы вы читали все это не в моих записках, похожих на какой - то древний, причудливый роман — если бы у вас в руках, как у меня, дрожал вот этот еще пахнущий краской газетный лист — если бы вы знали, как я, что все это самая настоящая реальность, не сегодняшняя, так завтрашняя, — разве не чувствовали бы вы то же самое, что я? Разве — как у меня сейчас — не кружилась бы у вас голова. Разве — по спине и рукам — не бежали бы у вас эти жуткие, сладкие ледяные иголочки. Разве не казалось бы вам, что вы — гигант, Атлас—и если рас-

прямиться, то непременно стукнетесь головой о стеклянный потолок?

Я схватил телефонную трубку:

I — 330... Да, да: 330 — и потом, захлебываясь, крикнул: Вы дома, да? Вы читали — вы читаете ?Ведь это же, это же.. Это изумительно.

— Да.. — долгое, темное молчание. Трубка чуть слышно жужжала, думала что-то. Мне непременно надо вас увидать сегодня. Да, у меня после 16. Непременно.

... И — к счастью, солнце сегодня еще не остановилось, солнце бежало, и вот уже 16, я стучу в дверь — сердце стучит...

— Войдите.

На пол — возле ее кресла, обняв ее за ноги, закинуть голову вверх, смотреть в глаза — поочередно, в один и в другой — и в каждом видеть себя — в чудесном плену...

А там, за стеною, буря, там — тучи все чугуннее: пусть. В голове — тесно, буйные — через край — слова, и я вслух вместе с солнцем лечу куда - то — нет **теперь** мы уже знаем, куда — и за мною планеты — планеты, брызжущие пламенем и населенные огненными, поющими цветами — и планеты немые, синие, где разумные камни об'единены в организованые общества — и планеты, достигшие, как наша земля, вершины абсолютного, стопроцентного счастья.

И вдруг — сверху.

— А ты не думаешь, что вершина — это именно об'единенные в организованное общество камни?

И все острее, все темнее треугольник:

— Счастье... Что же? Ведь желания, — мучительны, не так ли. И ясно: счастье — когда нет уже никаких желаний, нет ни единого.. Какая ошибка, какой нелепый предразсудок, что мы до сих пор перед счастьем — ставили знак плюс, перед абсолютным счастьем — конечно, минус — божественный **минус.**

Я — помню — растерянно пробормотал:

— Абсолютный минус = — 273° —

— Минус 273 — именно. Немного прохладно, но разве это - то самое и не доказывает, что мы — на вершине?

Как тогда, давно — она говорила как - то за меня, мною — развертывала до конца мои мысли. Но было в этом что - то такое жуткое — я не мог — и с усилием вытащил из себя «нет».

— Нет, — сказал я — Ты... ты шутишь...

Она засмеялась, громко — слишком громко. Быстро, в секунду, досмеялась до какого - то края — оступилась — вниз — Пауза.

Встала. Положила мне руки на плечи. Долго, медленно смотрела. Потом притянула к себе — и ничего нет: только ее острые, горячие губы.

— Прощай.

Это — издалека, сверху, и дошло до меня не скоро — может быть, через минуту, через две.

— Как - так — «прощай»?

— Ты же болен, ты из - за меня совершал преступления — разве тебе не было мучительно? А теперь Операция — и ты излечишься от меня. И это — прощай.

— Нет — закричал я.

Безпощадно — острый, черный треугольник на белом:

— Как? Не хочешь счастья?

Голова у меня раскакивалась, два логическихъ поезда столкнулись, лезли друг на друга, трещали...

— Ну что-же, я жду — выбирай: Операция и стопроцентное счастье — или...

— Не могу без тебя, не надо — без тебя — сказал я или только подумал — не знаю, но I слышала.

— Да, я знаю, — ответила мне. И потом — все еще держа у меня на плечах свои руки и глазами не опуская моих глаз:

— Тогда —до завтра. Завтра — в 12: ты помнишь?

— Нет. Отложено на один день.. Послезавтра...

Я шел один — по сумеречной улице. Ветер крутил меня, нес, гнал — как бумажку, обломки чугунного неба летали, летели — сквозь безконечность им лететь еще день, два... Меня задевали юнифы встречных — но я шел один, мне было ясно: все спасены, но мне спасения уже нет — я не хочу спасения...

Запись 33-ая.
Конспект.

(ЭТО БЕЗ КОНСПЕКТА, НАСПЕХ, ПОСЛЕДНЕЕ).

Этот день:

Скорей за газету: быть может там.. Я читаю газету глазами (именно так: мои глаза сейчас — это как перо, как счетчик, которые держишь, чувствуешь, в руках — это постороннее, это инструмент).

Там — крупно, во всю первую страницу:

— «Враги счастью не дремлют. Обеими руками держитесь за счастье. Завтра приостанавливаются все работы — и все нумера явятся для операции. Неявившиеся — подлежат Машине Благодетеля.»

Завтра. Разве может быть — разве будет какое - нибудь завтра?

По ежедневной инерции, я протянул руку — инструмент, к книжной полке — вложить сегодняшнюю газету —к остальным в украшенный золотом переплет. И на пути:

— Зачем? Не все ли равно? Ведь сюда, в эту книжку — я уже никогда больше, никогда...

И газету из рук —на пол. А я стою и оглядываю кругом всю, всю комнату, я поспешно забираю с собой — я лихорадочно запихиваю в невидимый чемодан все, что жалко оставить здесь. Стол. Книги. Кресло. На кресле тогда сидела I — а я внизу, на полу.. Кровать.

Потом минуту, две — нелепо жду какого - то чуда, быть может зазвонит телефон, быть может — она скажет, что...

Нет. Нет чуда....

Я ухожу — в неизвестное. Это мои последние строки. Прощайте — вы, неведомые, вы, любимые, с кем я прожил столько страниц, кому я, заболевший душой — показал всего себя, до последнего смолотого винтика, до последней лопнувшей пружины....

Я ухожу.

Попытка захватить «Интеграл» не удалась: вмешались Хранители, при чем I решила, что все выдал Д-503. Поняв, что донос сделала Ю, Д-503 чуть было не убивает ее: в этот миг его вызывают к Благодетелю, который убеждает, что им Д-503 был нужен **только,** как строитель Интеграла.

Запись 37-ая.
Конспект.

ИНФУЗОРИЯ. СВЕТОПРЕДСТАВЛЕНИЕ. ЕЕ КОМНАТА

Утром в столовой — сосед слева испуганно шепнул мне:

— Да ешьте же, на нас смотрят.

Я — изо всех сил — улыбнулся. И почувствовал это как какую - то трещину на лице: — улыбаясь, края трещины разлезаются все шире и мне от этого все больнее.

Дальше так: едва я успел взять кубик пасты на вилку, как тотчас же вилка вздрогнула у меня в руке и звякнула о тарелку — и вздрогнули, зазвенели столы, стены, посуда, воздух, и снаружи — какой - то огромный, до неба, железный круглый гул — через головы, через дома — издалека замер чуть заметными мелкими, как на воде кругами.

Я увидел во мгновение слинявшие, выцветшие лица, застопоренные на полном ходя рты, замершие в воздухе вилки.

Потом все спуталось, сошло с вековых рельс, все вскочили с мест (не пропев гимна).. и кой-как, не в такт, дожевывая, давясь — хватались друг за друга: «Что? Что случилось? Что?» И — безпорядочные осколки некогда стройной великой машины, все посыпались вниз, к лифтам — по лестнице — ступени — топот — обрывки слов — как клочья разорванного и взвихренного ветром письма...

Также сыпались из всех соседних домов, и через минуту проспект — как капля воды под микроскопом: запертые в стеклянно - прозрачной капле инфузории растерянно мечутся вбок, вверх, вниз.

— Ага — чей - то торжествующий голос — передо мною затылок и нацеленный в небо палец — отчетливо помню желто - розовый ноготь и внизу ногтя — белый, как

вылезающий из - за горизонта. И это как компас: сотни глаз — в небо.

Там, спасаясь от какой - то невидимой погони, — мчались, давили, перепрыгивали друг через друга тучи и окрашенные тучами, темные аэро Хранителей с свисающими черными хоботами труб — и еще дальше — там, на западе, что - то похожее — —

Сперва никто не понимал, что это — и даже я, кому (к несчастью) было открыто больше, чем всем другим. Это было похоже на огромный рой черных аэро — где - то в невероятной высоте — еле заметные быстрые точки. Все ближе; сверху хриплые, гортанные крики — и наконец, над головами у нас **птицы.** Острыми, черными, пронзительными, падающими треугольниками они заполнили небо, бурей сбивало их вниз, они садились на купола, на крыши, на столбы, на балконы.

— Ага —а — торжествующий затылок повернулся — я увидел того, исподлобного. Но в нем теперь осталось от прежнего только одно какое - то заглавие. Он как - то весь вылез из этого вечного своего подлобья, и на лице у него — около глаз, около губ — пучками волос росли лучи. Вы понимаете — сквозь свист ветра, крыльев, карканье — крикнул он мне. — Вы понимаете: Стену — Стену — Стену взорвали. По - ни - ма - ете?

Мимоходом, где - то на заднем плане, мелькающие фигуры, головы вытянуты — бегут скорее внутрь, в дома. Посредине мостовой — быстрая и все таки будто медленная (от тяжести) лавина Оперированых: туда — на запад.

— ...Волосатые пучки лучей около губ, глаз. Я схватил его за руку:

— Слушайте: где она — где I. Там, за Стеной — или... Мне нужно, слышите? — Сейчас же, я не могу...

— Здесь, — крикнул он мне пьяно, весело — крепкие, желтые зубы... — Здесь она, в городе, действует. Ого — мы действуем.

— Кто мы? Кто — я?

Около него было полсотни таких же, как он — вылезших из своих темных подлобий, громких, веселых, крепкозубых. Глотая раскрытыми ртами бурю, помахивая та-

кими на вид смирными и нестрашными электрокуторами (где они их достали?) — они двинулись туда же, на запад за Оперированными, но в обход — параллельным, 48-м проспектом....

Я спотыкался о тугие, свитые из ветра канаты и бежал к ней. Зачем? Не знаю. Я спотыкался, пустые улицы, чужой, дикий город, неумолчный, торжествующий птичий гам, светопреставление. Сквозь стекла стен — в нескольких домах я видел (врезалось): женские и мужские нумера бесстыдно совокуплялись — даже не опустив штор, без всяких талонов, среди бела дня...

Дом — ее дом. Открытая настеж, растерянная дверь. Внизу, за контрольным столиком — пусто. Лифт застрял посередине шахты. Задыхаясь, я побежал наверх по бесконечной лестнице. Корридор. Быстро — как колесные спицы — цифры на дверях — 320, 326, 330... I — 330, да.

И сквозь стеклянную дверь: все в комнате рассыпано перепутано, скомкано. Впопыхах опрокинутый стул — ничком, всеми четырьмя ногами вверх — как издохшая скотина. Кровать — как - то нелепо, наискось отодвинутая от стены. На полу-осыпавшиеся, затоптанные лепестки розовых талонов.

Я нагнулся, поднял один, другой, третий: на всех было: Д — 503 — на всех был я — капли меня, расплавленного переплеснувшего через край. И это — все, что осталось...

Почему - то нельзя было, чтобы они так вот, на полу, и чтоб по ним ходили. Я захватил еще горсть, положил на стол, разгладил осторожно, взглянул — и.. и засмеялся.

Раньше я этого не знал — теперь — знаю, и вы это знáете: смех бывает разного цвета. Это — только далекое эхо взрыва внутри нас: может быть — это праздничные, красные, синие, золотые ракеты, может быть — взлетели вверх клочья человеческого тела...

На талонах мелькнуло совершенно незнакомое мне имя. Цыфр я не запомнил — только букву. Я смахнул все талоны со стола на пол, наступил на них — на себя — каблуком — вот так, так — и вышел...

Сидел в корридоре на подоконнике против двери—все чего - то ждал, тупо, долго. Слева зашлепали шаги. Ста-

рик: лицо — как проколотый, пустой, осевший складками пузырь — и из прокола еще сочится что - то прозрачное, медленно стекает вниз. Медленно, смутно понял: слезы. И только когда старик был уже далеко — я спохватился и окликнул его:

— Послушайте — послушайте, вы не знаете нумера I — 330...

Старик обернулся, отчаянно махнул рукой и заковылял дальше...

В сумерках я вернулся к себе, домой. На западе небо каждую секунду стискивалось бледно - синей электрической судорогой и оттуда глухой, закутанный гул. Крыши усыпаны черными потухшими головешками: птицы.

Я лег на кровать — и тотчас же зверем навалился, придушил меня сон...

Запись 38-ая.
Конспект.

(НЕ ЗНАЮ, КАКОЙ. — МОЖЕТ БЫТЬ ВЕСЬ КОНСПЕКТ ОДНО: БРОШЕННАЯ ПАПИРОСКА).

Очнулся — яркий свет, глядеть больно. Зажмурил глаза: В голове — какой - то едучий синий дымок, все в тумане, и сквозь туман:

— «Но ведь я не зажигал свет — как же...»

Я вскочил — за столом, подперев рукою подбородок, с усмешкой глядела на меня I...

За тем же самым столом я пишу сейчас. Уже позади эти десять, пятнадцать минут, жестоко скрученных в самую тугую пружину. А мне кажется, что вот только сейчас закрылась за ней дверь, и еще можно догнать ее, схватить за руки — и может быть, она засмеется и скажет...

I сидела за столом. Я кинулся к ней.

— Ты, ты. Я был — я видел твою комнату — я думал, ты — —

Но на полдороге наткнулся на острые, неподвижные копья ресниц, остановился. Вспомнил: так же она взгляну-

ла на меня тогда, на **«Интеграле».** И вот надо сейчас же все, в одну секунду, суметь сказать ей — так, чтобы поверила — иначе уж никогда...

— Слушай I — я должен... я должен тебе все... Нет, нет, я сейчас — я только выпью воды....

Во рту сухо, все — как обложено промокательной бумагой. Я наливал воду — и не могу: поставил стакан на стол и крепко взялся за графин обеими руками:

Теперь увидел: синий дымок — это от папиросы. Она поднесла к губам, втянула, жадно проглотила дым — так же как воду, и сказала:

— «Не надо. Молчи. Все равно — ты видишь: я все таки пришла. Там, внизу — меня ждут. И ты хочешь, чтоб эти наши последние минуты.

Она швырнула папиросу на пол, вся перевесилась через ручку кресла назад (там в стене кнопка, и ее трудно достать) — и мне запомнилось, как покачнулось кресло и поднялись от пола две его ножки. Потом упали шторы.

Подошла, обхватила крепко. Ее колени сквозь платье — медленный нежный, теплый, обволакивающий, окутывающий всего яд...

И вдруг... Бывает: уже весь окунулся в сладкий и теплый сон — вдруг что - то прокололо — вздрагиваешь, и опять глаза широко раскрыты... Так сейчас: на полу в ее комнате затоптанные розовые талоны, и на одном: какие-то цифры... Во мне — сцепились в один клубок, и я даже сейчас не могу сказать, что это было за чувство, но я стиснул ее так, что она от боли вскрикнула...

Еще одна минута — из этих десяти или пятнадцати на ярко - белой подушке — закинутая назад с полузакрытыми глазами голова; острая, сладкая полоска зубов. И это все время неотвязно, нелепо, мучительно напоминает мне о чем - то — о чем нельзя, о чем сейчас — не надо. И я все нежнее, все жестче сжимаю ее — все ярче синие пятна от моих пальцев...

Она сказала (не открывая глаз — это я заметил):

— Говорят, ты вчера был у Благодетеля? Это правда?

— Да, правда.

И тогда глаза распахнулись — и я с наслаждением

смотрел, как быстро оледенело, стиралось, исчезало ее лицо: одни глаза.

Я рассказал ей все. И только — не знаю, почему... нет, неправда, знаю — только об одном промолчал, о том, что Он говорил в самом конце, о том, что я им был нужен только....

Постепенно, как фотографический снимок в проявителе выступало ее лицо: щеки, белая полоска зубов, губы. Встала, подошла к зеркальной двери шкафа.

Опять сухо во рту: я налил себе воды, но пить было противно — поставил стакан на стол и спросил:

—Ты за этим и приходила — потому что тебе нужно было узнать.

Из зеркала на меня — острый, насмешливый треугольник бровей, приподнятых вверх, к вискам. Она обернулась, что - то сказать мне, но ничего не сказала.

Не нужно. Я знаю.

Проститься с ней. Я двинул свои — чужие — ноги, задел стул — он упал ничком, мертвый, как там — у нее в комнате. Губы у нее были холодные — когда - то такой же холодный пол вот здесь, у меня, возле кровати.

А когда ушла — я сел на пол, нагнулся над брошенной папиросой — —

Я не могу больше писать — я не хочу больше.

Запись 39-ая.
Конспект.

КОНЕЦ.

Все это было, как последняя крупинка соли, брошенная в насыщенный раствор: быстро, колючась иглами, поползли кристаллы, отвердели, застыли. И мне было ясно: «все решено» и завтра утром я **сделаю это**. Было это то же самое, что убить себя—но может быть только тогда я и воскресну. Потому что ведь только убитое и может воскреснуть.

На западе, ежесекундно в синей судороге содрогалось

небо. Голова у меня горела и стучала. Так я просидел всю ночь и заснул только часов в семь утра, когда тьма уже втянулась, зазеленела и стали видны усеянные птицами кровли....

Проснулся: уже десять (звонка сегодня, очевидно, не было.) На столе — еще со вчерашнего — стоял стакан с водою. Я жадно выглотал воду и побежал: мне надо было все это скорее, как можно скорее.

Небо, пустынное, голубое, до тла выеденное бурей. Колючие углы теней, все вырезано из синего осеннего воздуха — тонкое — страшно притронуться: сейчас-же хрупнет, разлетится стеклянной пылью. И также во мне: нельзя думать, не надо думать, иначе — —

И я не думал, даже, может быть, не видел по настоящему, а только регистрировал. Вот на мостовой — откуда то ветки — листья на них зеленые, янтарные, малиновые. Вот, наверху — перекрещиваясь, мечутся птицы и аэро. Вот головы, раскрытые рты, руки машут ветками. Должно быть все это орет, каркает, жужжит...

Потом — пустые, как выметенные какой - то чумой, улицы. Помню: споткнулся обо что-то нестерпимо — мягкое, податливое и все таки неподвижное. Нагнулся: труп. Он лежал на спине, раздвинув согнутые ноги, как женщина. Лицо...

Я узнал толстые, негрские, и как будто даже сейчас еще брызжущие смехом зубы. Крепко зажмуривши глаза, он смеялся мне в лицо. Секунда — я перешагнул через него и побежал — потому что я уже не мог, мне надо было сделать все скорее, иначе — я чувствовал — сломаюсь, прогнусь, как перегруженный рельс....

К счастью — это было уже в двадцати шагах, уже вывеска золотые буквы «Бюро Хранителей». На пороге я остановился, хлебнул воздуху, сколько мог — и вошел.

Внутри, в корридоре — безконечной цепью, в затылок, стояли нумера, с листками, с толстыми тетрадками в руках. Медленно подвигались на шаг, на два — и опять останавливались.

Я заметался вдоль цепи, голова расскакивалась, я хватал их за рукава, я молил их — как больной молил дать

ему скорее чего - нибудь такого, что секундной острейшей мукой сразу перерубило бы все.

Какая - то женщина, туго перетянутая поясом поверх юнифы, отчетливо выпячены два седалищных полушара, и она все время поводила ими по сторонам, как будто именно там у нее были глаза, она фыркнула на меня:

— У него живот болит. Проводите его в уборную — вон, вторая дверь направо...

И на меня — смех, и от этого смеха что - то к горлу, и я сейчас закричу или.. или..

Вдруг сзади — кто - то за локоть. Я обернулся: прозрачные крылатые уши. Но они были не розовые, как обыкновенно, а пунцовые: кадык на шее ерзал — вот вот прорвет тонкий чехол.

— Зачем вы здесь? — спросил он, быстро ввинчиваясь в меня.

Я так и вцепился в него:

— Скорее — к вам в кабинет... Я должен все — сейчас же. Это хорошо, что вам.. Это, может быть, ужасно, что именно вам, но это хорошо, это хорошо...

Он тоже знал **ее**, и от этого мне было еще мучительней, но, может быть, он тоже вздрогнет, когда услышит, и мы будем убивать уже вдвоем, я не буду один в эту последнюю мою секунду.

Захлопнулась дверь. Помню: внизу под дверью прицепилась какая - то бумажка и заскребла на полу, когда дверь закрывалась, а потом, как колпаком, накрыло какой-то особенной, безвоздушной тишиной. Если бы он сказал хоть одно — все равно какое - самое пустяковое слово, я бы все сдвинул сразу. Но он молчал.

И весь, напрягшись до того, что загудело в ушах — я сказал (не глядя):

— Мне кажется — я всегда ее ненавидел, с самого начала. Я боролся.. А впрочем — нет, нет, не верьте мне: я мог и не хотел спастись, я хотел погибнуть, это было мне дороже всего... И даже сейчас — да сейчас, когда я уже все знаю. Вы знаете, Вы знаете, что меня вызывал Благодетель.

— Да, знаю.

— Но, то, что Он сказал мне... поймите же—это вот все равно, как если сейчас выдернуть из под вас пол — и вы со всем, что вот тут на столе — с бумагой, чернилами... чернила выплеснутся — и все в кляксу...

— Дальше, дальше. И торопитесь. Там ждут другие.

И тогда я, захлебываясь, путаясь — все что было, все что записано здесь. О себе настоящем, и о себе лохматом, и то, что она сказала тогда о моих руках — да, именно с того все началось — и как я тогда не хотел исполнить свой долг, и как обманывал себя и как она достала ложные удостоверения, и как я ржавел день ото дня, и корридоры внизу — и там, — за Стеною...

Вот это — несуразными комьями, клочьями — я захлебывался, слов не хватало. Кривые, двояко - изогнутые губы с усмешкой пододвигали ко мне нужные слова — я благодарно кивал: да, да... и вот (что же это?) — вот уже говорит за мной он, а я только слушаю: «да, а потом... Так именно и было, да, да».

Я чувствую: как от эфира — начинает холодеть вот тут, вокруг ворота, и с трудом спрашиваю:

— Но как же — но этого вы ни откуда не могли...

У него усмешка — молча — все кривее. Затем:

— А знаете — вы хотели кое - что от меня утаить, вот вы перечислили всех, кого заметили там за Стеной, но одного забыли. Вы говорите — нет. А не помните ли вы, что там мельком, на секунду — вы видели там меня. Да, да — меня....

Пауза.

И вдруг — мне все молнийно, бесстыдно ясно: он — он тоже... И весь я, все мои муки, все то, что я, изнемогая, из последних сил, принес сюда, как подвиг — все это только смешно, как древний анекдот об Аврааме и Исааке. Авраам — весь в холодном поту уже замахнулся ножем над своим сыном — над собою — вдруг сверху голос: «Не стоит. Я пошутил»...

Не открывая глаз от кривеющей все больше усмешки, я уже уперся руками о край стола, медленно, вместе с креслом от'ехал, потом сразу — всего себя — схватил в охапку — и мимо криков, ступеней, ртов — опрометью.

— Не помню, как я очутился внизу, в одной из общественных уборных при станции подземной дороги. Там, наверху, все гибло, рушилась величайшая и разумнейшая во всей истории цивилизация, а здесь — по чьей-то иронии — все оставалось прежним, прекрасным. Сияли стены уютно журчала вода и — подобная воде невидимая, прозрачная, украшающая пищеварение музыка. И подумать: все это — осуждено, все это зарастет травой, обо всем этом — будут только — «мифы»...

Я громко застонал. И в тот же момент чувствую: кто-то гласково поглаживает меня по коленке.

Это слева. Это был мой сосед, занимавший сидение слева. Лоб — огромная лысая парабола, на лбу желтые неразборчивые строки морщин и это строки обо мне.

— Я вас понимаю, вполне, понимаю — сказал он — но все таки успокойтесь: не надо. Все это вернется, неминуемо вернется. Важно только, чтобы все узнали о моем открытии: Я говоря об этом вам первому: я вычислил, что **безконечности нет.**

Я дико посмотрел на него.

— Да, да говорю вам: безконечности нет. Если мир безконечен — то средняя плотность материи в нем должна быть равна нулю. А так как она не нуль — это мы знаем — то, следовательно, вселенная — конечна, она — сферической формы и квадрат вселенного радиуса, — средней плотности, умноженной на... Вот мне только и надо — подсчитать числовой коэффициент, и тогда... Вы понимаете: все — кончено, все просто, все — вычислимо; и тогда мы победим философски, — понимаете. А вы, уважаемый, мешаете мне закончить вычисления, вы — кричите...

Не знаю, чем я больше был потрясен, — его открытием или его твердостью в этот апокалиптический час: в руках у него (я увидел это только теперь) была записная книжка и логарифмический циферблат. И я понял: если даже все погибнет, мой долг (перед вами, мои неведомые любимцы) — оставить свои записи в законченном виде.

Я попросил у него бумаги — и здесь, у уборной, под

тихую, прозрачную, как вода, музыку, я записал эти последние строки.

Я хотел уже поставить точку — так, как древние ставили крест над ямами, куда они сваливали мертвых, но вдруг карандаш затрясся и выпал у меня из пальцев...

— Слушайте — дергал я соседа. — Да слушайте же, говорю вам. Вы должны — вы должны мне ответить, а там, где кончается ваша конечная вселенная. Что там — дальше.

Ответить он не успел; сверху — по ступеням — топот...

Запись 40-я.
Конспект.

ФАКТЫ. КОЛОКОЛ. Я УВЕРЕН.

День. Ясно. Барометр 760.

Неужели я, Д-503, написал эти двести девять страниц? Неужели я когда-то чувствовал — или воображал, что чувствую это?

Почерк мой. И дальше тот же самый почерк. Но к счастью только почерк. Никакого бреда, никаких нелепых метафор, никаких чувств: только факты. Потому что я здоров, я совершенно, абсолютно здоров. Я улыбаюсь — я не могу не улыбаться: из головы вытащили какую-то занозу, в голове легко, пусто. Точнее: не пусто, но нет ничего постороннего, мешающего улыбаться (улыбка—есть нормальное состояние нормального человека).

Факты — таковы. В этот вечер моего соседа, открывшего конечность вселенной, и меня, и всех, кто был с нами, взяли, как не имеющих удостоверения об Операции — и отвели в ближайший аудиториум (нумер аудиториума — почему-то знакомый: 112). Здесь мы были привязаны к столам и подвергнуты Великой Операции.

На другой день я, Д-503, явился к Благодетелю и рассказал ему все, что мне было известно о врагах счастья. Почему раньше это могло мне казаться трудным? Непо-

нятно. Единственное об'яснение: прежняя моя болезнь (душа).

Вечером в тот же день — за одним столом с ним, с Благодетелем — я сидел — (впервые) в знаменитой Газовой комнате. Привели ту женщину. В моем присутствии она должна была дать свои показания. Эта женщина упорно молчала и улыбалась. Я заметил, что у ней острые зубы и что это красиво.

Затем ее ввели под колокол. У нее стало очень белое лицо, а так как глаза у нее темные и большие — то это было очень красиво. Когда из под колокола стали выкачивать воздух — она откинула голову, полузакрыла глаза, губы стиснуты — это напомнило мне что-то. Она смотрела на меня, крепко вцепившись в ручки кресла — смотрела, пока глаза совсем не закрылись. Тогда ее вытащили, помощью электродов быстро привели в себя и снова посадили под Колокол. Так повторялось три раза — и она все-таки не сказала ни слова. Другие, приведенные вместе с этой женщиной, оказались честнее: многие из них стали говорить с первого же раза. Завтра все они войдут по ступеням Машины Благодетеля.

Откладывать нельзя — потому что в западных кварталах — еще хаос, рев, трупы, звери и — к сожалению — значительное количество нумеров, изменивших разуму.

Но на поперечном, 40-м проспекте удалось установить временную стену из высоковольтных волн. И я надеюсь мы, мы победим. Больше: я уверен — мы победим. Потому что разум должен победить.

Е. Замятин.

ОБРАЗЦЫ ЧЕШСКОЙ ПОЭЗИИ

Чешская поэзия представляет из себя многообразное, богатое царство, по странным причинам доселе почти неведомое Русским читателям. Тогда как, наряду с нашими родными созидателями бессмертного стиха и лучшей в мире художественной прозы, мы весьма ознакомлены с поэзией и прозой Франции и Скандинавии, Германии и Англии, мы, Русские, непростительно невнимательны к произведениям словесности братских народов, родных нам по крови. Еще Поляков мы кое-как знаем, но именно кое-как. А кто из Русских любителей литературы знает что нибудь о творчестве Чехов, Сербов, Болгар? Это большая ошибка, которую нужно расчаровать и уничтожить.. Это пробел, который легко и должен заполнить, превратив неосведомленность в обогащенное знание, в поэтическое побратимство всех Славян.

Если Польская словесность, естественно, притягивала нас гордым и справедливым своим бунтом, Чешская поэзия, далеко не лишенная мятежности, ближе к нашей Русской душе своей основой созидательной, утробным духом земли и всех очарований поля, луга и леса. Самое лучезарное Чешское имя, означающее зарю новой поэзии 19-го века, Карел Гинек Маха, предвозвестил, за краткую, как Лермонтовская, свою жизнь, блестящую плеяду таких поэтов, как Ярослав Врхлицкий, Антонин Сова, Отакар Бжезина и целый длинный ряд великолепных изобразителей родного края и сложной, певучей, упорной Чешской души, одинаково понимающей и тягу земную, и полет в безпредельное. Во всей мировой литературе — предмет моего изучения за всю жизнь — я не знаю такого пронзительного и прекрасного выражения любви к земле, как тот возглас, который Маха влагает в уста молодого узника, волею несправедливой судьбы сделавшегося разбойником, угрозным владыкой леса, *страшным паном лесов,* и гибнущего жертвой незрячего закона. Обращение узника к облакам, которые он выбирает послами своей души, до странности близко к поэме лучшего Индусского поэта, Калидасы, «Облако», которая тогда еще была неведома в Европе,

оно внутренно может быть также сближаемо с бессмертными строками Лермонтова, «Тучки небесные, вечные странники». Указываю на это лишь затем, чтоб установить уровень полета Чешского поэта. Своеобразие его остается принадлежащим лишь ему.

Врхлицкий — неисчислимое богатство кладов, так же, как Сова и Бжезина. Книга «Избранных произведений Врхлицкого», в моей передаче, должна в скорости выйти в Праге. Но должно представить Чешскую поэзию сотнями переводов, и я это сделаю в ближайшие два-три года. То, что я предлагаю сейчас — лишь цветистая тропинка в зачарованный сад. Это пригоршня жемчужных зерен. Связка колосьев. Свежей росой обрызганный, букет цветов, окраски особенной и благовония изысканного, при всей простоте и природности этого аромата.

Юрий Волькер, — поэт современности, которому будет посвящена особая работа, — вчера ушедший поэт-юноша, жил еще меньше, чем Шелли и Новалис, но, как Новалис и Шелли, одаренный даром редкостным, он сразу подошел к Природе и к человеческой душе вплоть, — и Природа поделилась с ним своими тайнами, а душа овеяла его поэтический подвиг крыльями.

К. Бальмонт.

МАХА
(1810-1836)

МАЙ

Отрывок

... По синей вышине чуть вьется белый дым,
Легчайший ветерок играет в хлопья с ним;
А выше, высоко — в далекие края
Уходят облачка, как плавная струя,
По небу дальнему плывут, как дым кадил,
И узник горестный к ним так возговорил: —
«Вы далеко-стремящимся бегом своим,
Как объятием тайным до лона земли,
Распылившись, как звезды, как тени небес,
На себя распечалившись, льетесь вдали,
Выливаетесь в слезы, лишь в них благодать,
Между всех я послами хочу вас избрать.

Вы, куда бы ни плыли в далекой той мгле,
Поклонитесь в своем богомольи земле.
Ах, красивой земле, той любимой земле,
Колыбели моей и могиле моей,
То родимая мать, все владенье мое,
Все наследство мое, ширь единой земли.
Если-жь бег ваш до озера вас приведет,
Где гора, где тоска, там, где девушка ждет»...
Тут умолк он, и, схвачен своею тоской,
О любимой роняетъ слезу за слезой.
Вот с узником с горы, когда тот стон умолк,
Широкою тропой нисходит к бору полк,
Все ниже, ниже путь, и вот пригорок, луг,
И многолюдная толпа притихла вдруг.
Ужь изготовившись, палач стоит с мечом,
И узник поднял взор, глядит еще кругом,
Еще глубокий вздох, терзания печать,
И взор потупился, — готов он смерть принять.
Он шею обнажил, последний час настиг,
Коленопреклонен, стоит, о, страшный миг,
Вот отступил палач, вот заблистает меч,
Вот приступил палач, чтоб голову отсечь,
Упала голова — скачок — еще скачок, —
И тело падает к земле, — свершился рок.

Ах, к красивой земле, той любимой земле,
К колыбели его и к могиле его,
То родимая мать, все владенье его,
Все наследство его, ширь единой земли,
По любимой его, по родившей его,
Кровь сыновняя тут, кровь родная течет.

За членом сломан член, булат его смолол,
Вплетен он в колесо, взнесенное на кол,
И голова поверх, такой сужден ей стан,
Так кончил жизнь свою лесов угрозный пан.
На мертвом облике последний дремлет сон.
И целый долгий день толпа со всех сторон
Глядит, — на мертвый лик возможно-ль не взглянуть?

А солнце, к западу склоняя светлый путь,
Смеялось в мертвый зрак отъятой головы.
Утихло озеро, — и брег — узор канвы.

Над далью темных гор последний рдел пожар;
В безгласьи месяц встал и, полный тайных чар,
Он мирно серебрил то мертвое лицо,
И холм, и озера чеканное кольцо.
Белея, тает даль сквозь синий полумрак,
Чрез синь в далекий край уходит мертвый зрак,
В тот край, где он дитя... О, красный, ясный часъ!
Далеко бег часов закинул оный сказ.
Далеко сон его, умерший, теневой,
Как образ белых мест, расплавленных водой,
Как мысль последняя уснувших навсегда,
Как имя тех, кто был, как давних лет вражда,
Сияний северных погасший светолук,
Разбитой арфы вздох, струны разъятой звук,
Свершенья прошлого, звезды умершей свет,
Умершей милой мысль, погасщий путь комет,
Могилы брошенной забытая печаль,
Безгранной вечности бытийственная даль,
Огней угасших дым, набата смолкший глас,
Таков умерших сон, их красный, детский час.
Был поздний вечер — ясный май,
Вечерний май — любовный рай,
В нем голос горлицы плывет,
К любви — к любви — к любви зовет.

ВРХЛИЦКІЙ
(1853-1912)

ГРУСТЬ

Грусть! из недр ночных фиалок,
Светляком мелькая в очи,
В душу ты мою запала
Тьмою тихой летней ночи.
Вспыхни в сердце звуком песни

И, в предчувствии ликуя,
Разгорайся в снах чудесней,
Чаровательно прекрасней,
И в согласьи поцелуя
Гасни!

ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ

Целый день мы вместе были,
Ничего не говорили,
И смотрели мы, как вечер
Таял без усилий.

Как все тише над лугами
Без движенья шел ветвями,
Точно смерть и точно доля,
Как мы немы сами.

Мы здесь в высях упоенья,
Там — людской провал мученья,
Те две глуби — ночь с душою —
Мерили боренье.

АМАРУС

В монастыре жил с детства; как туда
Пришел, не знал и сам, но от греха он
Рожден был, оттого Амарус назван.
Он был высокий, бледный, вечно в мыслях;
К земле потуплен взор, как будто все он
Искал чего-то, то, чего не знал он.
Однажды, в час, как месяц серебрил
Решетку кельи, говорил он к Богу: —
«За муки все мои, за отреченье,
За жизнь не жизнь, яви одну мне милость,
Скажи мне, — в том моя мольба, — когда умру»?
А мысль свою еще он не домыслил,
Как ангел в слух шепнул: «Умрешь той ночью,

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград

Когда забудешь масла ты налить
Пред алтарем в лампаду». — Дни и годы,
Мелькнув, прошли; Амарус, как всегда,
Жил смутный, но к лампаде негасимой
Он подходил и, масла подливая,
С улыбкой грустной говорил себе: —
«Свечу душе, я душу зажигаю».
Пришел он раз долить в лампаду масла,
Была весна, храм темный, у колонны,
Под изваяньем Девы, двух влюбленных
Он увидал. Дыханье затаив,
Он стал за ними, а когда молитву
Окончили они, пошел за ними
На цыпочках, он схвачен был тоской
Неизъяснимо-страстной. Задержался
На монастырском кладбище, весь воздух
Черемухой был полон и сиренью,
Ему ударил в голову тот дух
Хмельной, в кусте поодаль пела птица,
Два мотылька, как два цветка, что были
На яблоне и ожили, летали
Вокруг него, он дальше, дальше шел.
Одна могила, что сравнялась с дерном,
Скрывалась, там счастливые сидели: —
Он голову на грудь ей положил,
В волну волос, что цвета были ночи,
Сирень роняла свежие цветы,
За ними пела птица, и, ласкаясь,
К волне кудрей слетели мотыльки.
О матери своей Амарус вспомнил.
Не знал ее, а горькой этой жизнью
Был ей обязан, — птица пела песню,
Сирень цвела, в траве роса играла;
Не долил масла в этот день Амарус
В лампаде негасимой, все стоял
Упорно, и еще все пела птица.

На утро, как сошлись во храме братья,
Увидели угасшую лампаду,

Амаруса искали, — ни следа.
В глубоком рву, на кладбище лежал он,
Припав к могиле матери своей,
И мертвый лик был обращен к сирени,
К черемухе цветущей, — так лежал он,
И птица пела песнь свою над ним.

ЯН РОКИТА
(1864)

ОТПУЩЕНИЕ

Где же солнце? Где мои созвездья?
Ночь меня тенями обступила,
Зной в лице, и холод, и возмездье,
Мой был грех, со мною вражья сила.

О, душа, какой я бедный, малый!
Ты царишь высоко надо мною,
Лик твой — лик зари с каймою алой,
Я — могила, холм зарос травою.

Преклонись, молю, у той могилы,
Белых рук своих сомкни запястье,
Помолись, яви свой призрак милый,
Может быть, искупит то участье.

Может быть, сокрытый там в просторе,
Бог простит, приняв твои моленья,
Может быть, в твоем прочту я взоре
Божий знак любви и отпущенья.

АНТОНИН СОВА
(1864)

МЫ ЕЩЕ ВОЗВРАТИМСЯ....

Мы еще возвратимся, однажды, задумчиво,
в место, где пряно
Цвет дышал, что увел нас с дороги, когда
над теченьем реки

Вечер плыл по серебряным сумеркам вдаль, —
мы еще возвратимся,
Мы вернемся однажды туда, где мы слышали
песню из окон,
Что глядели в ограду замолкших садов.
Мы однажды найдем еще снова знакомую
сердцу тропинку,
Тот единственный лес на горах, что в осенние
дни расцвечен,
И мы будем глядеть и следить за живой
перекличкою эха,
Где-то тихий, упругий был шаг, — может,
тайный оставил он след.
А душа? Память врезалась в ней, изольются
смолистые капли,
Запоют, заблестят по траве,
И раскинет высоко она свои частыя, темныя
ветви,
Искупает их в солнце предзимнем
Вознесется притихшее древо сквозь сумерки
к тучам скользящим.
Это все на тропинке темнеющей будет в един-
ственный миг,
В час заката, когда так сжимается болью
усталое сердце.

ПЕТР БЕЗРУЧ
(1867)

РУДОКОП

Я копаю, под землею копаю,
Я тяжелые глыбы, как горячего змея,
Как чешуйчатость змея, копаю,
Под польской Остравой копаю.

Мой фонарь угасает, упадают на лоб
Волосы, слипшись от пота,
Жолчь заливает глаза,

От жил и от темени курится пар,
Из-под ногтей брызжет красная кровь,
Я копаю, под землею копаю.

Я молот широкий до копей мечу,
На Салмовцах копаю,
Я в Рыхвальде копаю, я в Петрвальде копаю.

У Гуцулы жена моя мерзнет и стонет,
На груди ея плачет голодный ребенок,
Я копаю, под землею копаю.

Искры из копи летят,
Искры летят из глаз,
Я в Домброве копаю, я в Орлове копаю,
На Порембе копаю, подле Лазов копаю.

Надо мной, над моей головой, копыта гремят,
Граф едет поместьем,
Графиня торопит коней своей ручкой,
На розовом лике улыбка.

Я копаю, мотыку я вверх воздымаю,
В замок идет, посиневши, жена моя,
Хочется хлеба, изсохло в груди молоко.

Доброе сердце у пана,
Из желтого камня замок его,
Под замком гудит и грохочет Остравица,
У ворот скалят зубы две черные суки.

Чего она в замок ходила просить и молить?
На поле господском ростут ли колосья
Для рабы рудокопа?
Я в Грушове копаю, в Михалковцах копаю.

Что будет с моими детьми,
С дочерьми, с сыновьями,
Когда меня вытащат раз из копей умершим?

Мой сын будет дальше копать и копать,
На Карвинне копать,
А дочери, — что же бывает
С дочерьми рудокопов?

А если-б однажды проклятый фонарь
Я в копь зашвырнул?
Согнутую шею бы поднял и выпрямил?
Левую руку бы сжал и прямо бы вышел?
Полукругом с земли к небесам
Горящие очи и молот бы поднял,
Под солнцем, под божьим?

ОТАКАР БЖЕЗИНА
(1868)

ВЗГЛЯД СМЕРТИ

Вблизи изголовий и в дымах предчувствий мой
взгляд был смущеньем томим,
Он был, многократно, погасшей свечою пред
взглядом победным твоим.
В моем — тоскованье и слабость, в твоем же —
как молния яркая, сталь,
И в зеркале этом я собственной мысли постиг
уводящую даль.

Шла бледная мысль моя к ширям безвестным,
к пределам незнаемых стран,
Где сумрак, где даль, где полярные ночи свой
водят немой караван.

В лицо ей сомненье дышало испугом и вечный
простор холодов,
Но кованый, крепкий, на хрупкое тело, всегда
был наброшен покров.

В загибы теней, уходящих из мраков, из зрака,
где сказочный брег,

Как цвет непонятного древа, порывно спадал и
мятелился снег.

Густел и темнел он, впивал в себя зори и бился
в проворных струях,
А где в моих мыслях изсечены шрамы, он таял
в багряных огнях.

Вблизи изголовий и в дымах предчувствий мой
взгляд был не раз не моим.
Он был, многократно, погасшей свечою пред
взглядом упорным твоим.

Лунатиком, с ложа луной уведенным, я шел
в цепененьи немом,
За ним, что внушает, за ним, что Непознан, за соб-
ственным призрачным сном.

А в длани истомной всех дней моих тусклых,
которыми дух мой томим,
Горят погребальные факелы ярко, зажженные
светом твоим.

БРАТСТВО ВЕРЯЩИХ

Мысли наши купались в волнах разожженных
священного лета,
Синие царства душ оно зажигает пыланием
жатвенных месяцев,
Отсвет в себя принимает созреванья всех звезд.
Когда же смыли с себя все прискорбные зна-
менья праха,
Встали они в чистоте первобытных светил
И силу познали роскошного часа, — дыханье его
Было нежнейшей надеждою мертвых, — и в бу-
рях таинственных
Было кипение почек, еще не раскрытых,
Всех зеленых грядущих садов.

Дни, что утр не имели, бросали нам издали светы,
Как отзвук, как эхо столетних темлений,
Безумились мы безумьем любви, что молитвой
была к Наивысшему,
Из уст наших сладкий струился тот сок,
А сами сгорали святою мы жаждой,
Зрачки наши пили ее из братских зрачков,
И братским взглядам давали испить той любви,
И в неведомой, полной волнений, близости крови,
Нам звонила она музыкой таинств.

Сны наши слитно спаялись в одно сновиденье,
И шумели деревья единого леса, дрожаньем
ветвей отдавая,
Посольства единого ветра от незнаемых даль-
них морей.
На наших лугах — всех цветов благовонья лежали,
Ладом в единый слиявшись созвук.
Душ наших светы, в пыланье слившись единое,
Красками рдели невиданными,
А голос всех наших споенных воль
Расцветил нам в волшебных садах небывалые силы.

Мы срывали свое упоенье, как гроздья единой
священной лозы,
И от наших касаний выбрызгивал сок,
Золотилось единое наше вино,
Яблоки в чаще единственной яблони
Общею нашей багрянились кровью,
Поцелуи единственной ночи, в них души
о смерти поют
И о будущих жизнях,
В едином пылании губ, на века воспаленных
Роскошным недугом единого блеска.

КАРЕЛ ТОМАН
(1877)

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Дом обветшалый. На стенах дырявых
Разросся жадный мох.
Лишайники в прожорливых оравах.
Забытый двор давно заглох.
Жабреем каждый стебель здесь задавлен,
Одни крапивы лесом разрослись.
Заплесневел колодец и отравлен,
В нем водопой для крыс.
А яблонь хворая, вся — хилость и утрата,
Не знает, что, она цвела-ли хоть когда-то.

В веселый ясный день, когда лучи блестят,
В обломках посвисты щеглят.
От солнечных лучей меняется картина,
Минут летящих мнится шум,
Как будто тень часов, танцует в них былина,
Вздох: «Sine sole nihil sum».

Без солнца я ничто. Ведь в мире все — личина.

ОТАКАР ТЭР
(1880-1917)

ЛУННАЯ НОЧЬ

О, лунная ночь, светлоясная ночь,
Ни ветра, ни голоса нет,
Печально лишь льет серебро чаромочь,
Тоску закатившихся лет.

О море я думаю. Море сейчас
Одна серебристая гладь.
Вглядеться бы в радость единственных глаз
Одну целовать, целовать.

О море я думаю. Весел размах.
Для рыбарей — чары глубин.
Я в городе черном, я в тесных стенах,
Один я, один я, один.

ВЕТЕР

Глаголь, весенний ветр, дубравно
Греми мне топотом копыт,
Твоей я речи следопыт,
С тобой тоскуется так славно.
Лес распляши, рой туч трави,
Забросься вскачь по смятым водам,
Удар твой каждым верным ходом
Взвивает вихрь в моей крови.
С тобой мы братья. Тем же роком
От неба мчит нас в глубину,
Чтоб долю стона знать одну.
Крушим, ломаем диким скоком.
И долетим. Каким путем?
И где, мой брат, мы упадем?

ЛЕТО В ЗОЛОТЕ

Пряхи русые, младые,
Цвет-подсолнечник качая,
Сыплют искры золотые,
Зелень сада — золотая,
Пряхи русые, младые,
Паутины золотые
Ткут, тихонько напевая.

ЮРИЙ ВОЛЬКЕР
(1899-1923)

РАННЕЕ УТРО

Несмелое утро в лицо нам дышало,
Сном вольного леса, сном луга и гор.

Все странною верой в душе запылало,
Кровавая мука и тяжкий упор.
Покой в нас и радость, и бродим мы, босы,
Студеной травою в росистых лугах.
Серебряны всходы, в них ранние росы,
Мы плакали прежде, — теперь в нас размах.
Предчувствие солнца — там в дымах кровавых.
Вы мыслите — здесь не сверкнем мы огнем?
Ах, верьте, лишь верьте, без страхов, без ржавых,
Мы верой и солнце с собой унесем!

СМИРЕНИЕ

Стану я меньшим, еще стану меньшим,
Чтоб стать наименьшим на целом свете.
Утром, в лугах, в расцветающем лете,
Над цветком наклонюсь наименьшим.
Буду ближе и ближе к нему наклоняться,
Зашепчу, перед тем как с цветочком обняться: —
«Малютка босой,
Небо, с тобой разделяя всю власть,
О тебя опирается каплей, росой,
Чтоб не упасть».

ЖАТВА

Солнце великий поэт,
Написало красивую песню
Пером золотым
На нашей земле.

Мужчины без сюртука,
Женщины в алых платьях,
Детки на маминой юбке,
День деньской
Только и делают,
Что читают, читают, читают.

На пригорке над полем
Также хочу говорить эту песню,
Возгласить,
Чтобы старые все на деревне
Вышли скорей на порог,
Услыхали, что солнце для нас написало.
Но слова такие большие,
Что никак не проходят моими устами,
Все же чую, что я: —
Колос на ниве,
Начертание буквы,
Всклик!

ПОЭТ, ОТОЙДИ

Поэт, отойди!
Брось все, — но вернись сюда с заступом,
Перерой весь участок земли,
От кладбища вплоть до черты кругозора.
С вечера брось здесь посев любви и смиренья
Дабы уродилось здесь утро златое и в блеске,
А поэтов в том утре бы не было,
Чтоб люди, все люди узнали,
Что значит плакать и петь.

К. Бальмонт.

КУЗЬКИНА МАТЬ

Покажу вам Кузькину Мать. Покажу ее такой, какой она была на самом деле — сухенькая, с седеющими уже висками, с лицом похожим на печеный картофель, с маленьким носом, увенчанным на конце бородавкой. Конечно фигура на вид не героическая. Но что же делать? Иной раз посмотришь на человека и думаешь: «ну и рожа!» А разговоришься, копнешь так сказать душу — и очарован. Герой, настоящій герой! Даром, что кривоглазый, или губы как у готтентота, а на голове вместо волос какой-то войлок. Но душа... Ах, что за душа!

Покойный Карл Романыч, мой закадычный друг, обычно говорил:

«Шелофека смотри с внутренностей. Не смотри на шелофека с морда — обманет морда»...

Милый Карл Романыч, он ли не знал людей! Бывало приедет к нам в город из своего степного хутора, чего - чего не навезет.И индюка выкормленного на просе и немецкой колбасы такой жирной и вкусной, что... Нельзя передать, как хороша немецкая колбаса. Только не любил Карл Романыч города: долго здесь не засиживался.

«Я — говорил Карл Романыч, прижимая руку к сердцу — настояши русски степной душа. В гороте мне тесно, ушасно тесно. В городе я все время хочу на двор».

И еще бывало.... Но бѣдный читатель уже очевидно вспотел, в ожидании рассказа. Обещал, мол, про Кузькину Мать, а говорит, Бог весть, о каких - то знакомых.

Ну, хорошо. Покажu вам Кузькину Мать.

I.

Если вы бывали когда либо на юге, в каком либо южном русском городе, где нибудь, этак, у Днепра — то я не стану тратить слов на описания. Боюсь я, признаться, описывать. И на самом деле! Только разойдешься, начнешь про заходящее солнце и пение соловья, а критик уже тут как тут.

«Опять у вас в рассказе птички чирикают? Хи - хи! А про солнышко вы уже тоже не раз говорили... в этом... как его... вашем последнем рассказе...»

И невольно перо начинает дрожать в руке и жалко висит на нем выуженная из чернильницы муха, и кажется, что и тебя, как муху, кто-то хочет проткнуть вот таким же стальным пером....

Но, ей Богу! Стоит закрыть глаза — и сами собой встают картины. И берег Днепра, увешанный просыхающими неводами, и бронзовые фигуры рыбаков, и вербовые леса в далеком утреннем тумане. Вдруг так ясно увидишь покосившийся домик у Днепра, на Цыганской Слободке... На домике заплатанная крыша, похожая на шахматную доску... В заплатанных штанах выбегает на улицу Кузька и кричит своему приятелю через дорогу:

«Сережка — а! Иди гулять в пуго-о-вки»! А Зиновей, по прозванию, Вареник (уши у него взаправду вареники— большие, пухлые и торчащие по сторонам) недовольно высовывается в окно и кричит, грозя закорузлым пальцем:

«Опять, байстрюки, под окнами гавкаете? Человек не спить из-за вас, голодранцы. Прысь отседава, а то я вас палкой по»....

Жофр, французский маршал, не мог быть величественнее Вареника в эту минуту.

А Кузькина Мать в это время пересчитывала в лачуге утреннюю выручку с базара. Считала в уме или зажимая по очереди пальцы — была не грамотная, что же поделать.

«Судака на рупь двадцать семь.... Пяток окуней — двенадцать копеек.... Соплячихе позычала восемь копеек... Осталось рупь тридцать одна»...

Кузькина Мать торговала на базаре рыбой. По утрам выходила на берег с корзиной и, поеживаясь от сырости, ждала рыбаков Вареник подъезжал на лодке, широкоплечий и мокрый от росы, пропахший рыбой.

«А-а! Наше вам» — говорил он, соскакивая на песок и подтягивая ближе лодку. И тут же ловчился обнять или поцеловать бабу.

«Не чипляй!» — деловито говорила Кузькина Мать. «Судака у тебе сегодня нету»?

«Есть, любуша, есть принчеса моя нецелованая. Есть и судак, только для вас изловили.»

Вареник протягивал руку и сейчас же отскакивал с притворным испугом.

«Чорт старай! — говорила Кузькина Мать, выхватывая из лодки первую попавшуюся под руки рыбу.

«Так тебе прямо по башке рыбиной, накарай Господь! По сурлу твоему поганому».

Рыбаки смеялись, а Вареник плутовато подмигивал и лез в лодку набросать в корзину рыбы. И тут вставало солнце. Конечно, можно просто сказать — вставало солнце. Но пусть лучше язык отсохнет у автора, если он так вот и скажет. Взять, хотя бы, лягушек. Они поднимали такой крик, встречая зарю, какой не всегда услышишь и на бирже.

«Иорк, Иорк! — заводила самая толстая, пуская пузыри и сидя на розовой колоде.

И тогда все орали, захлебываясь:

«Буку — карест, Иорк, Иорк, Девоншир-р-р...»

Вода и небо горели золотом и эмалью. А на западе, еще в фиолетовой дымке обозначались остовы стоящих на якоре судов. Щербатый месяц безжизненно болтался в посветлевшей розоватой воде. Где-то мычали коровы у водопоя. Пахло смолой и рыбой. Кузькина Мать спешила на базар, предварительно наказав сыну:

«Сиди дома, бесенок, в хате. Да не забудь посыпать курам ячменя, а не то»...

Кузька сопел, ощупывая в кармане осколок найденного им на улице ножа, и исподлобья глядел на мать. . .

И вот базар, южный базар. Посмотришь — голова

закружится. Рядом с телятами и свиными пузырями раскрашенные картины — портрет Иоанна Кронштадского, Спасение царской семьи, Гарем турецкого султана.... Красота!

Кузькина Мать раскладывала на столе рыбу, и начиналась торговля.

«Бабочки, рыбка свежая! — визжала Кузькина Мать. Бабочки — и! Чего хочешь, молодка? Чего захотела, милая? Сомина, бабочки, сомина!»

А рядом загулявший парень играл на брымбе, купленной у цыгана, держал ее в крепких зубах, бренькая оттопыренным пальцем. Потом вынимал инструмент изо рта и пел:

«Прости мине, мама,
Что я в красной кофте, —
Херсонские босяки
Сидят на дикохте»...

Нет, на самом деле эти южные базары.... Вспомнишь, и делается грустно. Часто и теперь, через столько лет вдруг выплывает из тумана знакомое лицо торговки... Да вот недавно поспорил я о чем-то с женой. Ухватила она меня по обыкновению за волосы — маленькой своей надушенной ручкой. Было больно, признаться, но я улыбнулся. Вдруг увидел так ясно.... Но разве поймет жена то, что я увидел? Нет, скажите по совести, разве поймет?...

Овдовела Кузькина Мать рано, после трех лет супружеской жизни. Покойный муж ея, Герасим, был не то чтобы человек сердитый, но, напиваясь под праздник, колотил бабу по чем попало.

«Ты мине уважь — говорил Герасим, распоясываясь вечером у печки.

«Не уважишь — припояю по ряжке. Хочу про Марусю... спевай! Мару-уся отра-а-вилась»— начинал он гнусавым голосом.

Вздыхала Кузькина Мать — тогда она была просто мать, так как Кузьку еще не крестили.

«Легай спать, Герася — упрашивала она. Глянь ребенка напужал»...

«Спевай про Марусю! — настаивал Герасим и начинал скрежетать зубами.

Лицо у Герасима и без того страшное, опухшее и заросшее бородой, делалось еще страшнее. Тяжелый кулак опускался на голову несчастной бабы.

«Спевай, стерва! — кричал, наступая Герасим. Не хотишь уважить человека, убью...»

И тогда она, дрожащая и перепуганная, каким - то хриплым шопотом затягивала песню:

«Маруся отравилась, в больнице она уже лежить».

Герасим смягчался: в больнице... он сам лежал в больнице. Это было в позапрошлом году, когда щемиловские хлопцы выбили ему четыре зуба и сломали ребро. Герасим припоминал белую низкую палату, больничный двор и «фершала» Порфирия Иваныча. Потом плакал пьяными слезами и засыпал.

Так сложилась жизнь тусклая, как плавневойтуман— без просвета. Но умер Герасим — и заголосила овдовевшая баба над коричневым почерневшим лицом.

«На кого же ты мине покинул, ка-армилец ты мо-ой, со-окол!»

Три дня убивалась Кузькина Мать, а на четвертый, схоронив мужа, уже кричала попрежнему на базаре:

«Сомина, бабочки, свежая, сомина!»

Некогда было предаваться горю в суетливой копеечной жизни шумного, бестолкового базара. В сбившемся на затылок платке, раскрасневшаяся и взволнованная, боролась Кузькина Мать за право на существование,как привыкла бороться с детских лет, как боролись здесь все под этим солнечным небом. Опять Акулька - гусятница задирала ее на базаре и Кузькина Мать, размахивая руками, кричала ей, перегнувшись через лоток:

«Трастя на твою голову, голодранка! И матка твоя была щлюхой, и батько твой шибеник, гицель, и сама ты поганка, чтоб у тебе глаза лопнули на лбе!»

А гусятница, еще молодая и бойкая баба, уперев руки в бока, отчитывала на весь базар.

«Безмужница, цыганка, чтоб у тебе нутро перевернулось, чтоб твоему байстрючонку дыхало отшибло!»

Взвизгивала Кузькина Мать от обиды за сына и кидалась на соседку, как кошка. Обступали дерущихся баб любопытные зеваки и еще больше подзадоривали со стороны.

«Под микитки ее, под микитки! Атя-тя-тя-тя»!..

Бабы визжали, хватая друг - дружку за волосы, шипели гуси, вытягивая из - под лотка шеи, колыхался базар цветным кружевом пестрых платков и рубах.... И так было изо дня в день — базар, драки, ругань — из месяца в месяц, из года в год. Россия вела войны, заключала договоры, в России началась революция.... А на Цыганской Слободке, у берега текла все та же суетливая жизнь.

Кузька уже был парнем, с черными усиками на верхней губе, курил цыгарки, сплевывая через зубы, и часто ходил с синяками, полученными в неравном бою. И по прежнему торговала на базаре Кузькина Мать, казалось мало тронутая годами — такая же сухенькая, румяная и бойкая на язык. И по прежнему... Но здесь рассказ наш переносится в Грецию. Мы должны покинуть Цыганскую Слободку и с берегов Черного Моря устремиться к Эгейскому, туда, где растут маслины, откуда и к нам привозили маслины, так как нет лучшей закуски для русского человека — выпьешь рюмку и проглотишь маслину. «Карашо» — говорил мой друг Карл Романыч.

II.

Полковник Папандопуло получил приказ — грузить на пароход войска в срочном порядке. Полковник Папандопуло не был похож на Ахиллеса, хотя и носил это звучное имя. И уже, конечно, профиль его лица никак нельзя было назвать классическим. А третий ребенок, рожденный ему рыхлой супругой Клеопатрой, был пухлый, плосконосый и круглоглазый. И всетаки полковник Папандопуло любил семью и расставаться с ней было ему тяжело и больно.

«Подумать только — ехать в Россию. В эту дикую и некультурную страну!»

Полковник закрывал глаза и представлял себе унылое

снежное поле, по которому разгуливают белые медведи и стаи лютых волков. И вот в эту страну он должен вступить с войсками. Полковник Папандопуло выругался на чистом афинском жаргоне.

«Чорт бы побрал англичан. Это их затея. Они всегда носятся с колонизацией России».

Полковник Папандопуло с'ел без аппетита ранний завтрак, хотя это был его любимый фаршированный перец в томатах. Потом он нацепил все ордена полагающиеся ему по чину и отправился к генералу за инструкциями. Но используем время, пока полковник шагает вдоль троттуара, и опишем Афины. Афины, как известно, город древней цивилизации и культуры. Штурман дальняго плавания Чортопхайлов так рассказывал об Афинах:

«Отобедали мы, конешно, на шхуне, а опосля вийшел я пройтица по городу. Водка ихняя, греческая, конешно, слабая. Одначе заишол я в один ресторан что нибудь випить. Вынул я десяток драхмов — вдарил по столе кулаком. Давай, говорю, самую сильную. А тут, конешно, мамзеля присела до мине. Махаить руками, что-то лопочить, а что не пойму. Налил я ей рюмку, конешно. Выпила она и смеется. Хотишь, спрашиваю еще? И так я, конешно, надрался о ту пору, что когда б не сустрел нашего повара — не добраться бы мне на шхуну...»

Но довольно описаний. Нынче и так каждый норовит если не в Геродоты, то в Пимены. Посмотришь на человека — плевком убить можно. Маленький, лысенький, худой, как щепка...

А встанет перед толпой, да как начнет...

Мертвый заплачет, ей - Богу, как начнет он про колокола московские запузыривать, да про варягов.

Полковник Папандопуло сидел меж тем у генерала.

«Вот — говорил генерал, тыча пальцем на карту. В это место вам надлежит отправиться. Первый дессант высадится в Одессе, а вы пройдете в устье Днепра. Здесь на карте отмечено. Видите?»

Генерал придвинулся к карте, поскольку позволял ему тучный, выпирающий живот. Толстый палец с отточенным ногтем остановился на маленькой точке.

«Циканский сло... слопотка — прочел генерал, запинаясь. Здесь под прикрытием французских судов вы высадитесь на циканский слопотка.»

Полковник встал и откланялся. А через неделю.... Но что было через неделю, читатель без труда узнает в следующей главе.

III.

Есть такие дни на юге перед весной — мягкие, тихие, в кудрявых облаках. Когда зеленеют на старых погостах, пробиваясь сквозь мятый снежок, первые игольчатые травы. Когда в поле, на рыжей стерне виснут по соломинкам сверкающие на солнце капли. Легкий ветер дышет в лицо паутиной. Выскочит на бугорок юркий, хохлатый посметюх и, задыхаясь от радости, заведет незатейливую песню. А с устья реки веет еще прозрачной свежестью прошумевшего недавно ледохода...

Вареник сидел на заваленке в маленьком своем дворике и, щурясь от солнца ,прикрывал глаза ладонью. Отсюда с горы видна ему была вся Цыганская Слободка — горбатые хаты, припавшие к земле и длинная, ведущая к реке, улица. Кто-то вприпрыжку бежал по улице. Должно быть баба. Вон в юбке запуталась — чуть не упала. Через минуту она уже стояла у ветхой калитки.

«Здорово, кума — сказал Вареник, узнав в подошедшей Кузькину Мать.

И по заведенной раз навсегда привычке хотел обнять бабу.

«И не надоест старому чорту — сердито выругалась Кузькина Мать.

Глянь лучше на речку, безголовый. Чортов новых встречать надо».

Вареник разгладил рукой белую бороду.

«Чортов? Опять хранцузы, никак? — спросил он.

Кузькина Мать стянула на шее углы развязавшагося платка и пожевала губами.

«Ась? — сказал Вареник, теряя терпение.

«Чорты, как есть, чорты — не выдержала,наконец

Кузькина Мать. И шапки у них на головах рогатые, ей - ей. Только не по хранцузски говорять. Хранцуз той завсегда — бонжур, мармелад.... А эти как-то по чудному. Пантюшка-сапожник говорить, что греки. Говорить четыре парохода пришло с Адеса».

Вареник собрался уже было ввернуть острое слово, одно из тех слов, на которые так щедры днепровские рыболовы, но повернул голову и стал прислушиваться. Со стороны реки грянуло несколько выстрелов. Стая ворон с шумом поднялась над обрывом.

«Стреляють, идолы,—выругалась Кузькина Мать. Чтоб у них в печонке стреляло!»

Вся Цыганская Слободка всполошилась и загудела, как пчелиный улей. На заборах повисли мальчишки. Дед Кирилл, старый и лысый как тыква, помнивший еще турецкую войну и чумаков, медленно переступая подошол к забору.

«Дед, дай канахвет! — кричали мальчишки. Старик улыбался той беспомощной и мягкой улыбкой, какая всегда свойственна старости. На бронзовом лице его, в подслеповатых глазах застыло спокойствие.

«Что, дед, воевать хотишь? — окликнул его Вареник. Кирилл улыбнулся беззубым ртом.

«Мы воевали — прошамкал он.

Турков рубали, накажи мине Бог, ровно капусту».

«Ишь ты фортовый какой — сказал Вареник с насмешкой. Вот пойдем против грекосов, назначим тебе за место енерала».

Но в это время во двор вбежала чумазая девчонка и, захлебываясь, стала выкрикивать новости.

«Соплячихиного Ваньку заарештовали, накажи мине Бог. Соплячиха побегла просить ахвицера. А Гришку безрукого убили. На камише лежить убитай у берега».

Девчонка сверкала глазами, гордая вниманием слушателей.

«А вашего Кузьку, тетя, повели в город солдаты».

«Кузьку? Мово? Брешешь ты, паршивка. Кузька в плавни поехал на каюке. Еще до света поехал».

«Пускай мине холера задушить, если брешу, — закри-

чала девчонка. Сама видела, как зафатили его греки на речке. Его и Серегу Смехуна».

Побледнела Кузькина Мать и затряслась от подступившей к сердцу обиды.И так же, как в пылу базарной распри, замахала она руками, и полились слова бурным потоком.

«Шибеники! Живоглоты! Чтоб им, иродам, руки посохли! Чтоб ихней матке кишки витрусило! Чтоб...»

И вдруг заголосила Кузькина Мать, всхлипывая и вытирая глаза краем головного платочка. А по улице уже шли солдаты, в рогатых фуражках, подозрительно оглядываясь по сторонам, с ружьями на изготовку.

«Черти — сказал Вареник. И покачал головой.

IV.

Признаюсь, не без трепета начинаю эту главу. Здесь определено судьбой развернуть страницы Истории. Здесь надо припомнить давние времена, когда отважные аргонавты совершали свои буйные набеги. Мы увидим суровых воинов, потрясающих грозным оружием, зарево горящих сел, тысячи ослов, груженных богатой добычей. Да, мы увидим воинов и ослов. Но разве не то же увидел Пантюшка-сапожник ранним утром на Цыганской Слободке? Конечно, что значит для историка безхитростный рассказ Пантюшки? Легенда, миф, — не больше. Ученому историку подавай одни голые факты.

Кто первый ступил на берег, греки или ослы?

Сколько было греков и сколько ослов?

Все ли ослы высадились на берег и сколько греков осталоеь еще на пароходе?

Ах, уж эта научная статистика! И откуда Пантюшке знать такие тонкости? Ему и без того влетело по загривку от первого же грека, ступившаго на берег.

— Ты это что-ж? — сказал Пантюшка, подымая с земли слетевшую шапку.

— Хотишь, что-б я тебе гляделки вышиб?.. Я, брат, могу, хоть ты и с винтом...

Но солдат прошел мимо, не обращая на него внима-

ния. Солдат был вестовым полковника. Папандопуло. Сам полковник только что высадился на берег и теперь оглядывался вокруг с безразличием черепахи. Трехдневный морской переход, казалось, погасил в душе полковника всякий интерес к окружающей обстановке. Помнилось только: там, в Афинах, в уютном кабинете генерала, на желтой военной карте — точка. И эта точка называлась «Циканский Слопотка». И вот теперь он прибыл на «Циканский Слопотка». Полковник Папандопуло стоял посреди улицы, не зная еще, что предпринять. Прежде всего, конечно, надо себя обезопасить на случай нападения. В этой варварской стране можно ожидать чего угодно. Полковник отдал приказание выставить по улицам пикеты. Потом он расположился в реквизированной для него хате и стал писать донесение.

«Ваше превосходительство!

«С вверенной мне частью я занял окраину города, именуемую «Циганский Слопотка».

«Высадив на берег солдат и ослов, я прошол»...

Но оставим полковника заниматься служебными делами и обратимся к одному из героев рассказа — Кузьке.

Все детство Кузькино можно изобразить в трех словах — голуби, пуговицы и щеглы. Если только и вы, читатель, гоняли голубей или играли в пуговицы, если только и вы ловили щеглов — задача автора будет облегчена. Голубей узнавали по лапам, не правда-ли? Ежели лапы в пуху и хвост рыжий — значит, турман, настоящий турман. Вертуны — у тех шея всегда рябая... Что касается пуговиц... Но кто же не знает этого? Есть просто метки и есть фигурные. За одну метку дают три фигурных...

Голуби, щеглы, пуговицы. Так протекло Кузькино детство. А когда подрос Кузька и вытянулся вверх, так, что и Кузькина Мать должна была становиться на ципочки, что-б потянуть его за вихор ,новые интересы заполнили существование Кузьки. Впервые стал замечать ласковые взгляды девичьи и сердце у него забилось неровным стуком. Душу охватывало неукротимое веселье, сменявшееся вдруг неожиданной грустью. Тогда Кузька ша-

тался по улицам, или шел к реке, где пахли медом зацветавшие вербы.

«Чего мне хотица? — думал Кузька. — Чего хотица»?

Но он не знал, чего ему хотелось. Он только видел одно лицо, одно только имя слышал — и было то имя самым красивым на свете — Любка. С этих же пор полюбил Кузька ходить «на кулачки» и скоро стал одним из лучших бойцов на Цыганской Слободке. Кузька дрался с увлечением, находя в драке естественный выход для клокотавших в нем непонятных и буйных сил. Пантюшка сапожник, вечный соглядатай всевозможных событий, с восторгом россказывал о подвигах Кузьки.

«Перестряли Кузю щемиловские хлопцы, ей пра. Где идешь, спрашивают. Вижу, Кузя положил на землю сапет с рыбой, что-б ослобонить руки. А вам, говорит Кузя, какое дело, где я иду? Тут его, конешно, и припечатали. Вдарил Кузю передний по ряжке. Кузя его — по сурлу. Он Кузю в форточку, а Кузя его по дыхалу. Потом уфатил его Кузя за волосы, да пикой об землю его, об землю. Вижу, юшка текеть у него по нюху. Расковырял ему Кузя плевательницу, как есть».

Да, о подвигах Кузьки говорили повсюду. Здесь, на Цыганской Слободке, ценилась еще удаль в человеке. Не даром и Любка, черноглазая дочка соседа, с каждым днем делалась ласковее к нашему герою. И, кто знает? Не случись войны, развернись по иному события, не побей, наконец, Кузька греческого солдата — может быть, и нам пришлось бы показать иные картины. Да на что лучше! Свадьба! Тысячи писателей кончают свадьбой. А уж какую свадьбу мог бы изобразить ваш покорный слуга! С гармошкой, со скрипкой, с бубном. Где кавалеры, расшаркиваясь перед дамами, говорят сладчайшим голосом:

— Позвольте вас, Манечка, пригласить на одну туру вальца...

А дамы, осыпанные пудрой, как мельничные жернова, напевают, выстукивая каблучками:

«Падеспанец хорошенкий танец —
Он танцуется так хорошо»...

И вот, суждено нам перелистывать грозные страницы Истории... «Но где же история? — спросит назойливый критик. — Где же она, эта самая Исторія»?

Полно, полно, милейший. История здесь, — перед вами. Незачем ерепениться. Не скандальте.

V.

У Соплячихи был один только глаз — маленький, круглый и острый. Но и один глаз Соплячихи стоил десятка лучших зрительных труб. Уши Вареника и глаз Соплячихи заменяли на Слободке газету. Если развернуть «Таймс» того времени или «Фоссише Цайтунг», мы бы прочли краткое сообщение:

«Оккупация греческими войсками Юга России протекает спокойно».

А Вареник лукаво подмигивал и, как бы нехотя, говорил:

«Вчерась я слыхал в трактире, будто повстанцы объявились. Скоро грекосов погонять в море, накажи мине Бог».

И Соплячиха, кутаясь в рваную шаль, утешала Кузькину Мать на базаре:

«Видела, сама видела, вот чтоб мине не дожить до завтра! Прийшло их три человека на речку. Где здесь, спрашивают, тетя, осликосы. Это они про греков так... Скоро, говорять, тетя, ослобоним вас от осликосов»

Слушала Кузькина Мать Соплячиху и недовѣрчиво качала головой. Все эти дни, с тех пор, как арестовали Кузьку, она бегала по разным начальникам.

«Ты, тетка, не к нам, — говорил секретарь городской управы, — ты к грекам иди. Мы теперь ничего не значим. Вся власть у греков».

«Так не виноватай же, — настаивала Кузькина Мать. — Как есть не виноватай. Пускай мине короста нападеть, если Кузя первый его вдарил».

Секретарь наморщил лоб и беспомощно развел руками:

«За рыбку спасибо, тетушка, а только мы вам помочь не можем».

А в губернском правлении столоначальник Халуев даже вскочил со стула и топнул ногой.

«К-а-а-к? За большевика ?Просить за большевика? Да я его... Да чтоб я его!..».

Вышла Кузькина Мать из губернского правления совсем убитая горем.

«Нешто пойтить к грекам, — расмышляла она, идя по улице. — Только как им втолкуешь, иродам? Ежели свои не хотять помочь, то что же греки»!

И решила Кузькина Мать пойти к самому их главному, в штаб.

«Попросю его как след, может отпустить Кузю».

Показали ей белый дом на главной улице, — когда то в нем жил исправник. Колонки всякие на доме, облицовка под мрамор, — подступить страшно. И срезу у ворот увидала: стоят рогатые, во всем зеленом, хуже антихристов. Хотел ей загородить солдат дорогу, опустил вниз ружье и залопотал что-то сердито и быстро.

«Ты это кому? — возмутилась Кузькина Мать. — Это ты на мине? Ах ты, очкурок паршивый! Матку свою пужай, сопляк»!

Она прошла в ворота, отстранив часового, и стала подыматься по ступенькам на парадное крыльцо.

Солдат побежал было вслед за ней, но потом раздумал и махнул рукой. Вошла Кузькина Мать в светлую комнату — оглянулась по сторонам. Сидели вокруг важные паны, у одного усы, как у кота, — должно быть, и есть начальник. Собралась было она подойти к нему, да в это время окликнул кто-то:

— Тетка! А, тетка!

Видит — подзывает ее пальцем маленький, толстенький человечек. Голова у него, как редька, и лицо безусое, все в морщинах.

«Ты, тетка, зачем? — спрашивает человечек. — Еже-

ли по делу какому — можешь мне объяснить. Потому я здесь переводчиком».

Обрадовалась Кузькина Мать.

«Галупчик! — говорит. — Ваше благородие. Изъясни им, иродам, почто держать мово Кузю, когда дите невиноватое, как есть, вот чтоб мине паралич вдарил под светлый праздник».

Почесал переводчик лысину и, как то боком, взглянул на бабу.

«Не виноват, говоришь? Гм... Может быть, оно и так. Только меньше, как за пятьдесят рублей и не возьмусь. — Сердитый у них начальник полковник Папандопуло. Гляди, расстреляет еще твоего Кузьку. Это у них, греков, скоро».

Испугалась Кузькина Мать и переменилась в лице:

«Ваше благородие! Век буду Бога молить. А ежели когда рыбки какой... Скажем, судака или осетрины»...

«Ладно уж, — прервал ее переводчик. — Ты вот постой здесь, в уголке. Когда надо будет, я позову».

С тяжелым сердцем ждала Кузькина Мать, какое выйдет решение. Денег ей не было жалко. Она бы и больше дала, лишь бы освободили Кузьку.

Вынула из-за пазухи полотняный кошель и, развязав его, пересчитала деньги:

«Аккурат пятьдесят три рубля восемьдесят копеек. Хорошо еще, что захватила с собой. Завтра бы все ушло на рыбу»...

В это время раскрылась боковая дверь и лысая голова переводчика закивала, приглашая войти.

Переступила Кузькина Мать порог и потихоньку перекрестилась. Комната была тихая — сурьезная. Круглые часы на стенке выстукивали — так, так! Какой-то важный пан в зеленом мундире сидел у стола и писал бумагу. Иногда он сдвигал брови, и тогда на красном лице его шевелились черные, закрученные вверх, усы. Взглянула на него Кузькина Мать и подумала:

«Вот, кто держить мово Кузю»...

И шевельнулась у нее мысль:

«Взять бы, да выцарапать ему, идолу, зеньки... Так

бы вцепиться ему в чуб и по всей фатере его... по всей фатере»...

Но полковник уже отложил перо и теперь глядел прямо ей в лицо круглыми своими, на выкате, глазами. Затараторил тут переводчик — что-то стал объяснять. Только одно слово услыхала русское — Кузька. И вдруг поднялись у полковника брови и опустились вниз усы. Закричал полковник Папандопуло, даже затопал под столом ногами.

«Уходи, тетка, — шепнул ей переводчик. — Не выгорит твое дело. Будут твоего сына судить, как бандита».

Побледнела Кузькина Мать.

«Это кто же бандист, выходит? Кузя? Это Кузя, значит, бандист»?

Она шагнула к столу, задыхаясь от ярости. Пестрый платочек ее развязался и клок седеющих волос выбился наружу.

«Бандист? — кричала она, — бандист? Сами вы здеся бандисты. Идол на идоле, нападе на вас болячка! Чтоб вам языки покрутило! Принесла вас нелегкая на нашу голову, рогатых»!

Кричала, не сдерживая уже накопившейся в душе обиды, машинально отталкивая тянувшего ее за рукав переводчика. Хлопнула дверь в соседней комнате. Кто-то выбежал наружу. Полковник Папандопуло привстал со стула с выпученными от удивления глазами.

«Чего вылупил буркулы, — накинулась на него Кузькина Мать. — Думаешь, как грек, так нет на тебе управы? Ишь, морду какую наел на русских хлебах, храпоидол заморский! Чтоб вас ветром потопило в Днепру, чертей!..

И, сложив кукиш, она поднесла его к самому носу опешившого полковника. Потом плюнула прямо в глаза не успевшему отскочить переводчику и, отступив к двери, уже с порога плюнула еще раз.

«Ах, вы, мошейники! — кричала она. — Что-б вам, шибеникам, ни дна ни покрышки»!

Кто-то хихикнул за дверью. Полковник Папандопуло закрыл глаза в ожидании нового плевка. Он долго дер-

жал их закрытыми, до тех пор, пока не удалились и не заглохли шаги разъяренной женщины. Закроем глаза и мы, читатель! Закроем их с тем, чтоб открыть при блеске ламп, на балу, у русского помещика Козодоева. Это даст нам возможность начать следующую главу под звуки духового оркестра. Не правда ли, как хороши эти старинные вальсы? Какой нибудь грек, позванивая шпорами, кружит по залу нашу русскую деву...

«Ола, — шепчет он, — Ола»!

А она, вся трепещущая и счастливая, прижимается к нему и... Нет, нет, — закроем лучше глаза.

VI.

«Здравствуйте, Андрей Иваныч!.. Сюда, голубчик, сюда. А-а! Петр Семеныч! Надеюсь, вы с супругой? Что»?

Козодоев встречал гостей, раскланиваясь направо и налево. В ярко освещенном зале уже гремела музыка. Тощий капельмейстер, похожий на весеннего скворца, с упоением махал руками. При каждом его взмахе барабан разливался грохочущей трелью и глушил на время медные голоса устремленных в публику труб.

Лицо Луки Ильича Козодоева сияло довольной улыбкой. Лицо Луки Ильича, еще не старое и без морщин, напоминало несомненно козлиную голову, но...

Мы должны решительно поставить это — но.

Где вы, скажите, видали козла с подстриженной бородой и выбритыми щеками? Побожусь, что и в цирке не видали. К тому же, козел, как известно, животное рогатое, что же касается Луки Ильича... Нет, мы не будем передавать городских сплетен. Послушать городских кумушек, так и у Луки Ильича были на голове рога. Но одно несомненно, — Лука Ильич слыл первым в городе хлебосолом.

Едали ли вы когда нибудь жирных домашних гусей, обложенных яблоками и айвой? Помните ли вы хруст молочного поросенка, поджаренного в сметане и нашпигованного чесноком? А крымские вина?

Пили вы когда нибудь крымские вина? Честное сло-

во, иной раз покажется, что у хозяйки дома, как у Лернейской гидры, десятка два голов. И каждая из голов улыбается так мило и кротко, так любезно улыбается каждая из этих голов, что вы сами начинаете улыбаться... Так потчевал Лука Ильич и друзей и недругов, каждого, кого забрасывал случай в богоспасаемый губернский город. На что уж немцы — народ, как известно, черствый и нашему русскому духу чужой, а вот и те поражались. Полковник фон Штейнберг, занявший в семнадцатом году губернский город, сказал, разводя руками:

«Ну и враги! Если все русские такие же враги, как гер Козодоев, мы, не воюя, пройдем до Урала».

А петлюровский атаман Хома Кэндюх, после запеканки в доме Козодоева и варениках с маком, воскликнул:

— Оце чоловик! Батько, рідный батько, хоть и кацап!...

Жена секретаря управы, Марья Васильевна, уверяла даже, что Кэндюх в тот вечер танцовал камаринского и пел «вниз по матушке по Волге».

Но, ей-Богу, как-то не верится. Кэндюх — украинец... и вдруг по матушке... Впрочем, чего не сделает хорошая запеканка!

Таким был дом помещика Козодоева, таким сохранился в памяти каждого хозяин дома, Лука Ильич, таким выводим мы его в нашем рассказе в вечер тысяча девятьсот восемьнадцатого года. В этот вечер, как мы уже сказали, в зале гремела музыка. Лука Ильич распорядился, чтоб играли восточные мелодии. Он ждал к себе греков — полковника Папандопуло и его адъютанта. Между тем было уже около девяти часов вечера, а иностранные гости еще не появлялись.

Городской Голова Сюсюкин, знавший отменное качество козодоевских ужинов, нетерпеливо поглядывал на часы. Наконец, улучив удобную минуту, он подошел к хозяину дома.

«Как думаете, Лука Ильич, приедут наши дорогие гости»?

Шея Городского Головы вытянулась в ожидании ответа. Шея Городского Головы не вмещалась в узком

воротничке и, казалось, не было на свете воротничка, способного ее вместить.

«О, да, непременно! — сказал Козодоев. — Сам полковник обещал приехать».

И Козодоев радостно ухмыльнулся. Но сейчас же сделал озабоченное лицо и, взяв Городского Голову за руку, отошел с ним к окну.

«Я вас хочу попросить, Никанор Никанорыч, — сказал Козодоев, наморщив лоб, — хочу попросить об одном одолжении».

Лицо Городского Головы выразило удивление.

«Вы у нас, Никанор Никанорыч, единственный в своем роде. Можно сказать, отец всего города»...

Козодоев ласково улыбнулся.

«И вот, я хочу вас просить... Скажите, голубчик, за ужином слово».

У Городского Головы от неожиданности выпала из рук папироса.

«Мне? Сказать слово?.. Господь с вами, Лука Ильич! Я же по ихнему, по иностранному, ни бум-бум»!

«Пустяки! — махнул рукой Козодоев. — Говорите по-русски. Что нибудь из древней истории запустите. Про Иракла там, или Минотавра... Лишь бы, понимаете, честь была»...

«Да, ей-Богу, боюсь, — отговаривался Сюсюкин. — Я и мифы ихние позабыл. Кто был Геродот, не скажу сейчас, хоть убейте».

«Ах, какой вы на самом деле! — укоризненно воскликнул Лука Ильич. — Словно ребенок малый, или красная дева. Ну, что вам стоит, голубчик, сказать пару-другую слов. Ведь, сущий пустяк»!

Сюсюкин хотел было что-то сказать, но в это время по залу пронесся шопот, и в дверях появились зеленые мундиры греческих офицеров. Музыка на хорах грянула встречный марш.

Козодоев испуганно оглянулся и, увидав входящих офицеров, поспешил к ним навстрѣчу.

«Смотрите же, — бросил он на ходу. — Я на вас надеюсь, Никанор Никанорыч»...

Городской Голова остался с открытым ртом.

«Вот так фунт, — подумал он с досадой. — зарезал... как есть, зарезал»...

И, с чувством человека, приговоренного к смерти, стал обдумывать предстоящую ему речь.

Здесь наступает момент в нашем рассказе, когда читатель (скажем в скобках: и автор), может, хотя бы мысленно, представить себе хороший ужин. Для этого стоит только заглянуть на кухню козодоевского дома. Повар Фомич, более красный, чем раки, которых он вынимал из кастрюли на блюдо, утешал хозяйку дома — Олимпиаду Козодоеву:

«Вы, барыня, не безпокойтесь... Вы, барыня, того... не безпокойтесь»...

«Пьян, негодяй, — думала Олимпиада Петровна, глядя на багровый лик Фомича. — Еще, чего доброго, цыплят пересушит или сожжет пирог».

«Какие нонче раки? — говорил Фомич, презрительно пожимая плечами. — Разве это рак? Попросю вас взглянуть... Стыдно назвать раком»...

Олимпиада Петровна снисходительно улыбнулась.

«Да, да, — сказала она. — Только ты старайся, Фомич. Главное — цыплят не засуши. Помнишь, как в тот раз, когда встречали французов? Я чуть со стыда не сгорела»!..

Фомич что-то пробурчал, укладывая на блюдо последнего рака. Олимпиада Петровна, бывшая уже в вечернем туалете (на ней была туника из синего шелка), в последний раз оглядела опытным взглядом груды приготовляемых закусок..

«Торт у тебя какой сегодня»? — спросила она, заметив жаровню.

«Известно какой, — сказал Фомич. — На грецких орехах и с ванелью».

«Хорошо, — похвалила хозяйка. — Не забудь еще селедку обложить маслинами. Греки любят маслины».

Добрейшая была дама, госпожа Козодоева. Она вникала в каждую мелочь, в каждый пустяк, если только это могло кому нибудь доставить удовольствие. Она была...

Кстати, позвольте нарисовать ее портрет. Или, быть может, неудобно изображать важную даму на кухне, посреди пирогов и раков? Может быть, какой нибудь шустрый критик скажет, что это неслыханная дерзость? Но ведь искусство и есть дерзость, милостивые государи. Итак, Олимпиада Петровна Козодоева была в том возрасте, который принято у нас называть критическим. И кто называет? Заморыши называют. Какие нибудь засушенные петроградцы. Называют из зависти, потому что Олимпиада Петровна любого из них могла бы задушить собственными руками. Это был лебедь, настоящий русский лебедь, — когда плыла она по комнатам плавной своей, величественной походкой. Даже Городской Голова Сюсюкин казался в сравненьи с ней карликом, пигмеем. И что за формы! Циркулем не нарисуешь такие формы. Известный всему городу поэт Шепеляев даже посвятил ей влюбленные стишки:

«Твои сосцы, как горные вершины,
Когда их солнце утром золотит».

Вот, какова была хозяйка дома — Олимпиада Петровна Козодоева.

«Уж ты, Фомич, постарайся, — сказала она напоследок, покидая кухню. — Да положи поросенку в рот какую нибудь зелень для декорации».

И она ушла, хлопнув дверью.

В зале, куда направилась Олимпиада Петровна, уже кружились танцующие пары. Адъютант полковника Папандопуло — длинный, черноволосый грек, — позванивая шпорами, танцовал вальс. Сам полковник, упираясь щеками в туго накрахмаленный воротник, стоял у окна, окруженный доблестными клевретами. Лицо у полковника было чуть задумчиво, хотя он и улыбался порой, отвечая на вежливые поклоны.

О чем думал полковник Папандопуло? О чем он думал?.. Поистине, писатель должен быть сороконожкой. Он должен всеми сорока лапами брать беспрерывные аккорды. Едва коснется струн чистого лиризма, едва изобразит одного героя, а на очереди уже новое лицо... И

хоть бы лицо, как лицо, а то, изволите видеть, такая физиономия, что... Но о чем, все-таки, думал полковник Папандопуло? В голове его роились не совсем приятные мысли. Полковник вспомнил утреннее донесение разведки. Донесение было сбивчитое и неточное. В нем говорилось о какой то банде, о каком то вооруженном отряде, появившемся в окрестностях города. Конечно, сериозного значения этому событию придавать нельзя. Кроме того, греческая армия самая сильная в мире и солдаты буквально рвутся в бой, но все таки...

И полковник нервно покручивал усы.

«Разрешите вас пригласить, господин полковник... Же ву при, месье»...

Полковник Папандопуло согнал с лица задумчивое выражение. Хозяин дома, Лука Ильич, улыбался так нежно и, вместе с тем, почтительно, такая грация была в его поклоне, что у полковника Папандопуло невольно вырвался вздох облечения.

«Будьте добры, господин полковник, к столу... закусить... хе-хе»...

Обе руки Луки Ильича, подобно семафору, указывали в одну сторону, — налево. В ту же сторону была наклонена голова и даже левый глаз его смотрел слегка косо, в то время, как правый, был полузакрыт. Такая живая мимика могла бы убедить и глухо-немого.

Полковник Папандопуло взглянул налево и увидел стол, сплошь заставленный графинами и закусками.

«Эге! — подумал он. — Кажется, эти азиаты любят поесть!».

И, уже не ожидая нового приглашения, последовал за хозяином дома.

«Сюда, господин полковник, здесь... То-есть, я хочу сказать иси... — суетился Лука Ильич. — Позвольте вас познакомить, господин полковник. Моя супруга... собственно говоря, ма фам»...

Полковник Папандопуло поклонился.

Бедный полковник! В эту минуту решалась его судьба. В эту минуту старые седовласые Парки ткали последние нити трагического узора. И мог ли думать полковник

Папандопуло, мог ли он знать, как печально закончится для него сегодняшний ужан. К счастью, полковник Папандопуло вообще не любил думать. Вид пышной дамы, сидящей с ним рядом, запах закусок и вин, вытеснили из головы полковника все остальные мысли.

«Господа»! — обратился Лука Ильич к своим гостям, когда все уселись за стол и лакей разлил вино.

«Как хозяин дома, я, господа, подымаю бокал за наших друзей и благодетелей. Я, господа, провозглашаю тост: вив ля Греция! Ура, господа, ура»!

Лука Ильич с приятной улыбкой повернулся к полковнику Папандопуло. Дружное ура прокатилось под сводами зала. Когда шум несколько утих, Лука Ильич наклонился к уху сидящего рядом с ним Сюсюкина и прошептал:

«Теперь ваша очередь, Никанор Никанорыч. Говорите»...

Городской голова встал. Лицо его побагровело. Он сделал рукой в воздухе витиеватый жест — нечто вроде архиерейского благословения — и, кашлянув, сказал:

— Друзья!

Потом склонил голову, искоса поглядывая на тарелку с недоеденным цыпленком, и погрузился в раздумье.

«Говорите же! Говорите! — дернул его за рукав Лука Ильич.

Но Сюсюкин продолжал молчать, как будто забыл все человеческие слова. Он только неопределенно хмыкнул и обвел стол мутными глазами. Наконец, что-то похожее на мысль промелькнуло в глазах Городского Головы.

«Друзья»! — повторил он тем же рыкающим голосом.

«Кого мы встречаем, друзья? Греков мы встречаем, — вот кого. А кто такие эти самые греки»?

Сюсюкин опять задумался.

«Да говорите же, говорите! — беспрерывно тормошил его Лука Ильич.

«Про мифологию ковырните... не забудьте»...

Сюсюкин втянул в себя воздух.

«А греки, — продолжал он, — потомки православных царей. А православные цари — потомки этих самых героев... Минотавра.. (ч еще этого самого, Геродота.»..

Сюсюкин запнулся. На лбу его выступили крупные капли пота.

«А посмотрите, друзья, какие у нас в городе греческие хлебопекарни!.. Франзоли, рогалики... И сдобное тесто очень хорошее... в особенности, из пеклеванной муки»...

Глаза Сюсюкина остановились на дэкольтэ госпожи Козодоевой.

«Да, из пеклеванной муки, — повторил он задумчиво. — Булки на молоке, из сдобного теста».

Сюсюкин даже пожевал губами, как бы смакуя вкусное тесто. Заметно было, что он медленно вдохновлялся.

«И вот, друзья, — воскликнул Сюсюкин. — Я подымаю бокал. За кого я подымаю бокал»?

Но за кого подымал бокал Городской Голова Сюсюкин мы не в состоянии ответить. Речь оратора была внезапно прервана ужасным грохотом, потрясшим небо и землю. Казалось, весь город провалился в преисподнюю — такой гул прокатился в воздухе. Гости повскакали с мест и дико уставились глазами в пространство. Госпожа Козодоева, вскрикнув, упала на руки полковника Папандопуло.

Поднялся шум и переполох невообразимый. Кто-то из гостей вспрыгнул на подоконник, разбив по дороге хрустальную вазу. Городской Голова расплескал вино на платье сидевшей рядом с ним девицы. В это время раздался новый удар грома, от которого зазвенела посуда и запрыгали в буфете серебряные ложки. Кто-то закричал — «спасите»! — Кто-то погасил свет, зацепив локтем выключатель. В комнату хлынула тьма. А за окном один за другим гремели удары, освещая по временам каким то дьявольским светом лица мечущихся в ужасе людей.

И вдруг кто-то сказал: «повстанцы». Десятки голосов подхватили — «повстанцы»! — Стало ясно, — город штурмуют повстанцы. Полковник Папандопуло, раньше

других понявший сущность тревоги, поспешно освободился от навалившегося на него тела госпожи Козодоевой, и бросился к выходу.

Здесь была давка, как на палубе тонущего корабля. Пробившись кое-как через толпу, полковник пробежал к воротам и, распахнув железную калитку, очутился на улице. Со стороны Днепра грохотали безостановочно орудия. Где-то справа трещал пулемет.

«Ну и попался», — подумал полковник. Ему представилось внезапно лицо кричавшей недавно в канцелярии русской торговки. И щемящий ужас закрался в душу полковника.

«Здесь все такие», — размышлял он. — «Попадись только им в лапы — живым не оставят».

Полковник Папандопуло побежал, задыхаясь, вдоль улицы. В темноте он натыкался на выбоины и неровности троттуара и раз чуть не упал, перепрыгивая через камень. Ночь была черная, беззвездная. Дувший с юга ветер нес далекие запахи прелой листвы и камышовой гари. И все это было чужое, незнакомое, — и город, и ветер, и русское небо, и пустынная улица, по которой он бежал. Сорок семь лет и непривычка к движению давали себя чувствовать. Полковник Папандопуло остановился. Какие-то люди прошли мимо, позвякивая оружием. Полковник напрягал зрение, стараясь угадать в темноте, кто это — друзья или враги. И вдруг, при вспышке орудийного выстрела, увидал на одном из идущих греческую фуражку.

— Стой! — крикнул полковник по гречески.

Идущие остановились. Полковник Папандопуло выпрямился и, приняв начальнический вид, приблизился к солдатам.

«Кузя, глянь, — сказал один из солдат. — Сам осликос к нам в руки бегить, накарай мине Бог!»

Полковник Папандопуло в ужасе отступил назад. И в ту же минуту тяжелый кулак сбил его с ног, брызнув в глаза снопом зеленоватых и красных искр. Полковник Папандопуло потерял сознание...

VII.

Помню, помню вас вечера над Днепром — синие, весенние, пропахшие вербами и осокорью!

Еще не взошел месяц, не прободал золотым рогом зеленую небесную муть. Еще бегут по воде, извиваясь, проворные медные змеи... Прислушайся! Это шумят волны. Это кукушка в часы заката звонко выстукивает над заводью давнюю твою весну. Это от верб мягкий пушок на глазах твоих и на щеках. Это от рыбацкого костра, от терпкого дыма, текут по щекам слезы... Прислушайся. В прозрачном небе шорох утиных стай. Крупная рыба плеснула у берега. Кто-то затянул песню. Помнишь?..

Тишина. Покой. Днепровские ночи. Гудит над плавней водяной бык. На Цыганской Слободке красные маки окон. И вербы, вербы...

Ах, уж этот вербовый цвет! Летит, летит, серебристым пухом оседает на щеках, путается в бороде... И не отряхнешь его, как ни старайся. Не отряхнешь... О вечера мои! О, ночи над Днепром, растаявшие в железном тумане...

VIII.

«Пропади они пропадом, арештанты! Чтоб им, рогатым, глаза полопали»!

Кузькина Мать стояла во дворе у Вареника и отсюда с горы наблюдала кипевший в городе бой.

Цыганская Слободка была уже в руках повстанцев. Все, кто был способен носить оружие, помогали выбивать из города греков. Дед Кирилл, и тот как-то приободрился, словно слетело ему с плеч десятка четыре лет. Он стоял на бугре у забора, похожий в темноте на старого днепровского водяного.

«Ты не гляди, что грек, — говорил Кирилл остановившемуся поблизости повстанцу. —

«Грек, братуха, тоже храбрость имеить. Ежели ты его не прикончишь — он сам тебе в спину ножом штыванеть».

«Головы им пооткручивать, гадам», — сказала Кузькина Мать.

«Чего им здесь надоть в Расее? Мало им, идолам, своей земли? Трястя ихней матке, чтоб их хвороба извела»!

Кузькина Мать не переставала ругаться, сердито сплевывая на землю. Она старалась погасить в словах жгучую тревогу за сына. Она глядела в темноту, в сторону города, где по временам стучали орудия, и сердце ее сжималось страхом.

«А что, как расстреляють? — думала она. — Что, как убьють?.. Только не такой Кузя хлопец, чтоб дался им скоро. Убегить, хоть что. Лишь бы в тюрьме не прикончили».

Свистнул снаряд где-то совсем близко, и крякнул за углом, взметнув огненный столб дыма.

Вареник присел на корточки. Кузькина Мать только повернула голову и сейчас же глаза ее расширились от удивления. Во двор входили два человека. Один из них — низенький, шатался, как пьяный, другой — высокий, подталкивал его сзади кулаками.

«Кто бы это мог?.. Да неужто»?..

И вдруг узнала.

«Кузя»!

Она рванулась к сыну с неожиданной для ее лет быстротою.

«Кузя! Сынок»!

«Здравствуйте, мамаша! — весело откликнулся Кузька. — Здравствуйте, дядько Николай»!

Кузькина Мать повисла на шее сына.

«Га-алупчик!.. Как же ты?.. Утек?.. Да как же они тебе не убили? Откедова же это ты?.. Господи, твоя воля»!..

Она забрасывала сына вопросами, не обращая внимания на жавшуюся в стороне приземистую фигуру. Только оторвавшись, наконец, от сына, Кузькина Мать взглянула на стоявшего рядом человека.

«Это у тебе кто такой? — спросила она Кузьку. — Приятель»?

Кузька хихикнул.

«Это, мамаша, я вам осликоса живого привел. Глянь-те, какой красавец. Серега Смехун малость ему сопатку расковырял».

«А-а»! — могла только воскликнуть Кузькина Мать.

К ней снова вернулась прежняя ярость, на время ослабленная радостью встречи.

«Тащи его в хату, идола, — сказала она. — Тащи его... Я ему покажу, где раки зимують».

Кузька подтолкнул пленного пинком ноги и полковник Папандопуло очутился в освещенной горнице.

Если бы полковнику показали голову Медузы, если бы сам дьявол выскочил вдруг из-под земли и стал перед ним с огненными вилами, — вероятно, это не так бы испугало его, как лицо знакомой торговки.

— О-о!

Полковник Папандопуло отступил к стене, протягивая вперед руки:

«О-о»!..

И в ту же минуту Кузькина Мать с визгом бросилась на свою жертву, узнав в ней ненавистного офицера.

«Командер! Ихний командер! — кричала Кузькина Мать. — Разрази мине гром, если я ему не вышкрабаю зеньки! Я ему, шибенику, покажу, который есть бандист! Ах ты, паршук, — холера тебе в живот! Дай только — доберусь до твоего чуба»!..

Но здесь кончается наш рассказ, дорогой читатель. Довольно сражений, крови, выбитых зубов и исковерканных физиономий. Все проходит, милостивые государи, — это слова мудрого Соломона. Но если лихая судьба забросит вас когда нибудь в Афины, — не попадайтесь на глаза полковнику Папандопуло. Собственно говоря, не попадайтесь ему на глаз, так как полковник Папандопуло выехал из России одноглазым. И еще Боже вас сохрани говорить при нем о русских торговках. Полковник Папандопуло даже в спокойной жизни помнит Кузькину Мать.

Василий Федоров.

ПТИЦЕЛОВ

С ладонью ищущей, с открытым лбом
Я подошел к немилосердным дням.
Стучусь — тик - так, стучусь — бим - бом:
— Не впустите ли вы меня? —

— Ты птицелов, а мы богатых ждем,
Богатых духом или кошельком.
Ступай скорей в Господень дом,
Ляг в уголок слепым комком.

Не колоннад обманчивый устой,
Не портиков позорная резьба:
Храм подлинный есть дом простой,
Без красного угла изба —

Приют последний, страшная страна,
Пристанище божественной души,
Пустое как сама она,
Иль как без сердца камыши.

С тобой да будет Повелитель сил,
Прошений не приемлющий вовек. —
Дней словеса я оросил
Горохом из - под теплых век.

И я бежал и был освобожден.
Без сердца днесь — о радость, Господин! —
Для нового житья рожден —
С тобой, с собой, один.

Александр Гингер.

БЕТХОВЕН[1])

Творить добро, где только можно, любить свободу превыше всего, и не изменять правде — даже на троне.

(Из альбома Бетховена).

Он был коренаст, невысокого роста, крепкого атлетического сложения. Широкое лицо, кирпичного цвета: только к концу жизни оно стало болезненным и желтоватым, особенно, зимой, когда он сидел взаперти, вдали от полей. Мощный выпуклый лоб. Черные, необыкновенно густые волосы, взъерошенные со всех сторон, точно «змеи Медузы»: казалось, их никогда не расчесывал гребень. Глаза сверкали замечательной силой, поражавшей всех, кто видел Бетховена: но большинство ошибалось насчет их оттенков. Они горели диким блеском на темном и трагическом лице, — поэтому они обыкновенно казались черными, — а они были серо-голубыми. Маленькие, глубоко сидящие, они резко раскрывались в страсти и гневе, с поразительной точностью отражая все мысли Бетховена. Часто, с печальным выражением, они обращались к небу. Нос был короток, широк, совершенно, как у льва. Нежный рот, но нижняя губа сильно выступала вперед. Внушительные челюсти, которые могли бы крошить орехи. Глубокая ямка с правой стороны на подбородке придавала странную диссиметрию всему лицу. «У него была добрая улыбка, — говорит Мошелес, — и при беседе часто любезное и приятное выражение лица. Но зато смех его был неприятен — резкий, отрывистый, сопровождавшийся гримасами. Это был смех человека, который не привык к радости. Обычно его лицо выражало меланхолию, неизлечимую грусть. Релстаб в 1825 г.

---

[1]) По случаю столетия со дня смерти Бетховена, торжественно празднуемого во всей Европе, приводим несколько страниц книги Ромен Роланна о Бетховене.

сказал, что ему нужно собрать все свои силы, чтобы удержаться от слез, глядя в эти «добрые глаза с их мучительным страданием». Годом позже, Браун фон Брауналь, встретил Бетховена в пивной: он сидел в уголку и курил длинную трубку, закрыв глаза: он делал это все чаще и чаще, по мере приближения к смерти. С ним заговаривает приятель. Он грустно улыбается, вытягивает из кармана записную книжечку для разговоров, и тем пронзительным голосом, который часто бывает у глухих, просит его написать то, что ему хотят сказать.

Его лицо преображалось, то ли под влиянием вдохновения, которое охватывало его совершенно неожиданно, порою на улице, к великому изумленію прохожих, то ли за фортепиано. «Мускулы лица напрягались, дикое выражение глаз становилось еще более страшным, рот дрожал. Он походил на заклинателя, побежденного духами, которых сам вызвал». Это была шекспировская фигура: «король Лир», — сказал Юлиус Бенедикт.

Людвиг ван Бетховен родился 16-го декабря 1770 года в Бонне, возле Кельна, под нищенской крышей бедного дома. Он был фламандского происхождения. Его отец был необразованным певцом и пьяницей, мать— — служанкой, дочерью повара; ее покойный первый муж был лакеем.

У него было суровое детство, без той семейной нежности, которой был окружен более счастливый Моцарт. С самого начала жизнь раскрылась перед ним, как печальная и грубая битва. Отец хотел эксплоатировать его музыкальные способности и показывать публике в качестве маленького чуда. Он заставлял четырехлетнего мальчика просиживать часами перед клавесином или запирал его в комнате со скрипкой и изнурял его работой. Он чуть чуть не отбил у него навсегда любви к искусству. Нужно было применять насилие, чтобы заставить мальчика учиться музыке.

Его молодость была омрачена борьбой за существование, исканием заработка, преждевременными заботами. В одиннадцать лет он был членом театрального оркестра, в тринадцать — органистом. В 1787 г. он потерял мать, которую обожал. Она умерла от чахотки, и Бетховену казалось, что и он болен этою же болезнью: он испытывал постоянное недомогание, и к его страданиям присоединялась меланхолия, еще более жестокая, чем сама болезнь.

В 17 лет он стал главой семьи, который должен был воспитывать двух братьев. Ему пришлось, краснея от стыда, добиваться отставки и пенсии отца пьяницы, неспособного управлять домом. И эту пенсию давали сыну, для того, чтобы отец ее не пропил. Все это наложило на него неизгладимую печать.

В ноябре 1792 г. Бетховен переехал в Вену, тогдашнюю музыкальную столицу Германии. Он знает, чего он стоит, он верит в свою силу. В 1796 г. он записывает: «Бодрись! Несмотря на все слабости тела, мой гений победит. Двадцать пять лет, вот, они пришли! Нужно, чтобы в этом году я раскрылся целиком».

Страдание уже стучало в его дверь. Оно стояло на пороге, чтобы более не уйти никогда. Между 1796 и 1800 г.г. глухота начала свое дело. Днем и ночью он слышал жужжание и звон в ушах, его мучили внутренние боли. Его слух все более и более слабел. В течение нескольких лет он никому не говорил об этом, даже самым близким друзьям. Он избегал общества для того, чтобы его недуг не был замечен. Он в себе самом скрывал свою ужасную тайну. Но в 1801 г. он не может больше молчать, он с отчаянием открывает ее двум друзьям. Одному из них он пишет: « я веду ужасный образ жизни. Вот уж два года как я избегаю общества, потому что я не могу разговаривать с людьми: я глухой. Если бы я имел какую нибудь иную профессию, это было бы еще возможно, но при моей — это создает страшное положение... Порою я проклинаю свое существование... Плутарх учит меня смирению. Я хочу, если это возможно, я хочу быть сильнее судьбы, но бывают мгновения, когда я чувствую себя самым несчастным созданием божиим... Смирение! какое печальное убежище — и, однако, это единственное, что мне остается».

К физическим страданиям присоединились еще и мучения другого рода. Вегелер говорит, что у Бетховена страсть всегда доходила до пароксизма. Его любовь всегда отличалась большой чистотой. Страсть не имеет ничего общего с наслаждением. Смешение между одним и другой, обычное в наше время, показывает только, что большинство людей ничего не понимают в страсти и что она чрезвычайно редка. В душе Бетховена было нечто пуританское: неприличные мысли и разговоры возбуждали в нем ужас. Он был непримирим по вопросу о святости любви. Говорят, он не мог простить Моцарту, что тот профанировал свой гений, написав Дон Жуана. Шиндлер, бывший его интимным другом, уверяет, что Бетховен «прошел жизнь с девственной стыдливостью, и его нельзя было упрекнуть ни в одной слабости». Такой человек был создан для того, чтобы быть жертвой любви. И он был ею. Он без конца влюблялся, без конца мечтал о счастьи, испытывал разочарования и жестокие мучения. В этих сменах любви и возмущенной гордости наиболее плодотворный источник творчества Бетховена до той поры, покамест порывы его натуры не находят успокоения в меланхолическом смирении.

Некоторые из его произведений поражают энергией и упорством их боевого ритма. Это особенно заметно в аллегро и финале Второй Симфонии, а еще более в первой глубоко героической части Сонаты императору Александру. Боевой характер этой музыки напоминает эпоху в которой она родилась. Революция докатилась до Вены. Бетховен был захвачен ею. «Он часто и охотно высказывался в кругу близких о политических событиях, сразу умея разобраться в них», — говорит де Зигфрид. Все заставляло его разделять революционные идеи. «Он любил республиканские принципы, — рассказывает Шиндлер, его друг, лучше других знавший Бетховена в последний период его жизни. — Он был сторонником неограниченной свободы и национальной независимости... Он требовал, чтобы все граждане помогали управлению государством... Он требовал всеобщего голосования для Франции, и надеялся, что Бонапарт установит его и, таким образом, положит начало счастью рода человеческого». Революционный римлянин, воспитанный на Плутархе, он мечтал о героической Республике, основанной богом Победы — первым консулом: и одну за другой он создал свою Героическую Симфонию и конец Симфонии ут минор.

Неудачник в любви, пораженный совершенной глухотой, раздавленный нуждою, покинутый единственным существом, в которого он вложил всю свою привязанность — племянником Карлом, Бетховен в двадцатых годах прошлого столетия переживал самую мрачную полосу своего существования. И вот из этой бездны горя, Бетховен решил прославить радость. Это было мечтой всей его жизни. Еще в Бонне, в 1793 г., он думал об этом. Он всегда хотел воспеть радость и ею увенчать одно из самых крупных своих произведений. Он не решался на это даже и для Девятой Симфонии. До самого последнего мгновения он собирался отложить Оду Радости до Десятой или Одиннадцатой Симфонии. Следует заметить, что Девятая Симфония не называется «Симфония с хорами», как это обычно говорят, а «Симфония с заключительным хором оды радости». Она чуть было не получила иного заключения. Еще в июле 1823 года он предполагал придать ей инструментированный финал, которым он затем воспользовался в квартете оп. 132.

Введение хора в симфонию представляло большие технические трудности, свидетельством которых являются черновые тетради Бетховена и его многочисленные попытки ввести голоса в ином порядке и в другом месте. В набросках второй мелодии адажио он написл: «быть может, хорошо было бы ввести сюда хор». Но он никак не мог решиться расстаться с оркестром. —

«Когда мне является какая нибудь идея, я всегда слышу ее в инструменте, а не в голосе». И он, насколько возможно, все откладывает введение голосов. Он даже сперва дает инструментам не только речитативы финала, но и самую тему Радости.

Но эти колебания и оттяжки должны быть объяснены гораздо более глубокими причинами. Этот несчастный человек, вечно обремененный горестями, всегда стремился к прославлению Радости, и из года в год все откладывал это, безпрестанно уносимый вихрем своих страстей и меланхолии. И только в последний момент он выполнил свое желание. Но с каким величием!

В тот миг, когда впервые появляется мотив Радости, оркестр неожиданно останавливается: наступает резкое молчание, и это придает вхождению песни таинственный и божественный характер. И это справедливо: эта тема — по-истине, божество. Радость нисходит с небес, окутанная сверхъестественным спокойствием. Ее легкое дыхание ласкает страдание, и она с такой нежностью проникает в возрождающееся сердце, что, как говорил друг Бетховена, хочется плакать, видя ее добрые глаза. Когда затем тема передается голосам, то сперва ее подхватывает бас, и она серьезна и несколько притушена. Но постепенно радость завладевает всем существом. Это завоевание, это война против страдания. И вот ритмы похода, движущиеся армии, страстное и прерывистое пение тенора, все эти взволнованные страницы, в которых чувствуется живое дыхание самого Бетховена, ритм его сердца и вдохновенных возгласов, когда, создавая свое творение, он блуждал по полям, охваченный демоническим неистовством, подобно королю Лиру во время бури. Вслед за радостью боя, наступает религиозный экстаз, затем священная оргия, безумие любви. Все человечество, дрожа, протягиет руки к небу и, с могучими кликами, устремляется к Радости и прижимает ее к сердцу.

Творение Титана победило тупость публики. На миг ею была захвачена легкомысленная Вена, которая увлекалась Россини и итальянской оперой. Опечаленный и униженный Бетховен собирался уѣхать в Лондон и там сыграть Девятую Симфонию. И на этот раз, как в 1809 г., его друзья обратились к нему с уговорами не покидать родины: «мы знаем, — писали они, — что вы закончили новое произведение духовной музыки, в котором вы выразили ваши чувства глубокой веры. Оно озарено тем сверхъестественным светом, который наполняет нашу великую душу. Мы знаем также, что в корону ваших великих симфоний вплетен еще один бессмертный цветок... Ваше молчание в последние годы глубоко печалило тех, чей взор был всегда устремлен на вас. Мы все с грустью думали о том, что гениальный человек, столь возвышающийся над своими совре-

менниками, молчит в то время, как особый род иностранной музыки пытается упрочиться на нашей земле, ввергая в забвение творения немецкого искусства.... От вас одного нация ожидает новую жизнь, новые лавры, новое царство красоты и правды, несмотря на моду дня... подарите же нам надежду, что наши желания будут исполнены... И пусть приближающаяся весна, благодаря вашим дарам, расцветет вдвойне — для нас и для всего мира»... — Эта петиция показывает не только художественное, но и моральное влияние Бетховена на передовые круги немецкого общества. Первое слово, приходящее на ум его почитателям, восхваляющим его гений, — не искусство или мастерство, но *вера*.

Бетховен был глубоко тронут этим обращением. Он остался. Седьмого мая 1824 года состоялся первый концерт с Мессой в ре и Девятой Симфонией. Успех был необыкновенный и принял даже характер мятежный. Бетховен при своем появлении был встречен пятью взрывами аплодисментов, тогда как в этой стране этикета даже императорскую семью полагалось приветствовать только тремя. Полиция должна была вмешаться, чтобы положить конец манифестациям. Симфония вызвала бешеный энтузиазм. Многие плакали. Бетховен от волнения упал в обморок после концерта. Его отнесли к Шиндлеру. Он остался там, лежа в одежде, всю ночь и утро, и не мог ни есть, ни пить.

Но триумф был временный, и он не дал никакого практического результата: Бетховен ничего не заработал. Нужда его не была облегчена. Он снова оказался бедным, больным, одиноким, — но побѣдителем, победителем человеческой посредственности, победителем собственной судьбы и собственного страдания.

«Жертвуй, всегда жертвуй мелочами жизни ради твоего искусства! Бог превыше всего»!

Итак, он овладел тем, о чем мечтал всю жизнь — Радостью. Сумеет ли он остаться на этой душевной высоте, которая царит над бурями? Конечно, он часто вновь впадал в тоску и отчаяние прежних дней. Конечно, его последние квартеты полны странных теней. Однако, кажется, что победа Девятой Симфонии оставила на нем свою великую печать. Планы, которые он строит — Десятая Симфония, Увертюра имени Баха, музыка для Мелузины Грильпарцера, для Одиссея и Фауста Гете, ораторий на библейскую тему Саул и Давид, — все это показывает, что его тянуло к могучей ясности старых германских мастеров, Баха и Генделя, и что еще больше он тяготел к солнцу Юга, к Франции или Италии, которую он мечтал посетить.

Доктор Шпиллер, видевший его в 1826 г., говорит, что лицо его сделалось веселым и благодушным. В том же году, при последней беседе с Грильпарцером, Бетховен ободряет упавшего духом поэта: — «О, — восклицает последний, — если б я имел тысячную долю вашей силы и твердости»! — Наступают тяжелые времена, монархическая реакция властвует над умами. «Цензура меня убила, — жалуется Грильпарцер: — нужно отправляться в Северную Америку, если хочешь думать и говорить свободно». — Но никто не был в силах сковать мысль Бетховена. — «Слова в цепях, но, к счастью, звуки еще вольны», — пишет ему поэт Куффнер. Бетховен — великий свободный голос, может быть, единственный свободный голос германского духа. Он часто говорит о лежащем на нем долге, — при помощи искусства работать для «бедного человечества, для страждущего человечества», творить для него добро, одушевлять его, пробуждать от сна, бичевать его трусость. — «Наше время, — писал он своему племяннику, — нуждается в крепких умах, чтобы сечь эти негодные человеческие души». — Доктор Мюллер говорит, что в 1827 г., «Бетховен продолжал свободно высказываться о правительстве, полиции и аристократии, даже публично. Полиции это было известно, но она терпела его критику и его сатиры, как безобидные бредни, и оставляла в покое человека, гений которого обладал таким исключительным блеском».

Ничто не могло сломить этой неукротимой силы. Теперь она точно само страдание превращает в игрушку. Музыка, написанная в эти последние годы, несмотря на печальные условия, при которых она создавалась (самоубийство племянника), приобретает часто совершенно новый характер иронии и героического и веселого презрения. За четыре месяца до смерти, в ноябре 1826 г., он закончил финал квартета оп. 130, который очень радостен. По правде сказать, это не обычное веселье. Порой это тот резкий и порывистый смех, о котором говорит Мошелес, порою это трогательная улыбка — итог стольких преодоленных страданий. Все равно, он победитель, он не боится смерти...

А между тем она уже подходила. В конце ноября 1826 г. он простудился и получил плеврит. Он заболел по возвращении в Вену из путешествия, которое совершил, пытаясь обеспечить будущее своего племянника. Друзей его не было. Он поручил племяннику позвать врача, но племянник вспомнил об этом только через два дня. Врач пришел слишком поздно и плохо лечил Бетховена. В течение трех месяцев его атлетическое сложение любимого племянника в качестве единственного наследника. Он вспомнил о своих прирейнских друзьях и написал Вегелеру: — «как бы я хотел поговорить с тобою! но я слишком слаб. Я могу только мысленно обнять тебя и твою Лорхен». — Нужда омрачила бы его последние дни, если бы не помощь английских дру-

зей. Он стал очень мягок и терпелив. На смертном одре, после трех операций, в ожидании четвертой, 17-го февраля 1927 г. он написал: «я терпелив и думаю, что всякое зло приносит с собою какое нибудь благо».

Этим благом было освобождение, «конец комедии», как сказал он, умирая, — конец трагедии его существования, скажем мы. Он умер в грозу, в снежную бурю, в тот миг, когда раздался удар грома. Чужая рука закрыла ему глаза (26-го марта).

Дорогой Бетховен! Достаточно похвал раздалось его художественному величию. Но он более чем первый из композиторов. Он — самая героическая сила современного искусства. Он величайший и лучший друг тех, кто страдает и борется. Когда мы опечалены земными горестями, он приходит к нам, как он некогда садился подле матери в трауре, не говоря ни слова, утешал плачущую мелодией умиротворенной жалобы.

А когда усталость овладевает нами от вечной и безнадежной борьбы против посредственности пороков и добродетелей, какая радость окунуться в этот океан воли и веры. От него исходят бодрость, счастье битвы, опьянение сознания, чувствующего в себе присутствие бога. Благодаря своему постоянному общению с природой, он точно впитал в себя ее глубинные силы. Грильпарцер, восхищение которого перед Бетховеном доходило до страха, сказал: «он дошел до того страшного предела, где искусство сливается с дикой и своенравной стихией». Шуман написал то-же по поводу Симфонии ут минор: «сколько бы ее ни слушать, она всегда оказывает на нас одно и то-же впечатление, подобно тем явлениям природы, которые, как часто они бы ни повторялись, всегда вызывают в нас страх и удивление». А Шиндлер прибавляет: «он овладел духом природы». И это правда: Бетховен — это сила природы, и борьба этой могучей стихии против всего остального мира — зрелище гомерического величия.

Вся жизнь его похожа на грозовый день. В начале ясное молодое утро. Только несколько душных дуновений. Но уже в недвижном воздухе — тайная угроза, тяжелое предчувствие. Вдруг появляются огромные тени, трагические рокоты, зловещие молчания, бешеные удары ветра Героической Симфонии и ут минор. Но еще не погас свет дня. Радость остается радостью, в печали сокрыта надежда. Но после 1810 года душевное равновесие нарушено. Свет делается страшным. Самые ясные мысли исчезают, точно подымающийся пар, они рассеиваются, они искажаются, они омрачают сердца своими меланхолическими и неопределенными волнениями. Порою музыкальная идея точно со-

вершенно исчезает, тонет, раз или два выплыв из тумана, и только к концу произведения ее выносит на поверхность буря. Сама радость приобретает дикий и резкий характер. Горячка отравы наполняет все чувства. Буря надвигается по мере приближения вечера. И вот тяжелые тучи, насыщенные молниями, черные тучи, отягощенные ночью и грозой начала Девятой Симфонии. И вдруг, в самый разгар бури, мрак разрывается, ночь изгнана с неба и наступает ясный день, призванный актом воли.

Какая победа может сравниться с этой? Какая битва Бонапарта, какое солнце Аустерлица, могут достичь величия сверхчеловеческого усилия, этой самой блестящей победы, какую когда либо одерживал дух: несчастный, бедный, больной, одинокий, сроднившийся со страданием человек, которому мир отказывает в радости, сам творит эту радость, чтобы дать ее миру. Он кует ее из своего несчастья, как он сам сказал в гордых словах, которые подводят итог его жизни и которые являются девизом всякой героической души:

К радости через страдание.

Durch Leiden Freude.

Ромен Роллан.

ПАМЯТИ С. А. ИВАНОВА

Скорбным эхом отозвалось в сердцах всех друзей С. А. Иванова известие о его смерти.

Он умер скоропостижно в квартире своих друзей, в Париже, 12-го февраля 1927 г., на 68-м году жизни.

В лице Сергея Андреевича эмиграция потеряла ценного общественного деятеля, который неутомимо работал в самых разнообразных учреждениях ея — в Тургеневской библиотеке, в Политическом Красном Кресте, в общественной столовке, в комитете помощи русским волонтерам на французском фронте во время войны, и т. д., проявляя всюду свою прекрасную душу, свое умение понимать человеческое горе, свою активность.

Однако, не здесь, в эмиграции, проявился во всей широте облик этого богатого духом человека, этого необычайно стойкого борца за свободу и счастье народа своего.

С. Иванов был ярким представителем той старой боевой гвардии, из которой состояла партия Народной Воли. Вместе с другими членами этой партии он принял участие в безпощадной борьбе с злейшим врагом народа, русским самодержавием.

С юных лет он стал на этот путь борьбы, 20 лет он страдал в Шлиссельбургской крепости, заживо погребенным, за свои убеждения, за свой идеал.

Самодержавному правительству удалось, однако, ослабить лишь тело его, но не душу: С. Иванов вышел из каземата таким же народовольцем, каким он вошел туда и каким он остался до конца своей жизни.

Можно пожалеть, что Сергею Андреевичу не удалось осуществить задуманный им план — написать свою автобиографию. Смерть помешала этому. Но живы еще его современники, с которыми он работал, с которыми провел много лет в заключении. Надо полагать, что они познакомят нас детально с интересно прожитой жизнью С. А. На мою долю выпало счастье получить от С. Иванова записки о самой интенсивной полосе его подпольной работы. Написаны они были в прошлом (1926) году по мо-

ей просьбе дать историческую справку для моего очерка «Южно-русская народовольческая организация 1885 года». Как ни кратки эти записки, но они достаточно ярко рисуют С. И. как необычайно смелого, активного борца за освобождение родины от деспотизма.

Только что бѣжавший из сибирской ссылки С. Иванов приезжает весною 1883 г. в Харьков и совершенно самостоятельно начинает работу по восстановлению народовольческой организации, сначала частью в Харькове, затем в других городах юга. Через несколько месяцев в Харькове уже функционирует Центральная Областная Организация с несколькими подгруппами — рабочей, студенческой, боевой.

К этой Областной Организации постепенно примыкает все больше и больше провинциальных, из коих Ростовская является самой крупной по своей пропагандистской деятельности среди рабочих. Этих успехов Иванов достигает несмотря на крайне тяжелые условия для подпольной работы: ведь то было время господства провокационной системы полковника Судейкина; когда его многочисленные агенты, во главе с Дегаевым, разрушали всякие начинания; когда в течение полутора лет провалилось до восьми типографий, и очередной 10-ый номер подпольного издания не мог быть выпущен. Только особенная конспиративность, с которой работал Иванов, спасла его от ареста. Только хорошо подобранные работники спасали организацию от провала.

Осенью 1883 г. Иванов вызывает в Харьков Алексея Баха, жившего нелегально в Казани, и совместными их силами работа по восстановлению организации Юга пошла еще успешнее. К концу 1883 года почти весь юг был связан более или менее стройной организацией. В распоряжении ее имелось значительное количество типографского материала, благодаря чему оказалось возможным во всякий момент поставить одну-две типографии; были завязаны широкие связи с Донецкой областью, где в угольных шахтах было обезпечено любое количество динамита для выработки боевых снарядов. Подготовлена была возможность устройства мастерской для производства динамических бомб.

Существовала немногочисленная, но хорошо подобранная боевая группа «южно-русская боевая дружина».

В полное распоряжение партии было передано одним лицом все его состояние, которое оценивалось в 150-200 тысяч рублей, оно не было реализовано в деньги, но на текущие расходы можно было всегда черпать нужные суммы.

Орлом, Курском, с Петербургом, Москвой, Киевом, Одессой и др.

Харьковская организация имела свои связи с Саратовом,

Почти по всей Сибири был организован путь для устройства побегов политических ссыльных.

Сколько труда, сколько самоотверженности требовалось для создания этой обширной организации.

Когда летом 1884 года, после казни Судейкина, возникла так называемая Лопатинская Организация, С. И. вошел в число членов ее Исполнительного Комитета.

Благодаря организованному югу, лопатинцы могли очень легко оборудовать две тайных типографии (в Ростове и в Дерпте) для напечатания 10-го номера «Народной Воли»; одновременно была устроена на юге мастерская динамитных снарядов для подготовки террористического акта против Министра Внутренних Дел графа Дмитрия Андреевича Толстого.

К этому моменту вся южная организация объединилась с севером и вскоре вся Россия покрылась сетью народовольческих групп и подгрупп.

К великому горю организаторов, вскоре разразился над народовольческой партией убийственный удар: арестовали в октябре 1884 года Германа Александровича Лопатина; отобранная у него записная книжка повела к многочисленным арестам, и почти все организации погибли.

Из членов Исполнительного Комитета уцелели только С. Иванов и А. Бах.

Но этот ужаснейший погром не сломил энергии Иванова. Он остается на своем посту, он не покидает своей работы.

На юге ему удалось спасти изготовленные снаряды и ростовскую типографию, которая вскоре выпустила 10-ый номер «Народной Воли», после чего она была увезена Ивановым в более безопасное место.

Вслед затем, Иванов идет по живым следам только что произведенных арестов, от Ростова до Петербурга, устанавливая размер провала, связывая то, что еще уцелело. Затем, по соглашению с Бахом, едет на короткое время в Париж для совещания с находящимися там членами Исполнительного Комитета.

По независящим обстоятельствам, Иванов мог вернуться в Россию только осенью 1885 года.

Сейчас же по приезде в Россию Иванов отыскивает старые связи, чтобы продолжать свою революционную деятельность.

На юге за время отсутствия Иванова выросла новая «Южно-русская организация». Ознакомившись с работами и составом новой центральной группы, Иванов входит в контакт с нею. В конце декабря 1885 года Иванов едет с представителем этой организации Б. Оржихом в Москву, чтобы передать ему сохранившиеся у него старые связи. Затем условливается с Оржихом встретиться в Петербурге.

Через два дня после приезда Оржиха в Петербург приез-

жает Иванов и останавливается в одной из центральных гостиниц. В тот же день состоялось первое свиданіе с Оржихом. На другой день состоялось второе свидание их. Никакой слежки они в этот день не замечали за собою. В ту же ночь Оржих уехал из Петербурга. Когда он через два дня вернулся, он на условленном месте не нашел Иванова. Никто не знал ничего о том, куда он девался. Ясно было, что его арестовали, это и подтвердилось потом.

Этим арестом вольная жизнь С. А. Иванова прерывается на 20 лет. Его судили вместе с лопатинцами и приговорили к смертной казни, а после замены ее безсрочной каторгой, заключили в Шлиссельбургскую крепость, откуда лишь Революция 1905 г. освободила его.

Долгие годы тюрьмы надорвали силы этого неутомимого борца и преждевременно свели его в могилу.

Мир праху твоему, дорогой, бесценный товарищ!

Анастасия Минор.

НА ОПАСНОЙ ГРАНИ

(МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СССР)

«Русский вопрос» снова, как несколько лет тому назад, в эпоху Генуи, выдвигается в центр международной политики. Но теперь в этом обстоятельстве сказывается уже не улучшение, а, наоборот, резкое ухудшение внешнего положения СССР в смысле отношений с великими державами и преследуемых Москвою задач.

Еще сравнительно недавно большевицкая пресса оглушала своих читателей ликующими трубными звуками по поводу следовавших одно за другим признаний «де юрэ» со стороны европейских государств и хвастливо истолковывала их, как «капитуляцию слабеющего капиталистического мира перед растущей мощью Советского Союза».

Еще не так давно московские правители, опьяненные своими мнимыми победами, провозглашали urbi et orbi, что международное положение СССР — «поистине спектакль для богов».

Теперь эти же певцы, под бурный аккомпанимент своей послушной печати, поют уже другие песни. Они с негодующим пафосом разоблачают планы «империалистов» о крестовом походе всей буржуазной Европы против «рабоче-крестьянской страны» и кричат о создании нового антисоветского «Священного Союза». Даже безобидная Лига Наций рассматривается ими исключительно, как щит, служащий для прикрытия угрожающих СССР козней империалистической дипломатии.

Во всем этом шуме, поднятом большевиками, у которых, как всегда, «глаза велики», по обыкновению много фантастических преувеличений. Но нет дыма без огня, — зерно истины в их криках все-таки есть. Оно заключается в том, что отношения между советской Россией и великими державами не только Европы, но и Америки и Азии, несомненно и неуклонно приближаются к весьма опасному поворотному пункту.

Ни о каком «Крестовом походе», конечно, нет сейчас речи, — такой план, помимо всего прочего, оказался бы в резком несоответствии со всей нынешней международной обстановкой. Не создалось еще пока что и «Священного Союза» и рано было бы говорить даже о единстве тактической линии капиталистических государств по отношению к советской России. Но факт тот и факт огромного симптоматического значения, что вопрос об едином фронте против большевиков некоторым образом все же поставлен в порядок дня. И это обстоятельство, независимо от могущих проистечь в дальнейшем последствий, сам по себе отражает всю глубину перемены во взглядах на «русскую проблему», происшедшей в дирижирующих кругах международной дипломатии. Оно не менее ярко свидетельствует и о том, в какую сторону изменилось положение «Советского Союза».

Недавно Бухарин в речи, посвященной характеристике «мировой обстановки», очень красноречиво развивал теорию двух блоков, определяющих, по его мнению, своеобразие и оригинальность этой обстановки. С одной стороны тенденция антиимпериалистического блока: «СССР плюс китайская революция», — с другой — тенденция контрблока капиталистических государств, всем острием своим направленном против СССР». При этом новейший теоретик большевизма с невероятной беспечностью уверял, — очевидно, не отдавая себе отчета в значении собственных слов, — что явственная тенденция контрблока «глубочайшим образом заложена в самой природе вещей».

Бухарин оказался на этот раз, на половину, по крайней мере, хорошим пророком. Результаты китайской революции учитывать еще рано, — никто не может предсказать, какой оборот в конечном счете примут события в Китае. Этот плюс, во всяком случае, остается еще под знаком вопроса. Но, несомненно, однако, то, что минус уже налицо: тенденция контр-блока острием своим направленная против СССР, действительно, намечается все явственнее. Можно согласиться и с тем, что она заложена в самой «природе вещей», если принять во внимание природу той политики, которую большевики вот уже скоро десять лет, меняя ее формы, но сохраняя существо, проводят за пределами России.

Эта политика сталкивает большевиков не с одной только британской империей. Опасность англо-советского конфликта, принявшего столь острый характер, в том то именно и заключается, что он явился лишь наиболее резким выражением быстро ухудшающихся отношений между СССР и всем «империалистическим контр-блоком», выражаясь большевицким языком. Не лишне вспомнить и недавнее выступление статс-секретаря С. Штатов Келлога с разоблачениями Москвы, давшее повод большевицкой прессе писать, что «Келлогиада чрезвычайно показа-

тельна для характеристики современных международных отношений» и, что она «является новым звеном в большой цепи империалистических интриг против Москвы». Эти пустопорожние фразы не могут, однако, прикрыть того чрезвычайно важного и симптоматического факта, что могущественная капиталистическая Америка с ее колоссальным влиянием на весь европейский мир открыто заняла резко враждебную позицию к России большевиков. И недаром в сообщениях европейской прессы о частных переговорах Чемберлэна в Женеве упоминалось, что за спиной английского министра незримо витала тень С. Штатов. Не менее характерна в том же отношении и оценка англо-советского конфликта, данная французским оффициозом «Ле Тан». С Францией как раз Москва пытается еще «флиртовать» и, пока что, не особенно сильно задевает ее мировые интересы. «Ответственность за осложнения на европейском востоке, — писал, однако, «Ле Тан», — всецело падает на советскую политику. Можно всего опасаться со стороны большевицкого правительства, стоящего накануне банкротства коммунистического режима и ожидающего своего спасения от мировой революции, которую оно уже не в состоянии ни организовать, ни вызвать». И еще более характерно то, что французский оффициоз, усиленно старавшийся опровергать газетные сведения о переговорах Чемберлэна в Женеве по «русскому вопросу», счел нужным, однако, выражая мнение парижского кабинета, подчеркнуть, что англо-советский конфликт ставит общую международную проблему.

«Остальные европейские державы, — писала газета, — не могут остаться безразличными перед лицом кризиса, задевающего непосредственно их политические интересы».

Англо-советский конфликт не представлял бы такой опасности и не выдвигал бы общую международную проблему, если бы он вызывался только столкновением великодержавных интересов России и Англии, если бы все сводилось лишь к продолжению их старой борьбы за господство в Азии. Тогда, само собой разумеется, что не могло бы и возникнуть вопроса ни об «империалистическом контр-блоке», ни об едином фронте против СССР. Тогда круг захваченных таким столкновением антагонистических интересов был бы гораздо уже. Политические задачи и цели далеко не всех капиталистических государств совпадают на мировой арене с английскими и далеко не у всех этих государств они противоречат тому, что можно было бы назвать естественными стремлениями России.

Все дело в том, что в данном случае, речь идет о другом, не

столько об этих стремлениях, получающих в большевицкой политике лишь искаженное выражение, сколько о противоречии между *методами, которые большевики применяют во вне, и всей установленной системой международных отношений.* Вот это противоречие, которое, чем дальше, выявляется все с большей силой, рассеивая иллюзии, одно время затемнившие «природу вещей», и вызывает рост тех тенденций к антисоветскому объединению, о которых говорит Бухарин. В этом коренится причина того, что англо-русский конфликт, ярко осветивший непримиримость противоречия, характеризующего сущность положения, выходит из границ борьбы только между двумя державами. Это то и создает объективные условия, позволяющие английской дипломатии выступить не только в роли защитницы целости Британской империи от атак большевиков, но и ставить вопрос о едином фронте.

Нет никакого сомнения в том, что московские правители преследуют в своей внешней политике российские великодержавные цели, продолжая традиции императорской России. Но наряду с тем, они еще более явно преследуют и цели коммунистические, продолжая играть на карту мировой революции. Правда, большевики вынуждены были признать, что темп мировой революции весьма замедлился. Это не мешает им, однако, прилагать все усилия к тому, чтобы его ускорить. Их отнюдь не обезкураживает здесь и стабилизация капитализма, тоже ими признаваемая.

В № 1 «Большевика» — «оффициального органа Ц. К. В. К. П., — задача большевизма во вне формулирована ясно и отчетливо: «Расширение и углубление экономических, социальных, внешних и внутренних политических противоречий, составляющих неотъемлемую часть процесса теперешней стабилизации империалистической системы».

Большевики, поскольку они являются российской властью, конечно, заинтересованы в том, чтобы управляемое ими государство расширяло и укрепляло свои позиции в мире. Но поскольку они в то же время являются по существу не национальной партией, а партией мировой революции, они с еще большим рвением стремятся подкладывать тлеющие фитили везде, где только накапливаются взрывчатые материалы. Линия великодержавная и линия революции причудливо и безобразно сплетаются в их внешней политике. Больше того, ведь и свои великодержавные цели они стремятся осуществить методами сеяния смуты и взрывания, спекулируя на революции, идя к захватам и к экспансии под щитом советов и коммунизма. Отсюда, как неизбежный и естественный результат, растущее отталкивание от СССР его капиталического окружения.

Вынесенное ими из их российской практики неистребимое

убеждение, что «все позволено», — кремлевские стратеги распространяют и на международные отношения. Здесь именно и лежит основной порок их дипломатии, здесь причина их органической неспособности реально оценивать мировую обстановку, как и постоянных провалов и неудач Москвы. То обстоятельство, что свои враждебные действия, направленные против государств, с которыми у них подписаны договоры и соглашения, они прикрывают знаменем Коминтерна, никого уже больше не обманывает. Этим грубейшим «трюком» противника провести теперь уже трудно.

И тут дело не только в империалистах. Никакое правительство, будь оно самое демократическое, не может, не идя на самоубийство, примириться с методами большевицкой внешней политики и санкционировать ее «двойную бухгалтерию».

Теперь против излюбленных московских приемов протестует Чемберлэн. В его знаменитой ноте мы читаем: «Терпимость, которую правительство его величества высказывало по отношению к советским агентам и гражданам не означает примирения с неимеющими прецедента характером отношений между двумя странами». Но три года назад, когда англо-советские отношения еще не были так обострены как сейчас, глава рабочего правительства Рамзей Макдональд протестовал в выражениях, пожалуй, еще более решительных. «Никакое правительство, — писал он в ноте Раковскому, —*никогда не потерпит* такого соглашения с иностранным правительством, по которому первое находится с последним в корректных отношениях и в то же время пропагандистская организация, органически связанная с этим иностранным правительством, поощряет и приказывает подданным первого правительства вести заговорщицкую деятельность и замышлять революцию для свержения последнего».

Сейчас, в силу внутренних перемен, происшедших в ряде крупнейших стран и изменений во всей мировой обстановке, становится все менее возможным, без риска опасных осложнений, проводить двойственную политику, преследующую одновременно расширение и углубление противоречий, связанных с процессом стабилизации капитализма и сохранение деловых связей с капиталистическими государствами.

Наличие большой державы, упорно проводящей такую двойственную политику, пользуясь попеременно двумя флагами, то советским, то коминтерновским, одинаково, впрочем, украшенных серпом и молотом, создает поэтому все более напряженное положение.

Основное противоречие между большевицкими методами и системой международных отношений не только выявляется острее, но начинает бить по жизненным интересам все расширяющегося круга держав.

Наряду с этим постепенно исчезают и те условия, которые позволяли Москве в известном смысле безнаказанно применять свои методы, а других вынуждали отказываться от решительного отпора им. Всем этим вместе взятым, создается, в общем и целом, новое положение. Независимо от последнего выступления Англии, объективным ходом событий подготовляется почва для какой то новой стадии в взаимоотношениях СССР с внешним миром.

Можно сказать, не впадая в преувеличение, что большевикам, быть может, никогда не удалось бы сломить тот барьер, которым в самом начале оградил себя от них западный мир, если бы Европа не была ослаблена внутренними раздорами и не была бы разделена на два стана: победителей и побежденных. Большевизму очень благоприятствовал внутри-европейский раскол, точно также, как в ином смысле его использовали азиатские народы для своей борьбы против иноземного порабощения. Большевицкая дипломатия в своем стремлении выйти на мировую арену, встречая всюду у победителей запертые двери, естественно, должна была сделать ставку на побежденных, на тех из них, по крайней мере, которые не примирились со своим поражением. Столь же естественно она должна была вначале взять направление на малую и переднюю Азию, где, несмотря на подписанные мирные договоры, еще продолжали пылать очаги войны и где интересы совместно победивших держав особенно резко сталкивались. Эта первая глава дипломатической истории большевизма еще у всех свежа в памяти.

Сначала то была усиленная работа в Анатолии, тесный союз с Кемалем Пашей ценою распятия несчастной Армении, всемерная поддержка турецкой национальной армии. Одновременно притягивалась к СССР и Персия, через нее прокладывались пути в Афганистан, а оттуда виднелись ворота таинственной Индии.

Угрозой ударить в эти ворота и, быть может, разбить их, большевики надеялись добиться открытия для них запертых ворот Запада. И они рассчитывали войти в них, когда они, наконец, распахнутся перед ними, не с пустыми руками, а со значительным накопленным капиталом, который позволил бы им вести большую международную игру. Кремлевские стратеги твердо верили, что их политика и громадные материальные жертвы, которые приносились на ее алтарь Россией, даст им безусловное преобладание во всей малой и передней Азии, при окончательном изгнании оттуда всякого иного иностранного влияния. Им уже

мерещилось — этим непримиримым врагам империализма — господство над Дарданелами — ключевой мировой позицией, через втянутую в советскую орбиту Турцию. Если не золотой крест на Святой Софии, то, быть может, серп и молот и сияние красной звезды над всем ближним Востоком. Известно, как кончились все эти планы.

Турецкая национальная армия, действительно, — как пишет теперь «Правда», — «опираясь на поддержку советской России, разорвала штыками Севрский договор». Но Турция, заключая на новых условиях мир с союзниками в Лозанне, преспокойно предала большевиков в самом основном вопросе — вопросе о проливах, и тем нанесла жесточайший удар не только большевицкому Кремлю, но и самой России.

Персия, в свою очередь, ловко использовала помощь Москвы, чтобы высвободить свою шею от накинутой на нее английской петли. Это не помешало, однако, ей затем получить от тех же англичан, но уже на новых условиях, поддержку, чтобы избавиться от большевицкого засилья. Играя на борьбе англичан и большевиков и взаимно их нейтрализуя, руководители персидской политики, в конце концов, добились независимости своей страны. Теперь, например, «Известия» пишут: «персидская буржуазия, соблазненная английскими кредитами и льготами, предоставленными ей английским капиталом, заняла по отношению к СССР чрезвычайно сдержанную позицию».

Ставка на близкий Восток была проиграна. Но, в известной степени, она, однако, себя оправдала. Угроза, которая там создалась для Англии, послужила одной из главных причин, побудивших в свое время Ллойд-Джорджа полуоткрыть для большевиков двери Европы.

В общей линии большевицкой внешней политики чувствуется бесспорно, при все ее абсолютной утопичности, некоторая своеобразная логика. Потерпев неудачу в малой и передней Азии, но добившись снятия европейского «санитарного кордона», Москва столь же естественно, как раньше она брала направление на ближний Восток, берет направление на Запад. Здесь также она должна была делать ставку на побежденных и, конечно, раньше всего и в первую голову — на Германию.

В Европе большевики всегда и неуклонно преследовали две главные, так сказать, все опредѣляющие цели. С одной стороны, муссировать усиленно и всемерно коммунистическое движение, с другой, добиться деловых связей с правительствами, прекращения своей изоляции, принятие участия в решении европейских судеб, путем вхождения в те или иные комбинации держав, складывающихся на почве борьбы международных интересов.

Коминтерн строил свои надежды на уверенности в обострении экономических кризисов, которые переживала Европа. Нар-

коминдел основывал свои расчеты на наличии конфликтов и антагонизмов между группами капиталистических государств. Его задача должна была заключаться в том, чтобы умелым использованием этих антагонизмов и конфликтов открыть выход СССР на широкую дипломатическую арену. Германия во всех смыслах представляла собой прекрасный плацдарм для большевиков.

Но и здесь надежды не оправдались. Германия напряжением своих творческих сил и при помощи мирового капитала, сумела с необычайной быстротой восстановить свое экономическое положение. И, как естественный результат этого, — сошло на нет германское коммунистическое движение. Вместе с тем быстро восстанавливается и международное положение бывшей империи Гогенцоллернов. Через Локарно она вошла в новую, строющуюся, европейскую систему, оставив за ее оградой не желавших следовать ее примеру большевиков. Германия стоит теперь лицом к Западу и сохраняет лишь мост с Востоком.

Политика Москвы и здесь, как и везде, была построена на ложном расчете. Ее стратеги не понимали, что если германо-советская дружба начнет угрожать миру Европы, то бывшие союзники для устранения этой опасности *предпочтут сближение с капиталистической Германией, чем с большевицкой Россией.*

Они не понимали и того, что Германия не может отказаться от западной ориентации, ибо главные ее интересы, как экономические, так и политические, лежат на западе, являющемся для нее естественным путем для возвращения на мировую арену. Германия поворачивалась на Восток лишь потому, что для нее был закрыт Запад и, как только он для нее открылся, она не могла не повернуть на оси всю свою внешнюю политику.

В этом смысле Рапалло, отпразднованное большевиками, как величайшая победа, оказало неоценимую услугу как раз Германии и только ей. Оно в огромной мере содействовало восстановлению ее международного положения. С момента заключения Рапальского договора вопрос о сближении с бывшим врагом был логикой вещей поставлен в порядок дня держав Согласия. Рапалло оказалось великолепным козырем для берлинской дипломатии, — ей делали все большие уступки, чтобы вовлечь Германию в европейскую систему и тем оторвать от «советского союза». Большевики надеялись, что Германия будет картой в их игре, на самом дѣло они сами оказались картой в игре Германии.

Вместо того, чтобы привести к сближению западных держав с СССР, Рапалло, наоборот, привело лишь к их сближению с Германией и имело результатом усиление фактической изоляции СССР.

Правда, деятельность Москвы на «германском участке», в

значительной мере, и по понятным причинам, содействовало ускорению признаний советской власти западно-европейскими государствами. Но эти признания остались голым юридическим актом, не заполненным реальным содержанием. Они не дали того, к чему стремились большевики: сотрудничества с той или иной группировке держав на международной почве, участия в «решении судеб». СССР по прежнему продолжает оставаться за флагом. Как после неудач Москвы на ближнем Востоке, ее фиаско на «западном направлении» лишило ее оружия для давления на противоположную сторону.

Неудачи большевиков в обоих направлениях повторялись с какой то логической последовательностью и почти в одинаковых формах. Турция, Персия, Германия пользуются поддержкой СССР, чтобы улучшить свое положение, чтобы добиться больших уступок от сильных противников, с которыми они борются. Затем, когда цель достигнута, они заключают с этими противниками соглашения и налаживают с ними сотрудничество на новых, но уже более выгодных условиях. Москва же попадает в роль мавра, «который сделал свое дело». Дружба с ней охладевает или вовсе рвется. Это ,однако, столь же неизбежно, сколько и понятно. Пока побежденные или угнетенные нации находятся в периоде борьбы военной или дипломатической, помощь большевиков для них важна и существенна. Когда же борьба в той или иной форме кончается и наступает эра восстановления, она для них уже теряет значение. Тогда возникает нужда в капиталах, кредитах, промышленной технике, которые может дать только Запад. Тогда рождается стремление выйти из изоляции, что также возможно лишь путем связи с Западом. Вот почему союзники Москвы, когда их ближайшие цели осуществляются, заключают соглашения с теми, против которых большевики борятся. И здесь Москва бессильна, здесь причина ее неизбежных поражений в ее дипломатической борьбе с капиталистическим миром, бросающим на чашку весов громадную гирю своей экономической мощи.

Не надо также забывать и того, что большевицкие методы столь же неприемлемы для тех, кто пользуется помощью Москвы, как и для тех, против кого она направлена. С ними можно мириться лишь в крайней нужде, пока нет иного выхода. Но когда помощь использована и положение благодаря ей изменилось в благоприятную сторону, их «неудобство» начинает чувствоваться особенно сильно. Та же основная причина, которая вызывает растущий антагонизм между СССР и всеми большими капиталистическими государствами, мешает и упрочению связей с теми, которым Москва оказывала поддержку.

Большевики пытались проникнуть в Европу через побежденных. Но теперь побежденные не находятся уже в состоянии

непримиримой вражды с победителями, отношения между ними в той или иной форме налаживаются, и они приобретают также в известном смысле утраченное ими ранее равенство прав. Таким образом, *главный шанс, который могли использовать большевики для проникновения в Европу, исчезает.* И недаром по мере ревизии или ослабления тягот драконовских мирных договоров, заключенных после войны, неуклонно ухудшается международное положение СССР.

Большевикам осталось выбрать новое третье направление, — они взяли его на Дальний Восток, где очень своевременно для них китайское национальное движение приняло бурные революционные формы. Но тем самым еще более обострился их антагонизм с капиталистическими государствами наряду с потерей позиций в Европе.

Из Европы нельзя уйти безнаказанно. Европа не ограничена рамками европейскаго континента. Она включает метрополии мировых держав, обладающих влиянием и силой во всех частях земного шара. Изоляция «советского союза» в Европе не только ухудшало вообще его международное положение, но и создавало опасность и для азиатской политики большевиков.

В связи с интересами этой политики, Чичерин выступил прошлой весной с нелепой проповедью континентального союза европейских держав, направленных против Англии, главного врага Москвы в Азии. Убедившись в том, что совлечь Германию с пути сближения с Францией, на который она вступила, уже невозможно, большевицкий Талейран в поисках контр-хода придумал поистине юмористическую теорию. Она сводилась к тому, что дорога к истинному франко-германскому сближению станет свободной лишь через крушение Локарнской системы, которой надо противопоставить объединенную материковую Европу, включая советское государство.

Чичерин очень хорошо помнил свою задачу: использовать для целей Москвы раздоры и столкновения интересов капиталистических стран, но он, однако, обнаружил при этом, можно сказать, трогательное непонимание европейского положения. Большевики, конечно, не ошибаются в том, что Европа еще далеко не едина, и что порождаемые капитализмом противоречия долго еще будут препятствовать устранению препятствий, заграждающих путь к ее действительному органическому единству. В Европе под влиянием антагонизмов, рожденных уже после войны, совершается, несмотря на наличие «Лиги Наций», коренная перегруппировка сил. Прежние ряды расстроены, строятся новые

при самых разнообразных сочетаниях участников. Шахматисты дипломатии разыгрывают теперь уже новую партию и на их шахматной доске фигуры переставлены в иных, не похожих на прежние, комбинациях.

Но вся беда в том, что перегруппировка сил, хотя и свидетельствует о непрекращающихся столкновениях интересов внутри капиталистического мира, совершается, однако, по линиям, которые не перекрещиваются с линией внешней политики Москвы. Наоборот, именно эта перегруппировка создает для нее наиболее неблагоприятные условия и несет ей, а вместе с тем и России, серьезные опасности. Раньше всего ее важнейшим результатом является то, что ни одно европейское государство не может участвовать в союзах и соглашениях в той или иной форме направленных своим острием против Англии.

Антанта, которая еще некоторое время после войны служила базисом нового европейского порядка, сейчас фактически более не существует. Ее заменила Локарнская система, в которую включена бывший враг Германия, и она близка по типу к тому, что немцы называют « löse Organisation » Узы, объединяющие входящие в нее государства, более свободны; они не обязаны согласовать во всем свою политику и могут действовать за свой страх и риск каждое в области своих интересов. Но в основном, на чем держится вся система, они остаются связанными. И это основное — гарантийный договор между Францией и Германией, главным гарантом которых является Англия. Только под эгидой Локарно, обезпечивающим взаимную безопасность обоим сторонам, возможно продолжение начавшегося франко-германского сближения, являющимся одним из проявлений намечающейся перегруппировки сил. И если Париж и Берлин начинают выказывать стремление к разрешению интересующих их проблем путем непосредственных переговоров, чтобы тем ослабить опеку над собой Лондона — о чем свидетельствовало Туари, — то и это стремление родилось на почве Локарно и сможет получить более конкретное выражение лишь под охраной Локарнских договоров.

Сближение между Францией и Германией еще только начинается, на пути его стоят еще большие препятствия. Ни для той, ни для другой стороны поддержка большевицкой России даже в отдаленной степени не может заменить Локарнских гарантий. Чтобы хотя одну минуту продположить противное, подобно Чичерину, нужно быть или «святым невеждою» или прикидываться шутом. «Французы не пошли бы на этот пакт (Локарнский) если бы не было английских гарантий и для Германии он вряд ли стал бы приемлемым без английского содействия», — указал тогда же на страницах «Воли Росси» руководитель внешней политики германской социал-демократии Р. Брейтшейд. «Вы-

ставлять, — писал он также, — устранение Великобритании, как предварительное условие улучшения отношений между обеими материковыми странами — просто бесмыслица».

Еще хуже для Москвы складываются условия на Юге и Юго-Востоке Европы. Здесь тоже происходит, но в более отчетливой и конкретной форме, перегруппировка сил под руководством фашистской Италии.

Чернорубашечный цезарь, терзаемый империалистическим зудом, избрал ареной своих замышляемых подвигов Балканский полуостров в надежде, повидимому, что там сопротивление будет слабее, чем на западе, где фашисты грозят Франции. Муссолини стремится проникнуть в самое сердце Балкан, но преградой на пути стоит Югославия, — против нее то и направлены поэтому его усилия. Известно, какой план, выявившийся уже в довольно четких линиях, осуществляется сейчас Римом. Он заключается в том, чтобы выковать вокруг королевства сербов, хорватов и словенцев кольцо враждебных государств, подчиняющихся дирижерской палочке фашистского «дуче». С этой целью Италия крепко привязала к себе Венгрию и втягивает в сферу своего влияния и Болгарию, пользуясь наличием в этих странах родственных фашистских правительств и направленной против Югославии жажды реванша в националистических кругах. Для этой же цели Муссолини нанес сильный удар Малой Антанте, перетянув на свою сторону угнетаемую фашизмом Румынию, ценой обещания помощи на случай войны с большевиками и ратификацией договора, освящающего беззаконный захват Бессарабии. Аналогичные попытки, но пока мало успешные, делаются агентами Рима и в Греции. Но увенчанием здания является бесспорно Тиранский пакт, заключенный с кукольным правителем Албании Ахметом-Зогу.

Этим пактом, за изрядное количество золота, усыпившего своим магнетическим блеском патриотическую совесть албанского «президента», Италия купила, в буквальном смысле слова, протекторат над Албанией и «право» оккупировать ее в любой момент своими войсками. Она утверждается таким образом и на другом берегу Адриатики и сжимает Югославию с обеих сторон, явно стремясь вовсе оттиснуть ее от Адриатического моря, превращенного в итальянское озеро «mare nostrum».

Новая группировка, создаваемая Муссолини, непосредственно направлена своим острием против Югославии, но она, однако косвенно весьма и весьма угрожает Москве. Участие в ней Румынии, особенно в силу условий итало-румынского союза, придают ей яркую антисоветскую и антирусскую окраску. План, который проводит Италия на европейском юго-востоке, означает ни что иное, *как попытку заградить России дорогу на Балканский полуостров.*, что логически совпадает с ее агрессивными

намерениями против Югославии и с ее нескрываемым стремлением занять на Балканах место покойной Австро-Венгерской империи. И не даром, сделав такую огромную ставку, Муссолини не удовлетворяется уже достигнутыми успехами, а напряженно добивается расширения круга своих союзов в определенном антирусском направлении, чтобы еще больше ослабить возможности противодействия СССР на его «участке фронта». Недаром в последнее время все упорнее носятся слухи о подготовке превращения итало-румынского союза в союз итало-румынско-польский и о привлечении также к этой комбинации и Венгрии путем соглашения ее с Польшей.

Правда, угрожающие маневры Италии на Балканах вызывают в Югославии усиление ее естественной тяги к России, своей исконой покровительнице и защитнице. Но эта тяга пока что не выявляется в каких нибудь конкретных формах и, вряд ли сможет так выявиться, пока судьбами России распоряжается московский коммунизм.

Это двоякое отношение Югославии к России — тяга и боязнь — отразилось и в недавней парламентской речи ее министра иностранных дел Перича. — «Наше отношение к СССР, — заявил он, — определяется с одной стороны желанием поддерживать самые близкие и братские связи с великим русским народом, а с другой стороны неизвестностью, действительно ли теперешний строй России консолидирован и не представляет ли он угрозы в своей агитации за определенный правовой и хозяйственный порядок, который мы продолжаем считать опасным для общественного существования».

Необходимость сближения Югославии с СССР наталкивается на то же препятствие, которое служит причиной растущей изоляции «советского союза». И здесь дело не только в агитации, а в том, стоит ли вообще игра свеч. Иными словами, возможно ли с СССР сотрудничество без риска быть использованным для каких то других, вне его лежащих целей; возможно ли расчитывать, в случае нужды, на помощь Москвы, если это не будет соответствовать специальным видам большевиков, способна ли вообще изолированная, скованная большевицкой диктатурой, экономически слабая Россия, оказать такую помощь?

Положение Югославии сейчас чрезвычайно тяжелое и, в известном смысле, почти трагичное. Она — единственная из балканских стран, сохранившая свою истинную независимость, не превратившаяся, подобно другим, в вассала Великобритании. Но отстаивать свою независимую позицию ей становится все труднее при растущем нажиме Италии и отсутствии такой России, с которой, по словам белградского министра, «можно было бы восстановить те отношения, которые всегда существовали».

И трудность тем более велика, что как раз Англия держит в своих руках ключи положения на Балканах.

Муссолини, несмотря на свои гордые замашки, прикован длинной цепью к Лондону, и эту цепь держащие ее могут, если нужно, и подтянуть. Политика Италии на юго-востоке Европы, возможна только потому, что Англия дала ей там свободу действий. Для Великобритании выгодно поощрять империалистическую активность Италии на Балканах потому, что в ее лице она получает благодаря этому жандарма для Турции, т. е. в одном из главнейших пунктов морского пути, ведущего в Индию. Ей выгодно также вытеснить при помощи итальянцев с Балкан Францию, и тем ослабить ее положение в Малой Азии, где она пытается проводить туркофильскую политику. И ей, наконец, не менее важно через посредство Италии держать на привязи Венгрию, Румынию и Болгарию, все более порабощаемые английским капиталом, нашедшим там широкое и богатое поле деятельности. Для той же цели Англия усердно поддерживает и реакционные режимы в этих странах. Угроза Италии Югославии как нельзя более совпадает с интересами Лондона, ибо она весьма усиливает давление, направленное к тому, чтобы заставить молодое королевство принять английскую ориентацию. Тогда Англия безраздельно господствовала бы на Балканах, тогда России был бы нанесен новый удар.

Нельзя отрицать, что балканская политика Муссолини, направленная непосредственно против Югославии и косвенно против России, сильно задевает также интересы Франции. Антагонизм между обеими «латинскими сестрами» усугубляется еще аггресивным поведением итальянского фашизма по отношению к французской республике, его нескрываемыми притязаниями на Ниццу, Савойю, Корсику, когда то принадлежавшими Италии, его интригами в Тунисе и Танжере.

В лице Италии у Франции появился теперь новый соперник, растущие вооружения которого, империалистические замыслы и явная неприязнь, усиливаемая различием внутренних режимов, не могут ее не безпокоить. Опасность, угрожавшая ей раньше с востока, пока существовала гогенцоллерновская милитаристическая империя, теперь, в известной мере, возрождается на юге под видом жаждущего экспансии фашизма.

При только еще налаживающемся франко-германском сближении эта опасность серьезно учитывается руководителями французской политики. Здесь создается точка совпадения интересов Франции и Росси и, некоторым образом, объективная почва для возобновления франко-русской дружбы, с Югославией «союзницей Франции», как посредствующим звеном.

Но для Парижа возникает в этом вопросе та же трудность, что и для Белграда. Такой России, с которой можно было бы

возобновить прежние отношения, на которую можно было бы положиться и серьезно учесть ее сотрудничество, пока в ней господствует большевизм, еще нет. Но и помимо того, при нынешнем положении, всякое сближение с СССР означало бы резко враждебный акт против Англии, с которой Франция связана узами Локарно, и на сохранении дружбы с которой зиждится вся ее внешняя политика. Это препятствие непреодолимое.

Во всяком случае, какой бы выход ни нашла Югославия из своего тяжелого положения, юго-восток Европы уже и сейчас закрыт для Москвы, как закрыт для нее и запад. И там и здесь складываются новые группировки, в которых кремлевская дипломатия бессильна пробить броши. И там и здесь эти группировки развиваются в направлениях усиливающих изоляцию СССР. И там и здесь они связаны с Англией и, в большей или меньшей степени, от нее зависят.

При таком усилении влияния Англии в Европе, наряду с отсутствием в ней опорных пунктов для СССР, англо-советский конфликт, вызванный политикой большевиков, их усилиями разрушить мировую мощь британской империи, получает особое, во всех смыслах опасное значение.

Состояние англо-советских отношений после происшедшего обмена нот между Лондоном и Москвой равносильно фактическому разрыву. Это, между протим, констатировал рабочий лидер Филипп Сноуден во время прений в Палате Общин.

Английский кабинет в своей ноте Москве указал на наличие конфликта, *но отказался вступить в переговоры для попыток его разрешения,* или для заключения нового соглашения на измененных основаниях. Теперь нужны не слова, а факты, — таков тезис Чемберлэна.

— Я не желаю, — заявил британский министр, — чтобы через два года меня называли идиотом, принявшим в серьез обязательства большевицкого правительства. — Англичане однажды поверили в слово большевиков, подписав англо-советский торговый договор, в котором фигурирует знаменитый параграф о воздержании от поддержки антианглийских движений в Азии и пропаганды против британских государственных учреждений, теперь у них есть опыт.

Лондонский кабинет не решался пойти на открытый разрыв, считая, что нынешнее международное положение не дает еще вполне благоприятных условий для такого серьезного акта. Но, судя по всему, усилия его будут направлены на то, чтобы создать такие условия и тогда выбрать удобный момент. Объясняя на совещании депутатов правительственного большинства

свою политику по отношению к СССР, Чемберлэн указал, что он против немедленного открытого разрыва, потому что в англо-советском конфликте «время работает на Англию».

В свою очередь, правая консервативная газета «Морнинг Пост», обычно хорошо осведомленная о намерениях правительства, так интерпретировала позицию Англии:

«Хотя английское правительство еще не решилось порвать дипломатические отношения с Россией, оно, однако, считает себя отныне свободным войти в любую комбинацию держав, направленную против СССР.».

Не менее любопытно и мнение по этому же вопросу парижского оффициоза «Ле Тан», т. е. мнение французского министерства иностранных дел:

«Лондон намерен сам выбрать момент для действий в духе того предупреждения, которое он сделал Москве и отнюдь не склонен начать переговоры с советами на новой базе. Лондон надеется, что московское правительство мало по малу ослабеет под давлением событий и что таким образом создадутся обстоятельства, при которых разрыв с СССР вызовет менее серьезные последствия, чем это было бы при данной обстановке».

Нельзя в более дипломатической форме выразить ту мысль, что Англия откладывает разрыв с СССР до той поры, когда усилиями ее дипломатии удастся совершенно во всех смыслах изолировать противника.

Работа над превращением фактической изоляции советской Росси в полную изоляцию дипломатическую и экономическую, сопровождаемую разрывом сношений, бесспорно является сейчас одной из главных задач лондонского «Форейн Офиса» (иностранное ведомство).

Конечно, Чемберлэн не ехал в Женеву для немедленного образования единого фронта против СССР, как кричала об этом большевицкая печать. Для этого он слишком хорошо осведомлен об европейском положении. Но что в «частных переговорах» с представителями держав руководитель британской внешней политики старался подготовить почву для такого «фронта», тоже сомневаться не приходится.

Немедленно создать антисоветскую европейскую лигу государств невозможно уже по той простой причине, что в нее не вошла бы Германия, а без нее, помимо прочих соображений, не согласилась бы примкнуть к ней и Франция.

Для Германии англо-советский конфликт весьма выгоден. Благодаря ему она может еще продолжать играть русской картой, ценность которой в ее игре увеличивается. И германская печать по этому поводу откровенно заявляла, что развитие событий в мировой политике за последние месяцы дает в руки Штреземанна новое средство давления.

Как правильно на этот раз указала «Правда», планы Чемберлэна относительно Германии вовсе не ограничиваются желанием укрепить положение Польши на западе и тем, по возможности, развязать ей руки на востоке, а имеют целью добиться прямого и активного участия Германии в антисоветской коалиции. Но для того, чтобы она согласилась войти в такую коалицию ей надо было бы дать очень сильную компенсацию. При нынешнем положении в Европе это сейчас еще невозможно. Но именно поэтому работа Лондона и должна быть направлена на то, чтобы изменить положение в желательном для него смысле. В этом, впрочем, не сомневаются и большевики. «Отныне, писала «Правда», — следует ожидать новых ходов со стороны английской дипломатии, которая, натолкнувшись в Женеве на сопротивление Германии, неизбежно будет искать новых способов компенсации ее в уплату за изменение ее восточной политики».

Можно считать вполне вероятными упорные слухи, проникающие в печать о попытках Лондона добиться сближения между Польшей и Литвой и даже их государственного объединения на началах широкой автономии для последней, получающей за то в награду свою историческую столицу — Вильно.

Если бы приписываемые Лондону попытки увенчались успехом, то Польша приобрела бы выход к морю через литовский порт Мемель и она могла бы тогда пойти на уступки Германии в Данцигском коридоре. Литовско-польское объединение создало бы таким образом возможность компенсировать серьезно Германию и тем самым сильно подняло бы шансы реализации «единого фронта». Такому плану очень сочувствует и германская печать. В ряде крупных берлинских газет, — в том числе и оффициозе Штреземанна, — появились недавно статьи, указывающие, что Литва является препятствием для европейского примирения и что, если она будет упорствовать, то погибнет. Для британской дипломатии виленский вопрос приобретает сейчас поэтому центральное значение в ее политике на востоке Европы. В эту точку она, несомненно, будет бить своим молотом. Ей благоприятствует и господство фашистов в Литве, которые, конечно, резко враждебны большевикам и в то же время обнаруживают сочувствие идее унии с Польшей. В этом смысле недавно высказался в литовском парламенте глава нынешнего правительства Вольдермайс.

Уже советская печать, по своей обычной пугливости, утверждает, что «Литва идет на примирение с Польшой и втягивается в антисоветское ожерелье» и что «главное участие в этом деле, конечно, принимает Англия».

Во всяком случае, определенным результатом обострения англо-советских отношений является резкое изменение политики Англии по отношению к Польше. Раньше Лондон довольно не-

одобрительно относился к стремлению Франции усилить воскресшее польское государство, потому что речь шла о создании противовеса Германии. Теперь и Англия стала заинтересованной в таком усилении в противовес СССР. Сейчас можно даже констатировать, что английское влияние быстро растет в Варшаве в ущерб французскому.

Но Франция, однако, и в этом смысле высказывается ее печать, может лишь приветствовать тот факт, что и Англия, в свою очередь, работает над укреплением западных границ Польши — важнейшей задачей французской дипломатии.

Для Франции, конечно, невыгодно усиление Германии, но если оно будет компенсировано одновременно усилением Польши путем польско-литовской унии, то она препятствовать тому не будет. Ибо для Франции окончательный отрыв Германии от России представлял бы громадную выгоду, — полное исчезновение угрозы реванша и бесповоротная ориентация Германии на запад, получающая свое выражение в решительной политике франко-германского сближения.

Трудно сказать — нынешнее международное положение таит в себе всевозможные сюрпризы, — удастся ли Англии целиком выполнить свой план «единого фронта». Но что она, во всяком случае, будет вредить СССР, где только сможет, укреплять позиции враждебных ему государств, содействовать всей огромной силой своего мирового влияния образованию направленных против него коалиций, — в этом сомневаться не приходится. Почва для антисоветских планов объективно сейчас как нельзя более благоприятна. Фактически СССР в Европе уже изолирован. И для того, чтобы это положение его изменилось, необходима такая радикальная перемена вневшней политики Москвы, которая невозможна без решительных перемен в политике внутренней.

Своему пассиву в Европе большевики могут противопоставить актив в Азии — китайскую революцию. Она, действительно, обнаружила в последние недели огромный размах и быстро приближается к своей кульминационной точке. Для Китая вырисовываются перспективы освобождения от иностранного гнета и воссоздание единства страны на широких демократических началах, хотя большие препятствия, и внутренние и внешние, заграждают еще этот путь. Но какую реальную пользу от торжества китайской национальной революции может получить Москва в смысле укрепления своих позиций в мире?

Отнюдь не исключена возможность, ибо она лежит в самой «природе вещей», что с Китаем повторится та же история, что и с Турцией, Персией и Германией. Если происходящая теперь

война между севером и югом кончится государственным объединением страны и созданием народного демократического строя, то повторение станет неизбежно. Свободный Китай возобновит на новых, конечно, началах, на началах равноправия экономическое и политическое сотрудничество с теми самыми капиталистическими державами, против которых он теперь борется. Китай, еще меньше, чем Турция или Персия может обходиться без иностранных капиталов и кредитов, без развивающейся промышленности, без широких торговых связей с внешним миром. При таком исходе мировой капитализм, как таковой, не понес бы существенного ущерба, даже наоборот. И от китайской революции выиграл бы только Китай, но Москва все потеряла бы, ее ставка была бы бита.

Тут вопрос абсолютно ясен и никакие иллюзии невозможны. Вот почему большевицкие писатели открыто заявляют, что торжество демократии в Китае означало бы крушение всей их азиатской политики. Эта точка зрения, находящая отражение на страницах московской ежедневной прессы, особенно отчетливо сформулирована в передовой № 1 журнала «Большевик». Конечно, — читаем мы в ней, — не исключена опасность, что буржуазия (речь идет об антикоммунистическом крыле китайской национальной партии. Е. С.) — попробует закрепить за собой решающие посты и позиции, сделать ряд половинчатых уступок крестьянам, одновременно зажимая широкое крестьянское и рабочее движение (читай: коммунистическое. Е. С.) и вместе с тем пойдет на компромисс с иностранным капиталом». — Такой возможный поворот событий «Большевик» считает в корне противоречащим интересам «мировой революции». — «Нельзя не видеть, — пишет он, — всей серьезности этой опасности: такой путь развития, или, вернее, такой путь ликвидации китайской революции означал бы значительное ослабление революционных сил и значительный успех капиталистической стабилизации. Огромные хозяйственные возможности Китая превратили бы его в грандиозный рынок для мирового капитализма и открыли бы перед этим последним возможность серьезной экспансии».

А потому испытанные стратеги Кремля выкидывают лозунг не демократизации, а большевизации Китая. Только в этом спасение, только при таком исходе они надеются погреть руки у пылающего китайского костра. Они уже требуют серьезной перегруппировки сил внутри национального движения, они уже толкают к борьбе между ними во имя «гегемонии пролетариата». Они уже набрасывают план такой перегруппировки, по которому пролетариат, захватывающий в свои руки «руководство над движением крестьянских и мелко-буржуазных масс» устанавливает свою «демократическую (!) диктатуру». Конечно, стратеги понимают, что «при этом будет неизбежен отход от революции

большей части китайской буржуазии», но отход, утешаются они, будет вознагражден «огромным революционным подъемом трудящихся масс». Иными словами, гражданскую войну между революционными национальными силами и представляющими чужеземные интересы северными генералами большевики хотят превратить в гражданскую войну между самими участниками освободительной борьбы. Это точная копия той схемы, по которой совершалось в русской революции развитие событий, приведшее к большевицкой диктатуре.

Что в Китае, где народные массы испытывали ужасающий гнет иностранного империализма и туземной реакции имеется хорошая почва для разлива анархической разрушительной стихии — всем известно. Но тем не менее большевизация Китая дело отнюдь не такое простое. Попытки в этом направлении неизбежно вызовут мощное противодействие, как изнутри, так и извне. Внутри — со стороны антикоммунистического крыла национальной партии, которое обладает большим перевесом сил, извне — со стороны всех великих держав, которые в этом случае не преминут объединить свои действия и окажут северу могучую поддержку. [1]).

При таких условиях большевицкое перерождение китайской революции вероятнее всего привело бы к краху всего революционно-национального движения со всеми вытекающими из этого ужасными последствиями. Всякая же попытка Москвы оказать прямую военную помощь китайским большевикам автоматически вызвала бы — в этом нельзя сомневаться ни на минуту — новую русско-японскую войну.

Япония до сих пор занимает по отношению к китайской революции выжидательную позицию, воздерживаясь от прямого вмешательства в борьбу. Это объясняется тем, что главные ее интересы лежат не на юге, где разыгрываются революционные события, а в северном Китае, там же армии ее ставленника Чан-Зо-Лина, пока что, обезпечивают ей прочное положение.

Япония выжидает в уверенности, что китайская революция в своем логическом развитии приведет не только к вытеснению из Китая западных держав, но, в конце концов, и к изгнанию большевиков. Тогда все поле будет очищено не для нее одной, обладающей преимуществом близкого соседства и рассового родства. Нейтральная позиция теперь должна еще усилить выгодность ее будущего положения. И тогда ее влияние сделается преобладающим в огромном Китае, и вся ее азиатская политика

---

1) Последние события в Китае показывают, что умеренное крыло Гоминдана не останавливается перед самыми решительными мерами для подавления коммунистического движения.

получит новую, широкую и могучую базу. Япония, явно возвращающаяся в Азию и возлагающая огромные надежды на Китай, не может допустить его большевизации, что означало бы полное господство над ним Москвы. Это было бы для Японии величайшей катастрофой.

Большевики играют в Азии с огнем. «Разоблачаемые» С. Штатами, сбитые со всех позиций в Европе, в остром конфликте с Великобританией, подготовляющей против них единый фронт, они рискуют еще столкновением с могучей азиатской военной державой. Если же до этого не дойдет, то в обоих возможных случаях: преодоления китайской революцией своего внутреннего большевицкого недуга, обезпечивающего ее демократическое завершение, как и в случае краха национально революционного движения — Москва останется у разбитого корыта. Что же касается гипотезы о прочной победе большевизма в Китае, то она в силу всей совокупности обстоятельств, является менее всего вероятной. Но именно на ней то, как и полагается, построены все надежды Кремля.

При самом осторожном подходе к оценке международного положения СССР, при сознательном стремлении избегать преувеличений, нельзя все же не признать, что оно доэволюционировало до *крайне опасной грани,* переход через которую означал бы, быть может, уже скачок в грозное неизвестное. Таковы результаты «гениальной» внешней политики большевиков. Логика истории сказывается и здесь и больно бьет ополчившийся против нее большевизм, но, к несчастью, вместе с ним и Россию. В тяжелых условиях, какие складываются для нее на мировой арене, выявляются «концы и начала». Нельзя десять лет безнаказанно бравировать весь мир, не имея сил, чтобы подчинить его себе. Рано или поздно, в той или иной форме, должен наступить час расплаты.

Можно допустить, и мы охотно это допускаем, что Англии не удастся добиться полной дипломатической и экономической изоляции СССР. Можно допустить, что в Европе дело не дойдет до вооруженных выступлений против СССР, это сейчас мало вероятно, что, наконец, в Азии, несмотря на безумные планы Москвы, удастся избежать столкновения с Японией. Но и нынешнее положение, в данной его стадии, само по себе достаточно безотрадно и таит в себе большие опасности для будущего России, если оно сделается затяжным. После десяти лет СССР, в общем, вернулся к тому отправному пункту, от которого большевики начали свои маневры для выхода на мировую арену.

Изоляция России, хотя выражающаяся в иных формах, приблизительно, такая же, как и в самом начале большевицкого властвования. Но сейчас уже нет налицо существовавших тогда благоприятных обстоятельств, которые могли быть использованы кремлевской дипломатией. Наоборот, сейчас вся международная обстановка объективно благоприятствует тем, кто замышляет нанести ей новые удары и протянуть между нею и всем остальным миром настоящую железную цепь. В этом смысле положение стало хуже, чем оно было до оффициальных признаний, до поднятия красных флагов над зданиями российских посольств в европейских столицах. Россия вытеснена из Европы, таков основной непреложный факт его характеризующий, и ворота ее перед нею наглухо захлопнуты. А между тем она не может без огромного ущерба для себя уйти из Европы, где у нее жизненные интересы, с которыми связаны возможности ее внутреннего и внешнего развития.

СССР под руководством большевиков способен чинить то то там, то здесь трудности великим державам, но к их общему столу он не допущен. Россия вытолкнута из среды тех, кем оказывается решающее влияние на мировую политику. Она не участвует в группировках, чье взаимоотношение эту политику определяет. Она, будучи за флагом, не может давлением своего удельного политического веса вызвать такую перестановку сил, которая совпадала бы с ее интересами.

Россия остается сейчас за пределами европейской системы. Ее трагедия, подлинная трагедия в том, что новая Европа строится без нее и за ее счет. Все европейские вопросы, как и вопросы, ее прямо касающіеся, решаются против нее. Всюду усиливаются и закрепляются позиции тех, кто скрыто или явно ей враждебен. И всей совокупностью создающихся условий все более уменьшаются шансы на исправление тех несправедливостей, получивших свое выражение в мирных договорах, которые были совершены по отношению к ней после войны. Tout se paie говорят французы. За внешнюю политику большевиков, за ее нелепости и фантазии расплачивается тяжко Россия. И трудно еще предсказать, как велика будет эта расплата.

Е. Сталинский.

БОРЬБА ЗА МОЛОДЕЖЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

«Сейчас идет борьба между рабочим классом и буржуазией (чрез ряд промежуточных агентов) за влияние на новое поколение рабочего класса, за новое поколение крестьянства. И точно так же, как мы в своей борьбе за крестьянство должны, имея в руках партийное руководство, вести эту борьбу со всей страстностью, со всей энергией, со всей настойчивостью, точно так же наша партия обязана для сохранения и укрепления пролетарской диктатуры вести борьбу за молодежь, за ее руководство на правильных ленинских рельсах, и только на таких рельсах. Только с величайшей настойчивостью ведя эту борьбу, мы сможем овладеть всем процессом в целом».

Так говорил Бухарин на XIV с'езде ВКП. В его речи довольно правильно и в достаточной мере четко подчеркнуто значение молодежи, как одной из серьезных опор коммунистической диктатуры. Недвусмысленно поставлена пред коммунистической партией и несложная задача руководства молодежью «на ленинских рельсах» и борьбы за идейную гегемонию над молодым поколением. Вопрос заключается только в том, существуют ли в распоряжении правящей партии средства, достаточные для разрешения этой задачи и каковы шансы большевиков на успех на фронте борьбы за влияние на молодое поколенье? Для решения этого вопроса удобнее всего обратиться к работе большевиков среди той части молодежи, которая уже об'единена в союз коммунистической молодежи, и носит название «Комсомола». Нижеследующая статья и ставит своей задачей проследить на основании советской прессы приемы борьбы коммунистической партии за влияние на молодежь и наметить исход несколько уже лет практикуемой большевиками борьбы за молодое поколение.

I. КОМСОМОЛ.

Комсомол — очень крупная организация коммунистического юношеского движения, ставящая своей задачей воспитание нового поколения в борцов за коммунизм и приобщение его, под руководством коммунистической партии, к делу строительства коммунизма не только в Советском Союзе, но и во всем мире. Формально Комсомол не является партийной организацией. Он имеет свой устав, свои центральные и местные учреждения, устраивает свои с'езды и конференции, устанавливает связи с международным юношеским движением и т. д. Но по существу Комсомол признает программу и тактику ВКП, работает под контролем центральных и местных коллективов коммунистической партии, получает от этой партии идейную и материальную поддержку и свой, комсомольской, центральный комитет ставит по принятому уставу в непосредственное подчинение Ц. К. коммунистической партии. Работая под непосредственным контролем и руководством партии, Комсомол хотя формально не превращается в партийную организацию, но на деле является организацией коммунистической, помогающей партии в проведении принятых решений и осуществляющей ее здания.

Массовой организацией Комсомол становится в 1919-20 годах. Во время первого всероссийского с'езда (ноябрь 1918), Комсомол насчитывал только 22 тысячи членов. К третьему с'езду (октябрь 1920 г.) число членов Комсомола дошло уже до 400 тысяч. К VI с'езду в Комсомоле было 702 тысячи, а чрез 19 месяцев, ко времени созыва VII съезда (март 1926 г), Комсомол заключал в своих рядах уже 1,750 тысяч членов. Между VI и VII с'ездом Комсомол вырос в два с половиной раза — в союз вступило свыше одного миллиона новых членов и возникло около 30 тысяч новых ячеек. По заявлению генерального секретаря союза на последнем съезде Комсомола, ежедневно вступает в Комсомол 1.500 человек и возникает более 50 новых ячеек. Бурный рост Комсомола за последние два года шел преимущественно за счет крестьянства. Очень определенное повышение активности крестьянства во многих местах вызвало появление самых разнообразных организаций. Ячейки союзов молодежи, различныя «инициативныя группы», многочисленные «культурные кружки», «союзы дисциплинированной молодежи» и т.п. рождаются как грибы в центральной России, на Волге, на Дону, на Кавказе, Киргизии, Бурятии и т. д. Возникают обычно эти группы «самовольно», Иногда они работают на правах комсомольской ячейки в течении 3—6 месяцев, иногда и в течении целого года. «Когда же уком обнаруживает существование такой неутвержденной ячейки и не утверждает ее, — рассказывал на заседании VII съезда представитель Рязанской губернии — то в ней часто находятся элементы,

не всегда желательные нам». [1]). Губкомы не редко принимаются за «обследование» деревень, «принимают меры», но рост активности крестьянского населения очень безпокоит и тревожит большевиков. «Если мы не будем охватывать крестьянскую молодежь в нашем союзе, — говорил на с'езде секретарь Комсомола Чаплин — то ее активность *пойдет против нас* **). И Комсомол широко открыл двери крестьянской молодежи. К VI с'езду Комсомола рабочих в союзе было 203 тысячи, или 39% общего количества членов Комсомола. К VII с'езду число рабочих поднялось до 600 тысяч, но процентное отношение рабочих в Комсомоле упало до 36,5%. За этот же период времени число кресьян с 303 тысяч (39%) поднялось до 700 тысяч (45%), а вместе с батраками — 125 тыс. (8%) — увеличилось до 53%. Как видим, деревенский молодняк, стремившийся удовлетворить свои специфические крестьянские запросы, усиленно потянулся к Комсомолу, явившемуся в деревню с готовым аппаратом и обещавшему идти навстречу тяге деревенской молодежи к улучшению своего быта. Этот молодняк воспитавшийся в пореволюционный период в условиях деревенского НЭП-а, «смычки города с деревней», «оживления советов» и пробуждения активности во всех слоях населения, имеет своеобразный психический уклад, отличающий его от той молодежи, которая воспитывалась в первый период революции, в эпоху «военного коммунизма», продналога и продразверсток. Основные черты психологии современного деревенского Комсомола не совсем еще ясны и нередко в достаточной мере противоречивы. У него есть свои подъемы и срывы, свой идеализм и свое специфически-русское хулиганство, своя доморощенная некультурность и свое предчувствие великих возможностей устроения жизни. Своеобразие духовного склада деревенского молодняка проявляется в том, что он во многих местах является общественно-активной частью деревенской жизни, застрельщиком перехода деревень от трехполья к многополью, организатором общественной машинной молотьбы, кооперативных товариществ, улучшенных форм сельско-хозяйственной культуры, школ крестьянской молодежи и т. п. Но постороннему человеку, случайно попавшему в деревню, черты новой психологии деревенского молодняка передко остаются затененными и его тяга в Комсомол не совсем понятной.

— «Я спрашивал кое-кого из комсомольцев: "Зачем поступил в Комосмол?» И от некоторых слышал такие ответы».

— «Имя комсомольца носить модно».

---

*) «VII с'езд стр. 412.

**) Там же стр. 114.

«Раньше у нас в деревне — пишет далее в «Известиях» тот же корреспондент — была мода брюки-клеш носить, а вот теперь пришла мода на имя комсомольца» «(Изв. 18 Дек. 1926 г.). Мода это, впрочем, весьма своеобразна. Молодежь охотно вступает в комсомольскую организацию, потому что имя комсомольца открывает некоторые двери, дает определенную «модную» окраску носителю этого имени и открывает пред ним — некоторые перспективы: при помощи комсомола можно было завязать сношения с городом, пристроиться в какое нибудь учебное заведение, получить какую-нибудь должность в деревне и вообще добиться некоторых льгот. Но принимая титул комсомольца и считая этот титул «модным», деревенский молодняк тем не менее не обнаруживал особой тяги к коммунистической партии и не спешит превратиться «в партийцев». На 1 января 1925 г. в деревенском комсомоле числилось только 0,7% членов коммунистической партии, а на 1-ое января 1926 г. — только 0,8%. В течении целого года число коммунистов в деревенском комсомоле не достигло даже одного процента общего числа комсомольцев! Причина эта явления отчасти об'ясняется той осторожностью, к которой после неудачных опытов с ростом партии вынуждены были прибегнуть при приеме новых членов в партию большевики. Но несомненно, на рост коммунистов в деревенском комсомоле очень серьезное влияние оказывает общее, антикрестьянское по своему духу, направление всей политики правящей партии.

Другой составной частью комсомола является городской комсомол. В начале своего возникновения городской комсомол об'единял в своих рядах молодежь, охваченную пламенной верой в наступление мировой социалистической революции не только в России, но и во всем мире. В это время в большом ходу были призывы руководителей комсомола «к последнему, решительному бою». «Советская власть жива и крепко держит факел революции, который зажжет всемирный пожар» — читаем мы в одной прокламации того времени — погибнут те, кто душил рабочий класс. Дорогу молодедки! Настал последний бой, и в этом бою то мо- Дорогу молодежи! Настал последний бой, и в этом бою то молодежь должна получить крещение». [1]). В период военного коммунизма городской комсомол и был главным застрельщиком в борьбе большевиков против буржуазии и крестьянства. Комсомольцы сражались на фронтах гражданской войны, заполняли продовольственные отряды, распространяли коммунистическую литературу, становились боевиками, подрывниками и т. д. Молодежь кипела революционными энтузиазмом и умела не только бурно жить, но и геройски умирать. Но вот кончилась гражданская война, наступило время скучной прозы и томительных за-

1) VII с'езд, стр. 395.

бот о завтрашнем дне, период затемнения радостных перспектив и отрезвления от романтических грез. Наступил НЭП. С наступления НЭП-а революционному настроению городской комсомольской молодежи был нанесен решительный удар. Надежды на близость мировой-социалистической революции стали гаснуть даже у наиболее стойких представителей коммунистической партии. С каждым днем НЭП все более и более проявлял свою далеко не социалистическую сущность, а возврат к героическим временам становился все более и более затрудненным. Комсомольская молодежь очень чутко реагировала на происходившие в политической и социальной области изменения. Одна часть комсомольской молодежи устремилась в рабфаки, фабзавучи и другие учебные заведения. Путем индивидуального напряжения всех своих физических и духовных сил эта молодежь пробует теперь приспособиться к новым условиях русской жизни и возможно полнее и разностороннее вооружиться для суровой борьбы за существование. Другая часть молодежи всю свою энергию направила на получение так называемой "квалификации». «Молодежь хочет получить квалификацию — рассказывал на VI съезде комсомолец Охотин — общетехническое и политическое образование, серьезно участвовать в общественно-политической работе и наладить разумное, культурное развлечение. Получить квалификацию раньше было не в интересах парня, только что пришедшего на завод. Он думал, что скоро мировая революция и нужно готовить не квалифицированную рабочую силу, а надо научиться владеть винтовкой. Сейчас, когда мы переживаем совершенно другой период, выдвигаются и другие требования. Надо эти запросы удовлетворить». [1]). Стремление превратиться в хозяина и строителя жизни весьма часто вызывает в этой части молодежи, «наплевательское отношение» ко всем вопросам, выходящим за пределы личного приспособления. Своеобразный узкий практицизм создает у этих комсомольцев весьма отрицательное отношение к фразеологии вообще и к коммунистической в частности «Барабанные фразы, часто агитаторские, в теперешнюю эпоху за сердце не хватают», — говорил на 14-м съезде ВКП Бухарин, — чрезвычайно опасно думать, что мы простым криком можем взять молодежь: это ужь ни капельки не действует. Вы можете сколько угодно кричать, а они будут расходиться по домам». Равнодушное отношение ко всему тому, что лежит за пределами вопроса об устройстве личного благополучия, начинает охватывать даже наиболее активную часть молодежи. «У нас был такой случай — рассказывал на VII съезде один делегат — на совещании рабочие- активисты говорили: «что же, вы хотите за-

---

[1]) «VII съезд», стр. 200.

ставить меня читать политэкономию или изучать грамматику? Зачем это? Я знаю, что Петьку нужно послать работать в цех-ячейку, а какое мне дело до теории?» И такое наплевательское отношение, — добавляет делегат, — наблюдается у многих». [1]). Одновременно ставится под сомнение даже и самый вопрос о дальнейшем пребывании в Комсомоле. «Что я буду делать в Комсомоле? Он ничего мне не дает. Я лучше буду учиться по *настоящему*» — заявляет один. «Что вы мне одно и то же говорите, когда я хочу получить технические знания, которые мне в жизни нужны, а вы мне их не даете» — говорит другой. «Что мне ваши заседания, ячейки и проч, когда меня интересует ход производства, а вы об этом ничего не говорите», заявляет третий.

Постоянно подчеркиваемая советской прессой тяга деревенского и городского молодняка к учебе, к приобретению технических знаний и ремесленных навыков служит несомненным показателем стихийного стремления пореволюционной молодежи стать хозяином жизни, завоевать себе более выгодное положение в жизненной борьбе, пробиться наверх по общественной лестнице. Комсомол являлся для молодежи наиболее удобными воротами в какое-то заманчивое, быть может не совсем ясное, царство «нового быта» и «новой жизни» уже просто потому, что близость союза коммунистической молодежи к партийным сефрам манила надеждой на возможность «отречения от старого мира» фабричного станка и деревенской сохи и занятия под солнцем места, наиболее приличного для революционной молодежи. Поэтому, молодежь и бросилась в комсомольския организации. Но комсомол жестоко обманул все надежды молодежи. Правящая партия демагогически обещала сделать образование доступным для рабочих и крестьянских масс, но выполнить свои обещания оказалась и в достаточной мере безсильной и в значительной степени бездарной. VII комсомольский с'езд наполнен делегатскими, жалобами на то безвыходное положение, в какое становится рабочая и крестьянская молодежь при удовлетворении своих запросов в техническом знании и умственном просвещении. С другой стороны комсомольская печать очень часто указывает на такую «перегрузку» учащейся молодежи выполнением различных поручений представителей коммунистической партии и на такое дергание молодежи раздражающими придирками советско-коммунистической системы, что спокойное и прочное приобретение необходимых знаний делается для молодежи необычайно затруднительным. Не удовлетворяет комсомол и запросы деревенской молодежи. Основной целью организации комсомола в деревне ком-

---

[1]) «VII съезд», стр. 200.

мунистическая партия ставила насаждение по селами и деревням очагов коммунистического хозяйства и коллективизацию всех общественных отношений. Теперь уже отчетливо видна вся утопичность поставленной большевиками задачи, но эта задача находилась и в резком противоречии к утилитарным взглядам деревенской молодежи на комсомол, как на наиболее удобное средство для индивидуального устройства своей личной жизни не в деревне, а где нибудь в городе или по крайней мере, на какой нибудь оплачиваемой «должности» в деревне. «Наш союз не успевает удовлетворить запросов молодежи и не успевает приспособлять свою работу к удовлетворению этих запросов» — вынужден был заявить на VII с'езде комсомольцев генеральный секретарь Ц. К. комсомола Чаплин. На почве такой отсталости комсомола в удовлетворении своих членов вырастает холодное равнодушное отношение молодежи к своему участию в деятельности комсомола.

Многие комсомольцы перестают платить установленные членские взносы, перестают принимать участие в выборах и перевыборах и поворачиваются спиной к своей организации. Появляются в комсомоле так называемые «наглые шкурники» «дезертиры хозяйственного фронта», «комсомольцы из-за денег» и т. д. Обманутая в своих надеждах на помощь комсомола, молодежь нередко совсем покидает ряды комсомола. «Комсомольская Правда» приводит такой характерный случай: «В Ягунинской волости в ячейку принес крестьянский парень заявление: «прошу исключить меня из комсомола, так как мне надоело учить политграмоту». — «Почему надоело» — спрашивают у парня. — «Да надоело» — «Почему?» — «Да говорю же: надоело». Так от парня никакого толка и не добились, замечает «Комс. Правда». «Прошу бюро ячейки исключить меня из союза, пишет комсомолец в Харьковскую заводскую ячейку «Плуг и Молот»: я к сожалению должен признаться, что наш союз отошел от Заветов Ильича. Мы находимся сейчас под влиянием НЭП'а, и поэтому авторитет комсомола значительно поднизился. Мы на каждом шагу слышим от безработных и членов партии, что мы далеко завязли в непманском болоте, и поэтому я еще раз прошу исключить меня из рядов РЛКСОМ. [1]). На VII комсомольском с'езде из делегатских сообщений выяснилось довольно отчетливая картина основной болезни комсомола — неустойчивости, постоянной *текучести* в рядах комсомольской молодежи. «В некоторых промышленных губерниях — говорил на с'езде делегат от промышленных губерний — из общего числа в 12.000 человек выбыло чуть ли не 4000 человек. В Московской губернии в промежутке между IX и X губс'ездом вступило 17.000,

---

[1]) «VII съезд», 170.

а выбыло 12.000. В общем, за период времени с VI по VII комсомолский с'езд вступило в комсомол, по словам докладчика п. к. на съезде — миллион новых членов, нои выбыло 210 тысяч. [1]).

Неустойчивость состава членов комсомольских организаций в связи с неспособностью комсомола удовлетворить запросы деревенской и городской молодежи вызывает в настоящее время естественную тревогу у руководителей комсомола. Стихийное стремление городского и деревенского молодняка к улучшению своей жизни и организации ее на новых началах начинает расходиться с теми рамками, которые были поставлены для молодежи коммунистической партией. Поэтому усилия руководителей Комсомола направляются в настоящее время к укреплению состава Комсомола и к превращению всей комсомольской организации в «школу социалистического строительства». Борьба за молодежь и сводится к настоящее время за влияние коммунистической партии на новое поколение рабочего класса и крестьянства и за руководство молодежи правящей партией «на правильных ленинских рельсах». В какой мере удается большевикам это руководство, мы сейчас увидим.

2. ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО КОМСОМОЛОМ.

Если отвлечься от той шумихи, которая обычно поднимается в советской прессе по поводу каждого с'езда и любой комсомольской конференции, то реальное непосредственное руководство коммунистической партией, по сознанию самых большевиков, страдает существенными дефектами. «Многочисленные опросы комсомольцев — специальные письменные, устные и всякие иные — говорят, что у них руководство комсомолом со стороны из рук вон плохо». (Из речи Бухарина на XIV ВКП). В период с VI по VII с'езд Ц. К. Комсомола перебросил в деревню 2.890 человек для работы среди крестьянской молодежи. Но «часть из них бежала: материальные условия нашего деревенского актива очень плохие. Притом в деревне существует иногда очень недружелюбное отношение к рабочим активистам. [2]). «Наши деревенские работники — рассказывал на с'езде Комсомола уральский делегат — иногда стесняются сказать прямо рядовым деревенским комсомольцам, что Комсомол является пролетарским по существу своих задач и что руководящая роль в Комсомоле принадлежит рабочей молодежи». Очень часто к комсомольцам посылаются для руководства люди, совершенно неподготовленные к делу. В Саратовскую, напр., губернию из присланных 20 человек 9 «ру-

---

[1]) стр. 28.
[2]) «VII съезд», стр. 43.

ководителей» пришлось немедленно возвратить, а одного даже исключить за «подмоченную репутацию». «Когда появилась знаменитая «сороковка», — рассказывал на XIV партийном съезде Бухарин, — то очень часто партприкрепленные к Комсомолу являлись проводниками «пьяной смычки» в среде комсомольцев. Таким образом «руководили» комсомольской организацией»...

Весьма нередко в числе руководителей попадаются самые неподдельные «головотяпы». «Надо добиться того, чтобы не было таких головотяпов — говорил на с'езде докладчик Мильчаков — которые, напр., на вопрос, что такое национальная политика партии отвечают: «национальный вопрос должен быть отстранен и должна быть образована нация в интернациональном духе». Или на вопрос о том, какое влияние оказывает Интернационал на колонии, отвечают. «колонии есть базис Интернационала. Значит, это есть тесные и враждебные гиганты». [1]). Руководители комсомола прекрасно понимают, что «общие фразы сейчас молодежь не берут и молодежь завоевать не могут», но подойти к молодежи с конкретным делом не умеют. «Многие из нас — жаловался на с'езде докладчик Мильчаков — нахватавшись верхушек, держатся за эти коммунистические лозунги, привычно их повторяют, твердят то, что случайно слышали из партийного доклада, вычитали из газет, что привезли с губернского или областного с'езда... У нас наблюдается злоупотребление общей фразеологией: товарищ говорит о таких вещах как будто он что-либо в них понимает, а на самом деле он говорит такие вещи, которых сам не понимает и такие слова, смысла которых он сам не знает. Вот такое газетное, поверхностное восприятие политических знаний общий недостаток всего актива; фразеологии много, а глубины нет, содержания нет». [2]). Нет ничего удивительного, поэтому, что участники с'езда, подходя к вопросу о партийном руководстве усиленно подчеркивали необходимость отречься от фразеологии, подходить к каждому комсомольцу с предложением маленького конкретного дела, отказываться от словесных резолюций: «ускорить», «наладить», «повысить активность», «взять курс» и т. д. Повидимому, того же требуют от коммунистов и крестьяне. «Вы агитировали, а крестьянин не поверил вам. Что из того — говорят они — что вы бьете себя в грудь: «я, мол, истый коммунист, без порток хожу, свое хозяйство чрез общественную работу забросил? Хороший, может быть, ты человек, а хозяйство все-таки вести не умеешь, и не поверим тебе, ни в электрификации и ни в чем другом. [3]). По докладу Шульмана о полити-

---

[1]) «VII съезд», стр. 175.
[2]) Стр. 49.
[3]) «Комсомол в строительстве новой деревни», Москва, 1926 г. 97 стр.

ческом воспитании Комсомола нынешние руководители комсомольской сети люди с ничтожными знаниями, о методике работы имеют очень смутные представления, во время беседы торопятся, перепрыгивают с вопроса на вопрос, тонут в мелочах, не умеют выделить основного, стремятся сразу передать все, что сами знают». [1]).

Но не смотря на свои интеллектуальные недочеты партийные руководители не прочь покомандовать и при всяком удобном и неудобном случае проявить свое «комчванство». «Когда комсомольский коллектив — жаловался на с'езде делегат Ленинградский Иванов — собирал свои собрания для того, чтобы выявить свое лицо, эти руководители чувствовали, что этот коллектив проведет не их точку зрения, эти собрания запрещались...» «Мы часто наблюдаем протаскивание на ячейке таких вопросов, по которым комсомольцы своего мнения не сказали или мыслят по другому». [2]). «Мы имеем такие явления, — жаловался другой делегат, Жданов — когда пленумы районных комитетов руководятся только аппаратчиками и тогда активность членов районного комитета на этих пленумах комитетов забивается, и им не предоставляется достаточной возможности высказать свое мнение». [3]). Ленинский лозунг «не сметь командовать» остается бумажным лозунгом. Специальные исследования, посвященные партийному влиянию на Комсомол показывают, что между комсомольской массой и представителями партии существует только официальная связь. Личная связь слаба». [4]). Секретари партъячеек нередко вызывают секретарей комсомольских ячеек и приказывают им: «такого-то комсомольца вышибить изсоюза, такого-то прогнать и т. д. [5]). Казенщина, бюрократизм, волокита становятся обычным явлением в отношениях между членами партии и комсомольскими оргазациями. Непосредственное живое руководство комсомольской массой заменяется циркулярными предписаниями. «Необходимо своевременно исполнить циркуляр, пишет Курганский уком. Необходимо раз в неделю созывать общия собрания, привлекая туда безпартийную молодежь. Товарищи-комсомольцы! Вы — будущее правительство власти. Вам необходимо быть грамотными и на общих собраниях разносить знание Комсомола и в свое время платить членские сборы,собирать с каждого комсомольца 10 коп. и посылать в Уком. В случае неясности просить из парт'ячейки завязать связь с массой организации». [6]).

---

1) «Политич. воспитание комсомола», Москва, 1925 г., стр. 45.
2) VII с'езд, стр. 187.
3) Стр. 195.
4) «Политич. воспитание комсомола», стр. 12
5) «VII с'езд», стр. 417.
6) Стр. 408.

Какими силами располагает правящая партия на фронте борьбы за молодежь?

На 1 января 1924 г. в Комсомоле было 9% партийцев, на 1 апреля — 10,7%, на 1 марта 1925 г. число партийцев упало до 8,8%. К январю 1926 г. на полтора миллиона членов Комсомола числилось 130 тысяч партийцев (членов ВКП и кандидатов), или 8,6%. Необходимо при этом помнить, что основная масса партийцев сосредоточивается в городских организациях. В деревенских организациях число чл. ВКП, как мы видели, не достигает и одного процента. 99% из всего состава деревенского комс. принадлежит к безпартийным. Выводы отсюда легко сделать, и большевики их делают. «Ни о каком политическом воспитании деревенского комсомола не может быть речи, — говорил в своем докладе Шульман — при таком положении лишь расцветают трения между партийными и комсомольскими ячейками в деревне и усиливаются сепаратистские стремления деревенского Комсомола»! [1]). Обычно, господствующей формой политического образования комсомола в деревне служит *политчитка,* т. е., совместное чтение всех комсомольцев под руководством кого либо из их же среды. Но эти кружки совместного чтения лишены всякого руководства, читают все», «что под руку попадет», почему и «работают большей частью впустую». Большинство отчетов об этой форме политического самообразования говорят о скуке, вялости, отсутствии живой постановки дела в этих кружках. «Нет необходимых пособий. Руководители сплошь и рядом не в состоянии отвечать на недоуменные вопросы. Посещаемость обычно падает, несмотря на большую тягу к учебе». «Кружки ничего не дали — пишут из Гомельской губ. — мы имели случаи, когда комсомолец 2-3 раза проходил кружок и в результате ничего не знал» и т. д. [2]). К VII комсомольскому с'езду в союзе молодежи числилось 24 тысячи кружков и политшкол, но политпросвет Ц.К. с'езда успел выяснить, что «и руководители школ были плохи, и люди были набраны с бору да с сосенки, и книжки не удовлетворяли, и учебники и хрестоматии были плоховаты и т. д. [3]). И в то же время вполне определилось общее недовольство коммунистической системой политобразования. «Молодежь жалуется, что слишком суха политика — говорил на IУ с'езде докладчик Ц. К. Комсомола: — «мы народ неграмотный, малограмотный, нам бы общеобразовательные знания хорошо бы». Но... «увлекаться не приходится», как говорил докладчик Мильчаков. И на самом деле, где взять денег на организацию хороших школ,дающих вместе с политическим воспитанием и общеобразовательные зна-

---

1) «Политич. воспитание комсомола», стр. 10.
2) Там-же, стр. 62.
3) «VII съезд», стр. 224.

ния. Где отыскать кадры учителей для таких школ? Где найти тысячи педагогов, которые шли бы нога в ногу с безграмотными и невежественными «политруками»?

Таковы «руководители» комсомольской молодежи. Понятны и результаты такого «руководства». Попытки поставить в центре работы городских ячеек вопросы политические обычно кончаются неудачей. «Докладчики недостаточно ответственно относятся к своим выступлениям — говорит в своем докладе Шульман — мало готовятся к ним, доклады их, как две капли воды, похожи друг на друга, какие бы темы они ни избирали». Обычно таких докладчиков называют «трепачами». В результате — однообразие, скука, пассивное слушанье, без интереса, без живой мысли. Отсутствие хороших руководителей определенными результатами сказывается и на работе политических кружков, основанных среди молодежи. Обычно такие кружки быстро распадаются, особенно кружки высшей группы (так называемые ленинские кружки). На Украине из 130 ленинских кружков осталось только 11-12, так же было и в Белоруссии, в Москве и т. д. Процент развалившихся кружков высшей группы достигает 90-95%. [1]). «Всем должно быть ясно, — говорил на VII съезде докладчик Мильчаков — что у нас нет еще хорошей политшколы и хорошей политучебы. У нас еще на 70% политически безграмотные люди в Комсомоле». [2]). Комсомольская молодежь тянется к знанию, но существующий тип политшколы не дает удовлетворения ее стремлениям. «Часть наших комсомольцев и ходит в политшколу, — говорил на VII с'езде делегат Адамов — но она зачастую не понимает, для чего она должна быть политически грамотной». [3]). Коммунистическая партия даже не имеет возможности провести свое воспитательное влияние на молодежь путем подбора книг для чтения. «Цыфры показывают, — заявил на VII с'езде докладчик Мильчаков — что наша молодежь читает больше всего беллетристику, и беллетристику очень часто нам чуждую. Ужь я не говорю о том, что читают девочки в комсомоле — они нередко увлекаются романчиками и т. д. Политическая книжка — цыфры показывают — «не в почете», читается недостаточно, зачастую ее возвращают неразрезанной. Интересно отметить, что многие комсомольцы читают меньше, чем безпартийные. До научно-технической книжки молодежь еще не доперла. А книжка по юношескому движению, в особенности по истории международного юношеского движения, никто не читает. Над этим вопросом надо основательно задуматься. [4]). По рассказам наблюдателей ком-

---

1) «Политич. воспитание комсомола», стр. 43.
2) «VII с'езд» стр. 174.
3) Стр. 196.
4) Стр. 176.

сомольской молодежи, даже перспективы социализма, о которых считает своим долгом говорить каждый партиец, утратили для нее свою привлекательность. «Нам сегодняшний день нужен, — говорит он, — мы сегодня получаем малый заработок, а вы говорите — социализм! Чрез сколько времени придет этот социализм, а вы не уничтожаете плохого, что есть. Много слов говорите, мало делаете». [1]).

Мв теперь уже имеем возможность подвести некоторые итоги той борьбы за молодежь, которую вот уже несколько лет ведут большевики. Правящая партия очень хорошо оценила значение молодежи, как смены, идущей на помощь делу насаждения в России коммунизма — и организацией Комсомола пошла навстречу порывам крестьянского и рабочего молодого поколения к творчеству новой жизни. Но в условиях коммунистической диктатуры молодежь не нашла в правящей партии надежных руководителей. Политическая и общественная организация, каковой по замыслу должен бы быть комсомол, превратилась в жизни в организацию, лишенную политического руководства, в массе своей политически неграмотную, аполитичную, лишь небольшой прослойкой связанную с коммунистической идеологией и правящей партией, но в то же время испытывающую на себе все прелести «комчванства» и «командования» лиц, имеющих счастье заручиться партийным билетом. Комсомольская масса должна была по первоначальному замыслу являться послушным орудием коммунистической диктатуры, но внутренния противоречия коммунистической идеологии и развал в коммунист. партии превратили в настоящее время Комсомол в орудие, которым та или иная партийная группировка стремится побить другую группировку. Об едином партийном руководстве комсомольскими массами в настоящее время уже не может быть и речи. Трудная в таких условиях «борьба за молодежь» делается для правящей партии почти безнадежной, если мы обратим внимание на интеллектуальный облик современного комсомольца, выросшего и окрепшего в противоречивых и сложных условиях пореволюционного времени. Характерные черты комсомольской молодежи дадут нам возможность более точно определить исход большевистской борьбы за молодежь.

3. *ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ КОМСОМОЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ.*

Новое поколение революционной молодежи формировало свой психический облик при колоссальных сдвигах народной психики, при потрясениях всех глубин народной жизни, в атмосфере поднятых бельшевистскими демагогами темных противообщественных инстинктов и раздражающих политических и социаль-

---

[1]) «Комсом. Правда», 23 марта.

ных перспектив. «Комсомольская поэзия» любит рисовать пореволюционный молодняк крепким, сильным, монолитным, железобетонным. Но он далеко не так духовно крепок и монолитен, как это представлялось поэтам комсомольства. За время революции брошено было в оборот великое число новых идей, выдвинуто бесчисленное количество ударных задач, провозглашено несметное число лозунгов. Потрясенная революцией русская жизнь шла бешеным темпом: разрушались привычные воззрения, расшатывались старые традиции и авторитеты, брались под сомнение все моральные и эстетические ценности. Но нужно было время и большая внутренняя работа для того, чтобы новые идеи сделались составной частью душевной жизни и вступили бы в гармоническое сочетание с разбуженной революцией жаждой «новой жизни». Нужен был и известный уровень не только политической, но и элементарной грамотности и гражданственности. Трудно, поэтому, говорить о преобладающем типе современной молодежи вообще и комсомольской в частности, но отдельные довольно крупные группировки комсомольском молодежи успели уже приобрести некоторые общие характерные черты своего душевного облика и дают возможность сотавить себе более или менее точное представление об основных процессах, переживаемых комсомольской молодежью.

Несколько лет тому назад, в эпоху военного коммунизма, комсомольская молодежь носила резко выраженные типические черты своего быта и духовного склада. Это был законченный тип удалого и отчаянного парня, тип «братишки». Когда за плечами была винтовка, а на груди пулеметная лента, тогда легко было все «отрицать» и от всего отказываться. Когда весь быт исчерпывался устройством скандалов местному попу или «несознательному» отцу, нетрудно было «рубахе-парню» — комсомольцу предавать проклятию весь сложившийся веками уклад жизни. Но затем наступили иные времена. Пришлось снять винтовку, отказаться от пулеметной ленты, глубже и серьезнее подойти к вопросу о строительстве новой жизни, и старый тип комсомольца стал отходить в прошлое вместе с морковным чаем и кожаной курткой. Он уже ушел из жизни, но оставил после себя определенное наследство, жадно воспринятое более поздними космольцами. Комсомолец эпохи военного коммунизма еще не умел угадывать всей сложности жизненных явлений и соразмерять свои силы с выдвинутыми жизнью задаачми. Он предпочитал рубить, а не развязывать, любил больше командовать, чем идти с другими нога в ногу. Но с фигурой комсомольца этого периода связано героическое прошлое комсомола, его пафос и под'ем прежних лет. Комсомолец этого периода возбуждал в молодежи симпатию. Наиболее бросающиеся в глаза черты внешности комсомольца первого периода были восприняты как нечто само по себе вполне ценное последу-

ющими комсомольцами. И прежде всего усвоен был комсомольский «жаргон» и комсомольские «обычаи». Как-то сделалось признаком «хорошего тона», чтобы лексикон комсомольца пестрил словами грубыми, крепкими, бесцеремонными. В вопросах политики современный комсомолец считает необходимым говорить «высоким штилем», наполненным пустой шаблонной фразеологией. «Ведь прямо режет ухо заученность выражений у комсомольцев. Иногда можно заранее предугадать, что и в какой форме скажет товарищ. Послушаешь раз-два одного комсомольца и спрашиваешь себя: неужели у него не находится других более непосредственных слов, отвечающих его мыслям и настроениям?» [1]). Комсомолец периода военного коммунизма с величайшим презрением относился к «буржуазной культуре» во всех ее формах Среди современных комсомольцев не мало встречается молодых людей, которые безапелляционно заявляют, что галстух — «не более и не менее, как открыжка прошлого», и комсомольцы «должны открывать шею солнцу, а не ходить как собачка в ошейнике». Рукопожатия для такого комсомольца — выдумка буржуазии, которая хотела, будто бы этим путем заражать туберкулезом, венерическими и другими болезнями угнетенный рабочий класс. «Необходимость борьбы с этим позорным явлением прошлого — пишут в «Комсомольской Правде» — ясна для каждого молодого, сознательного ленинца». Красивая одежда, «разные там бантики и ширфики и даже полуботинки на высоких каблуках» должны быть изгнаны. «Спрашивается, к чему вышеуказанные декорации?... Загните подолы и вымойте пол в клубе. Тогда будете настоящими строителями жизни». Само собой разумеется, танцы считаются недоступным явлением. «Уже урегулирован вопрос о танцах — пишет один комсомолец в «Комсомольскую Правду» — доказан их вред, но мы видим, как некоторые элементы еще продолжают вертеть ногами. Это недопустимое явление способствует с одной стороны, поднятию пыли в клубах, а с другой ведет к мещанской психологии и отрыву масс. Я думаю, что трудящиеся массы не для того взяли власть в свои руки, чтобы пускаться в пляс и прочие другие мелкобуржуазные выходки». [2]). Страх перед «мещанской психологией» и борьба с «мелкобуржуазными выходками» очень часто служит простым прикрытием своей полной некультурности, невежества, дикости. «Пыль, грязь, копоть — постоянные спутники многих комсомольцев. Особенно этими качествами обременены активисты - холостяки. В комнате или в общежитии вечно безпорядок, вещи и книги разбросаны по всей комнате: один грязный прогнивший носок соседствует неподалеку от продуктов, другой ночует под

---

1) «Быт и молодежь», Москва, 1926 г., стр. 48.
2) «Быт и молодежь», стр. 33.

столом. Чайники все в саже от кипячения на примусе. На редкость грязные чашки и стаканы — всегда открытое убежище для мух. Постель растилается не каждый день. Пыль из матрацов и одеял не выколачиваются. Бани не посещаются по три месяца. В квартире плавают облака табачного дыма, и запах его спорит с запахом грязного жилья. [1]). Упрощество, пренебрежение, ко всему чистому, красивому, и культура грубости переносится этой частью комсомольской молодежи и в область отношений между мужчиной и женщиной. «Любви у нас нет. У нас есть только половые отношения, потому что любовь презрительно относится у нас к области «психологии», а право на существование имеет одна физиология» — говорит девушка в рассказе Пантелеймона Романова «Без Черемухи» — на всех, кто в любви ищет чего-то большего, смотрят с насмешкой, как на убогих и умственно поврежденных суб'ектов». «Новая мораль» г-жи Коллонтай пришлась по плечу этой части комсомольской молодежи. Были выброшены все цветы из жизни, оголены самые интимные переживания и неумирающее чувство любви было окрашено только грязью и кровью. Упрощенность отношений между мужчиной и женщиной, грубость, неряшливость, культ циничного анекдота не составляют, впрочем, характерных особенностей комсомольской психологии. В данном случае комсомольская молодежь лишь довольно четко выявляет то, что разлито мутной волной в большевистских партийных кругах. «Разве только среди комсомольцев — спрашивает «Правда» (4/XII 1926 г.) — считается похвальным удальством грязно и цинично рассказывать о женщинах? Разве так мало среди старых членов партии любителей клубнички?... А наша литература?... Наши поэты ругаются в стихах по-матушке и прибегают к терминам и сравнениям, обычно составляющим железный инвентарь заборной литературы... А ведь дети учатся у отцов!»

Мы остановили свое внимание только на наиболее бросающихся в глаза явлениях быта и духовной жизни комсомольской молодежи. Легко видеть, что теоретическое и практическое упрощенство при решении сложных жизненных вопросов, плоский вульгарный материализм, неуважение к человеческой личности, распущенность, культ анекдота и царство голой физиологии представляют очень благоприятную почву для появления всяческого рода «уклонов», далеко уводящих наименее стойкую часть комсомольской молодежи от намеченных для нея большевиками путей. Революция разбудила в молодежи жажду новой жизни и обе-

---

[1]) «Терпеньев нету, — говорит о таких комсомольцах крестьянская молодежь, — песни воспрещают петь, танцовать нельзя... Случто они говорят, а мы слухем и не понимаем... Што мы монахи — какие?»

щала дать ей все, что возможно и что невозможно. Но даже и то, что было возможно, взять оказалось необычайно трудно. Большевистские опыты не только не обезпечили молодежи необходимого культурного досуга и удовлетворения культурных потребностей, но создали колоссальные кадры безпризорных детей, вызвали из года в год растущую среди молодежи гнетущую безработицу, привили к ней аполитические настроения и упадок интереса к правящей партии. Пережитый опыт и отразился прежде всего на развитии среди молодежи разного рода «упадочнических настроений». Хулиганство, пьянство, замыканье в узкий круг личных интересов, растерянность пред житейскими невзгодами, мистицизм, аполитизм и, наконец, полная, доводящая до самоубийства, потеря вкуса к жизни — вот характерные черты бытового упадочничества среди комсомольской молодежи. Говорить о том, насколько большевикам удастся перевоспитать эту молодежь и сделать ее послушным орудием осуществления своих утопических планов, не стоит: в распоряжении большевиков нет, как мы видим, достаточного кадра подготовленных руководителей и воспитателей. Нет и достаточных средств для перевоспитания молодежи. «Напрасно сейчас говорят об энтузиазме и о героизме — заявил на последнем комсомольском с'езде докладчик по отчету Ц. К. на этом далеко не уедешь. Это можно было делать в героический период гражданской войны, а сейчас общие фразы молодежи не берут... Необходимо, чтобы масса чувствовала на своей спине, в своем образовании, в своем быту, что мы действительно строим социализм». Да, необходимо! Но если комсомольския массы что-либо и чувствует на своей спине, то во всяком случае только тяготы большевистской диктатуры, а не сладость нового строя.

Так называемая «оппозиция», наделавшая столько хлопот и неприятностей партийному большинству во время последней большевисткой склоки, прекрасно учла эти настроения молодежи, оформила ее недовольство и пробовала использовать для своих целей такую, напр., крупную организацию, как ленинградская организация Комсомола. «Оппозиция» не одержала победы, но вовлечение Комсомола в борьбу и склоку между различными группировками имело роковое значение для решения вопроса о привлечении симпатий комсомольской молодежи к партийном верхам. Во время последней большевисткой склоки самые прочные авторитеты были заподозрены в различного рода буржуазных уклонах, ряд социальных пророков превратился в простых политических болтунов, прозорливцы оказались слепцами, ясновидящие — изменниками делу социализма и т. д. Чему и кому верить? Да и нужно ли верить былым вождям? Все эти естественные и неизбежные вопросы вызывают дальнейший отход этой части комсомольской молодежи от коммунистической партии и делают ее до-

ступной для влияний общественно - политических группировок, ничего не имеющих общаго с коммунистической идеологией. Деревенский комсомол, стихийно выросший из самых глубин потрясенной революцией крестьянской жизни, очень остро переживает все последствия антикрестьянской политики правящей партии и органически связан со всеми деревенскими болями и печалями. В грядущей борьбе между политически выросшим крестьянством и диктатурой правящей партии деревенский комсомол займет определенную позицию и эта позиция, несомненно, доставит мало радости теперешним господам положения. Городской Комсомол бьется над решением тех же проклятых вопросов, над которыми бьется и весь русский народ и при разрешении их также упирается в наличность диктатуры коммунистической партии. В общем комсомол представляет собою опасный очаг в системе коммунистической диктатуры. Большевики ходят около него с большой тревогой и рассчитывают превратить его в послушное орудие своей межфракционный борьбы и антинародной политики. Но молодежь всегда остается молодежью. При всех искажениях и уродливых проявлениях своей жизни, советская молодежь тянется к свету, а не мраку, к свободе, а не рабству, к полноте жизни, а не ее ущемлению, к самостоятельному решению последних вопросов жизни и мысли, а не к бухаринской азбуке. В своих попытках самоопределения она сделала и несомненно наделает в будущем очень много ошибочных шагов, но в своих ошибках, иногда нелепостях, а временами, и гнусностях, она все время тянется к свободному строительству жизни, знанию, удовлетворению своих запросов, личному устройству своей судьбы. Все более и более будет отходить от большевиков и комсомольская масса.

В. Архангельский.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ЗАДАЧИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ. РЕАКЦИОННА ЛИ СОВЕТСКАЯ БУРЖУАЗИЯ?

Мы рассмотрели в ряде статей («Воля России» №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11 — за 1926 г., 12-1, 2 и 3 за 1927 г.,), в каких условиях и каким путем происходит в советской России политическое «оживление» классов и групп, вынесших на своих плечах всю тяжесть борьбы с самодержавием — интеллигенции, пролетариата и крестьянства.

Остается сказать несколько слов о буржуазии, тоже принимавшей одно время, хотя и неуверенное, робкое, участие в русском освободительном движении.

В мою задачу не входит подробная характеристика роли российской буржуазии при самодержавии и за время революции: она достаточно освещена в эсеровской литературе.

Не сумевший во-время стать на путь решительной и непримиримой борьбы с самодержавием, не пожелавший порвать все связи, соединявшие его с помещичьим землевладением, русский торгово-промышленный класс не только не мог занять в революции руководящее место, но и разделил участь дворянства.

В противоположность тому, что имело место во Франции, крестьянство — основная сила революции — видело в нем только своего классового и сословного врага и, в лучшем случае, отнеслось равнодушно к его гибели.

И однако внутри торгово-промышленного класса были несомненно прогресивные — во всяком случае *экономически* прогресивные элементы.

После победы революции, при разумной хозяйственной политике и при культурном, социалистическом, а не примитивно-диком ленинском понимании классовой борьбы, эти прогрессивные элементы могли быть использованы в интересах вос-

становления и дальнейшего развития народного хозяйства, без всякого ущерба для трудовой демократии.

Большевики предпочли сначала разрушить до тла всю старую капиталистическую экономику, со всем, что в ней было прогрессивного и реакционного, чтобы затем разрешить постепенно и в ограниченных размерах восстановление частной торговли, частной промышленности и частного кредита.

При этом частно-хозяйственный строй, загнанный так называемым «военным коммунизмом» в подполье, восстанавливался в мелко-буржуазных формах, а частная инициатива и капиталы направлялись, главным образом, в торговлю.

**
*

По отношению и этой новой «советской» буржуазии приходится поставить два вопроса: 1) сможет ли она, в целом или в какой либо своей части, сыграть *экономически прогрессивную роль;* 2) является ли она серьезной политической силой и, если да, то какой именно: реакционной, прогрессивной, способной выдвинуть будущего Бонапарта или способной, наоборот, принять полностью государственный строй, отвечающий интересам рабочих и крестьян?

Ответ на первый вопрос мы давали в «Воле России» неоднократно: громадная задача хозяйственного восстановления и развития русской промышленности не может быть разрешена без привлечения частных капиталов и частной инициативы.

В настоящий момент в «советской» буржуазии преобладают спекулятивные, хищнические элементы или, в лучшем случае, — хозяйственно отсталые, без широкого кругозора, инициативы, необходимых технических знаний.

Объясняется это ненормальными условиями, в которые поставлены капиталисты, оффициально признанные «нужными», но фактически едва терпимые сов. правительством, находящиеся под постоянной угрозой «стрижки» и Нарымского края.

Однако и в этой новой буржуазной среде различного классового происхождения (из рабочих, крестьян, чиновников, спецов и т. д.), вполне возможно зарождение, как и при самодержавии, типа капиталиста передовика, смелаго предпринимателя, способного революционизировать хозяйственные отношения, толкать вперед развитие производительных сил. [1]).

---

[1]) Вроде тех, кого Горький вывел в лице «большого человека» Ильи Артамонова, «воодушевленно работавшего» над созданием ткацкого дела и взбудорожившего своей кипучей энергией ленивых граждан города Дремова.

Уже и теперь представители частного капитала, как об этом свидетельствует анкета, устроенная «Торгово-Промышленной Газетой», требуют «разрешения нового фабрично-заводского строительства, учитывающего все завоевания техники», возможности «ввозить из-за границы оборудование, сырье и т. д.».

Но что представляет собой новая буржуазия в политическом отношении?

Прежде всего, не нужно преувеличивать ее значенія.

Меньшевик Гарви считает, например, что «буржуазия уже теперь тот «великий немой», что стоит за спиной лицедеев коммунизма».

По его мнению, крестьянство, добиваясь правовых и экономических уступок, «стихийно, бессознательно, но с элементарной силой расчищает почву для грядущего господства буржуазии».

«По меньшей мере близоруко, — прибавляет он, — недооценивать новую советскую буржуазию, политическое значение которой будет непрерывно расти в ближайшие годы». (См сборник «Проблемы Революции», стр. 10).

В этом же духе писал во время последней дискусси Ларин в «Правде» (30-го октября 1926 г):

«Буржуазия увеличила свою роль в хлебной и розничной торговле промизделиями, а равно свою долю в сделках на бирже. Буржуазия сорвала частично наш план внешней торговли.... Буржуазия существенно увеличила свое накопление... Буржуазия политически стала более собирать вокруг себя кулачество... Буржуазия стала больше собирать вокруг себя и среднюю интеллигенцию, которая разочаровалась в сменовеховстве и массами отошла к платформе «деловой службы без романтики». Буржуазия укрепила, наконец, и кое какие зачатки своей деловой организованности в виде многочисленных обществ взаимного кредита, рыночных комитетов, обществ розничной торговли. Появились легальные миллионеры... Буржуазия, наконец, начала вступать после долгого перерыва в личную и деловую связь с иностранным капиталом».

**
*

Так ли это все, однако?

Конечно, если заносить в актив буржуазии политическое пробуждение крестьянства и его завоевания, настоящие и будущие, то окажется, что сильнее буржуазии зверя нет».

В действительности, уступки, которые крестьянству удается — и удастся еще в будущем, — вырвать у коммунистической власти, идут прежде всего на пользу основной земледельческой массы и содействуют развитию трудовой демократии в деревне.

Разумеется, поскольку частная инициатива и частный капитал будут еще играть (и уже играют) роль в России, эти уступки используются и ими.

Но и в настоящее время, как и раньше, буржуазия не является политической руководительницей крестьянства. А в этом вся суть.

Когда казенные лавки пустуют, или продают дороже, чем частный торговец, когда кредит можно достать только «у Данилы», когда государство платит за хлеб меньше, чем частный скупщик, крестьяне, понятно, предпочитают «частника» и не прочь, может быть, «поддержать» его.

Но, во-первых, частника «поддерживать» негде, ибо он не ведет никакой политической борьбы, а, во-вторых, неизбежное — и экономически прогрессивное — рескрепощение частной инициативы в ряде хозяйственных областей вполне мыслимо не как результат напора буржуазии, а как мера добровольно и сознательно проведенная пролетариатом и крестьянством, ибо *на данной стадии хозяйственнаго развития,* она вполне отвечает и их интересам.

В действительности новая буржуазия ведет себя тише воды, ниже травы.

В самом деле: вот класс, оффициально, открыто «подавляемый» и «угнетаемый», конституционно и в административном порядке, при помощи экономического и финансового давления, кроме того подвергаемый общественному презрению, травимый в прессе, бесправный. И, между тем, это, пожалуй, единственный класс в России, который не ведет... классовой борьбы.

Старая буржуазия еще пыталась, в связи с дворянством, вести гражданскую войну, предварительно свалив при помощи иностранцев революционно-демократические правительства опиравшиеся на крестьянство.

Новая, советская буржуазия, отличающаяся, по словам «Правды», «делячеством и грубым эмпиризмом», пытается приспособиться к коммунистической диктатуре и приспособить к своим интересам «советский» строй. Требования, выдвигаемые ею — на разрешаемых время от времени начальством публичных диспутах и в упомянутой уже выше анкете — чрезвычайно умеренны.

Наиболее смелое требование было формулировано некиим Синелобовым, который заявил, что «для вовлечения частного капитала в промышленность необходима *большая определенность правового положения».*

Нужно «отвинтить кое-какие гайки», — как выражается один из анонимных ответов на анкету.

Другой представитель частного капитала, Тарковский, заявил на московском диспуте, что буржуазия «понимает интере-

сы государства» и готова соблюдать лойяльность по отношению к власти. Но частный капитал «хочет спокойно работать, ему нужна увѣренность в завтрашнем днѣ».

Нельзя отрицать, однако, что эволюция советского законодательства, начиная с 1921 года, идет в сторону «большей определенности» правового положения частных собственников и капиталистов. Возможно и дальнейшее взаимоприспособление нэпманов и коммунистов. Наркомфин Брюханов и заместитель председателя В. С. Н. Х. Квиринг на прошлогоднем московском диспуте заявили, что *длительное* сотрудничество частного капитала с их «социалистической экономикой» вполне возможно.

Брюханов заговорил даже совсем по «социал-предательски», о *«здоровых элементах частного капитала*, которые несомненно имеются в общей массе капиталистического накопления»...

*
**

Итак, новая, советская буржуазия, не становится еще на путь политической борьбы.

Она для этого и недостаточно многочисленна и недостаточно экономически сильна, и не обладает еще своим собственным политическим штабом.

Точных данных о размерах частного капитала и годового накопления внутри частно-капиталистических предпріятий у большевиков нет.

По мнению «Торгово-Промышленной Газеты», всего в частные предприятия было вложено (год тому назад) пол миллирда рублей; «Экономическая Жизнь» в то же время исчиляла эти капиталы в 300 миллионов.

По вычислениям Кутлера, *валовая* прибыль 323.855 частных предприятий, имеющихся в советской России, колеблется от 319 до 585 миллионов рублей.

Пятаков утверждал на прошлогоднем пленуме Ц. К. В. К. П., что *чистая* прибыль частного капитала достигает 500 миллионов рублей в год.

Бухарин и Дзержинский оспаривали правильность вычислений Пятакова. При этом, по мнению Бухарина, (доклад 28-го іюля 1926 г.), даже если признать, что *валовая прибыль* равняется, примерно, 400 миллионам, то *«эта цифра может нас напугать*, ибо «это действительно представляет собою *очень крупную опасность социально-классового порядка»*.

Бухарин успокаивает своих слушателей объяснениями, что капиталисты «съедают» изъ этих 500 миллионов 320 миллионов и что чистый доход, фонд накопления капиталистов, таким образом, сводится к цифре в *180 миллионов*, тогда как чистые до-

ходы обобществленного хозяйства, по его словам, перевалили за миллиард.

Ясно, во всяком случае, что 400 миллионов валовой, или даже чистой прибыли, полученной всеми мелкими, средними и крупными предприятиями Советского Союза — свидетельствуют о чрезвычайной, пока что, *экономической слабости* новой советской буржуазии.

Напомним, что частная промышленность дала в 1925-26 г.г. 25% всей продукции, но из них всего 3,8% приходилось на цензовую, а остальное — на мелкую промышленность, т. е. на предприятия, имеющие не больше 16 рабочих с одним двигателем, или до 30 рабочих без двигателя.

*
**

Однако, роль частного капитала может еще и при советском строе значительно усилиться, а экономическая мощь буржуазии — возрасти. Кроме того, не будучи сама по себе ни численно, ни денежно особенно сильной, подлинная буржуазия, может, действительно, в определенный момент подчинить своему влиянию мещанскую мелко-буржуазную массу.

А эта последняя — может явиться реальной силой в политической борьбе, если не в деревне, то в городе.

Если где нибудь есть подлинная опасность российского фашизма или «бонапартизма», то это именно здесь, в массе городских «хозяев», лавочников, ремесленников, мелких промышленников, домовладельцев, подрядчиков и части совслужащих, связанных с ними бытовыми, семейными и деловыми отношениями.

До сих пор, — как в период борьбы с самодержавием, так и после 1917 года, — эта так называемая «мещанская» масса была в политическом отшении пассивной, окуровской и дремовской обывательщиной. Несмотря на свою относительную численность, она не пыталась еще ни разу «выйти на улицу», перейти, для отстаивания своих интересов, к организованной борьбе и «прямому действию». Но нет никакой гарантии, что так будет и впредь.

Городской пролетариат, крестьяне и демократическая интеллигенция, заинтересованы, разумеется, в том, чтобы возможное пробуждение политической активности этой массы городского населения *не приняло фашистских или бонапартистских форм.*

В известной мере это зависит от того, какой тактики будет придерживаться по отношению к мелкой буржуазии рабочий класс, являющийся наиболее значительной демократической общественной силой в городах.

Чрезвычайно важно, следовательно, чтобы рабочие усвоили правильную точку зрения на этот «промежуточный» или «средний» общественный слой. История европейских стран показывает, что он вовсе не обязательно и не при всяких условиях представляет собой черную реакционную массу. Даже пресловутые «лавочники», т. е. одна из наиболее консервативных социальных категорий, обладающая к тому же рядом отрицательных черт, отмеченных художественной литературой всех стран, — даже они в определенной обстановке могут идти за передовыми демократическими партиями и не занимать враждебной позиции по отношению к пролетариату.

Кроме того, ведь несомненно, что такая значительная общественная прослойка не исчезнет сразу даже после удачного социалистического переворота.

Она не могла бы исчезнуть даже в том случае, если бы капиталистическое развитие действительно быстро «вымывало» средние классы хотя бы в передовых индустриальных странах. В действительности, как известно, мелкая буржуазия разных родов не уменьшается в числе (хотя и разоряется в эпохи кризисов), а в некоторых областях капитализм даже вызывает к жизни новые и новые промежуточные слои.

В частности, мелкая, розничная торговля, ремесло и некоторые мелкие промышленные предприятия, вероятно, еще долго будут жить после обобществления основных средств производства и обмена, ибо государство и кооперация технически не смогут сразу взять на себя их функции, а потребности населения не могут быть оставлены без удовлетворения.

Большевики попробовали «упразднить» частную торговлю и известно, что из этого вышло.

Теперь они ее разрешают, но вся их пропаганда направлена на то, чтобы пробудить у рабочих враждебное чувство не только к самому институту частной собственности или торговли, но и ко всей массе мелких собственников и торговцев, к каждому «частнику», взятому в отдельности.

Если рабочий класс будет смотреть на мелкую буржуазию, как на «социально-опасный элемент», как на паразитов, в сущности, подлежащих разорению или истреблению, и лишь по необходимости пока-что терпимым, то, разумеется, она *будет искать спасения в тех или иных формах бонапартизма и социальной реакции.*

*
**

В Европе уже идет борьба с такими «уклонами» пролетарской идеологии. Приведем два-три примера.

В одном французском рабочем журнале мы находим статью: «Работа среди средних классов». В ней автор разбирает ряд возражений, выдвигаемых рабочими против сближения с мелкой буржуазией.

Часто слышатся, — говорит он, — в рабочей среде такие речи: владельцы кафэ (бистро) спаивают народ, лавочники не соблюдают воскресного отдыха, у них реакционная психология, они ответственны за вздорожание жизни и т. д.

Это, — говорит наш автор, — весьма поверхностное отношение к вопросу, основанное на *субъективном* отношении к некоторым спекулянтам (мерканти), а не на *объективной* оценке положения лавочников, как класса.

Ответственность каждого отдельного лавочника не больше ответственности самих рабочих, которые у него покупают и которые тоже «поддерживают капитализм» (sic). Ответственность кабатчика не меньше ответственности рабочих, фабрикующих спиртные напитки.

Все ламентации против лавочников, — по мнению автора, — не больше и не меньше, как «плаксивый романтизм». «Этот метод, будучи применен к пролетариату, заставит вас утверждать, что рабочая масса сама является ответственной за все социальные язвы, что она является покорным орудием капиталистического гнета».

«Но торговец, — говорят рабочие, — живет на прибыль с капитала, он — паразит». Однако, ведь рабочие тоже имеют ценные бумаги, т. е. получают нетрудовой доход, хотя бы и минимальный... Говорят, что мелкие лавочники осуждены на исчезновение? Но ряд категорий рабочих тоже исчезнет... Вы скажете, пускай их разоряются: когда лавочники будут разорены, они, может быть, поймут? Но не следует ли, по тем же соображениям, желать обнищания рабочих?.. Лавочники надеются стать крупными капиталистами: между ними нет принципиальной разницы. А как отнестись к рабочим, которые надеются стать маленькими хозяевами? Каковы были, признайтесь, ваши интимные мечты, когда вы начинали копить 25 тысяч франков»? — спрашивает автор своих читателей.

Он приходит к выводу о существовании «исторической солидарности между пролетариатом и мелкой буржуазией».

В другом номере того же рабочего журнала напечатан доклад специальной комиссии, занимавшейся изучением вопроса о среднихъ классах и о пропаганде среди лавочников.

Этот доклад высказывается прежде всего за защиту «коммерческой собственности», которая обосновывается следующим образом: «мелкий лавочник, часто ценой упорного и изнурительного труда и благодаря своим коммерческим способностям сумел создать хорошо оборудованное торговое дело и обезпечить себе прекрасную клиентуру: он, таким образом, значительно увеличил ценность своего предприятия».

Дальше доклад заявляет: «Совершенно ясно, что есть несомненная солидарность интересов консервативной массы лавочников и революционно-демократическаго рабочего класса».

Он требует от представителей пролетариата в парламенте «отстаивания ближайших интересов» и даже «*глубочайших стремлений* средних классов.»

В каком, однако, продавшемся буржуазии, органе «социал-соглашателей» мы нашли эту откровенную защитницу «кулацкой— и лавочнической «стихии»?

Все это напечатано черным по белому не меньшевиками, не эсерами и не «реформистами», а в теоретическом органе французской коммунистической партии — Les Cahiers du bolché visme [1]).(«Большевицкие тетради»), и является оффип точкой зрения ея Ц. К. Дело в том, что французские коммунисты, с ведома и по указанию из Москвы, пытаются привлечь на свою сторону «лавочников» и вообще всю мелкую буржуазию для своих сложных стратегических целей. Как мы видим из выше приведенных цитат, они при этом явно пересаливают. Поистине: — заставь дурака Ленину молиться. . .

Но за то стоит *социалистам* заикнуться о необходимости соглашения для тех или иных определенных целей с мелкой буржуазией, не становясь, подобно вышецитированному французскому коммунисту на скользский путь почти полного отожествления ея с пролетариатом, то их немедленно объявляют социал-предателями.

Русским рабочим этими обвинениями смущаться нечего.

Они должны посмотреть на дело практически: выгодно ли им иметь против себя мелкобуржуазную массу торговцев, ремесленников, мелких предпринимателей, или, лучше привлечь их на свою сторону — на все то время, пока экономически неизбежно и *необходимо* существование этих промежуточных слоев?

Коммунистам можно всегда при этом указать на их собственных товарищей на Западе.

При разумной тактике, пролетариат может сделать мелкобуржуазную городскую массу *своим союзником в борьбе за политическую демократию и свободу.*

---

[1]) Cahiers du Bolchévisme, №№ 31 et 45, 1926.

Демократический строй — при оставлении в руках государства «ключевых» отраслей промышленности — равно обеспечит и развитие всех форм новой трудовой общественности и нормальное, здоровое функционирование экономически еще не изжитых органов капиталистического хозяйства. А, главное, он устранит из общественного развития элемент насилия и произвола, установит гражданское и политическое *равенство* и этим самым будет гораздо больше способствовать примирению мелкой буржуазии с социалистическим строительством и ея дальнейшему союзу с пролетариатом против монополистских форм капитала, чем методы чекистской диктатуры.

*
**

С вопросом о мелкой буржуазией связан вопрос об *отношении к буржуазии вообще*, вернее, вопрос о понимании пролетариатом всего механизма капиталистического общества и классовой борьбы.

Большевики, приспособляясь к низкому культурному уровню русских рабочих и, еще более, к психологии солдатских масс, выработали еще в 1917 году весьма вульгарную теорию общественных классов и классовой борьбы.

Социально-экономическая категория развитого капиталистического общества — *класс*, смешивается, в их понимании, с *сословием*, или *кастой*, правовой категорией феодального строя.

Капиталистический гнет рисуется ими пролетариату, как продукт злой воли «буржуев», опирающихся исключительно на вооруженную силу государства с его армией и полицией.

Общество распадается на «черную» и «белую» кость, только «белой», лучшей, ценнейшей частью его является пролетариат, в котором яко-бы воплощаются все без исключения человеческие добродетели, а худшей — буржуазия и интеллигенция, вместилище всех пороков. Между ними находится крестьянство, качеством похуже пролетариата, но все же терпимое в новом «благородном» обществе.

Эта теория положена большевиками в основу законодательства, суда, школы.

Даже у себя в партии, даже на верхах ее, в среде полубогов, большевики заботятся об «улучшении» социального состава и бывают чрезвычайно обеспокоены, когда он «ухудшается», т. е. когда уменьшается процент потомственных пролетариев.

В связи с этим, классовая борьба понимается как систематическое разжигание классовой *ненависти* к личному составу «противника» и подготовка к его физическому истреблению. Во времена красного террора, массовых казней, самосудов, по-

громов — физическое истребление буржуазии, как класса, проповедывалось открыто. Большевики при этом взывали не столько к *классовому* пролетарскому чувству, сколько к накопившейся веками *сословной* ненависти угнетенных и *бесправных* масс, мстивших «барам» за все испытанные ими унижения человеческого достоинства, за розги, за мордобитие, за издевательства, за гражданское *неравенство*.

*
**

Современному пролетарскому сознанию чуждо такое примитивное отношение к классовому противнику; и уже, во всяком случае, в нем ничего научно «марксистскаго» нет.

Один из старейших итальянских социалистических органов « La Giustizia », в течение 40 лет печатал под своим заголовком следующий эпиграф, в который необходимо вдуматься русским рабочим коммунистам:

Нищета есть результат не злой воли капиталистов, но плохой организации общества — частной собственности. Поэтому мы не проповъдуем ненависти ни к личностям, ни к классу богатых, но отстаиваем необходимость срочного социального преобразования, которое положило бы в основу человеческого общества коллективную собственность».

Жорэс в ряде блестящих страниц своей известной книги «Новая Армия» показал, в чем заключается разница между капиталистическим и сословным гнетом: между классовой борьбой и восстанием рабов, крепостных или просто «нисших», «податных» сословий.

Он объясняет, почему нельзя делать ответственными отдельных капиталистов за несправедливости капиталистического строя. Для читателя рабочего небезинтересно привести две-три цитаты:

«Капитализм, — говорит Жорэс, — не является внешней властью произвола. Он — закон общественного развития. Он не навязан наглой кучкой людей, попирающих ногами массы, а продиктован необходимостью. Капиталистический режим может быть тяжелым, даже жестоким, но в нем нет жестокости произвола, и те, кто столетиями подчиняются ему, не ощущают в нем оскорбления своего достоинства, унижения своей гордости. Они подчиняются закону, а не приказу завоевателя». (Стр. 366, — французского издания).

«Разумеется, капитал построен на эксплоатации труда рабочих, но эта эксплоатация ускользает от взгляда буржуазии, скрывается сложной механикой производства и обмена»...

Капитализм — сила безличная и стихийная. До тех пор,

пока не созрели и не выросли элементы новой общественной системы, он фактически приемлется всеми, даже теми, кто против него ведет борьбу, во имя будущего.

«Собственники и хозяева, — говорит Жорэс, — не могут усумниться в своих правах, не подвергнув сомнению все общество. Они выполняют свои функции и получают прибыль не в силу патентов, полученных от какой то власти, произвольно их раздающей, не благодаря личной милости, или кастовой привиллегии. *Они делают на своем месте, юридически, по крайней мере, доступном всем, то, что всякий другой должен был бы делать. Они применяют верховный и всеобщий закон капиталистического общества.* Если бы один из них, охваченный своеобразной мистической фантазией отказался бы принять этот закон, если бы капиталист вдруг восстал против прибыли, он осудил бы самого себя на бессилие, ибо он не мог бы расширять свое предприятие путем накопления и умножения капиталов. В конце концов, он погиб бы, и это странное и противоречивое безкорыстие столь же мало уничтожило бы буржуазную эксплоатацию, как не уничтожил бы войну солдат, который пошел бы в бой безоружным»...

«Даже революционеры испытывают по отношению к ним (капиталистам) сложное чувство: они видят в них колоссальный продукт колоссальных сил, которые нужно не уничтожить, а взять в свои руки для использования в иных целях»...

«Капиталисты выполняют свою роль, несут ея тяготы и пользуются ея выгодами от имени всего общества, опираясь на авторитет всей общественной организации, которая не имеет права отстраняться до образования нового строя. Они являются, таким образом, проводниками и представителями общих условий жизни (данного строя). Когда пролетарии и социалисты иногда называют капиталистов ворами, грабителями, это полемическое увлечение, которое может быть оправдано лишь пылом борьбы или остротою страданий. *Кража может быть лишь тамъ, где отдельное лицо или группа лиц присваивают себе богатства в нарушение общего закона, в силу которого в данном обществе приобретаются богатства. Нельзя называть кражей приобретение индивидуами богатств согласно основному закону того общества, в котором они живут».*

««Массовая кража уничтожила бы богатства. Энергичное функционирование капитализма является необходимым условием развития богатства, до тех пор, пока не образовалась другая система производства».

Жорэс возражает против другого упрощения, согласно которому все капиталисты — бездельники. Он напоминает о том, что буржуазия, свергнувшая дворянство и феодальный строй, первая повела энергичную борьбу с праздностью, безпорядочно-

стью, барством, что она двинула вперед науку, просвещение, приучила общество к труду, реабилитировала труд.

И теперь, — говорит Жорэс, — «капитализм сила настолько деятельная, живая и бурная, что те, в ком она воплощается, не могут быть бездельниками».

В европейской классовой борьбе сталкиваются громадные организации противоречивых интересов, но в самые острые моменты противники сохраняют известное личное уважение друг к другу.

*
**

Все это — простые истины, но их не мешает напомнить после путаницы, внесенной в этот вопрос большевиками.

Поскольку русский пролетариат признает экономическую необходимость в определенных областях частной инициативы и капиталистического хозяйства, в том числе и крупного, под контролем государства, он должен освободиться от примитивно-большевицкого взгляда на «буржуев», как на шайку грабителей и дармоедов.

Конечно, простое и беспредельное развязывание капиталистической стихии, породило бы — особенно на первых порах — самые безцеремонные, хищнические формы эксплоатации, а в политической области — вероятнее всего, привело бы к буржуазной диктатуре.

Но при наличии силного политического движения пролетариата, демократического пробуждения крестьянства и возвращения к общественной и политической работе интеллигенции, капиталистической стихии можно будет поставить известные, твердые пределы, и тогда, весьма вероятно, что хозяйственно-прогрессивные элементы буржуазии тоже выскажутся за демократический строй.

Пока что, как мы видели выше, новая советская буржуазия не является сколько нибудь значительной политической силой и, уж во всяком случае, не может претендовать на руководящую роль в процессе политического оживления разных общественных классов и групп.

Но если процесс оживления и, так сказать, «окультуривания» рабочего движения пойдет менее быстрым темпом, чем рост буржуазии и, если задержится восстановление подлинного союза пролетариата и крестьянства, то опасность «бонапартистских» настроений в городской мелко-буржуазной массе может и в самом деле стать реальной.

В. В. Сухомлин.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ

НОВАЯ БАЛКАНСКАЯ ПРОБЛЕМА

Любопытно, что в то время, как мы прибавили к нашему словарю слово «балканизация» для обозначения разделения и споров между народами одной и той же области, нигде идея единства не пользуется такой популярностью, как на Балканах. Все те, кто пером или с оружием в руках боролись в прошлом столетии за освобождение своих соотечественников от турецкого ига, рассматривали свои успехи в этом отношении только как первый шаг на пути к Балканской федерации. Вот один из наиболее поздних примеров: радикально-демократическая партия, образовавшаяся в Румынии в 1888 году. Ее программа, изложенная на 50-ти страницах брошюры, кончается несколькими словами, выражающими две основные идеи внешней политики: «национальное единство и балканская федерация». И, конечно, федерация всегда требовали различные социалистические группировки на Балканах. И все таки, до сих пор балканские народы добились только противоположного результата — балканизации своего полуострова.

Эта неудача объясняется разнообразными географическими, экономическими и иными причинами. Но главной из них было то обстоятельство, что Балканам никогда не удавалось получить возможности осуществить свою мечту. За всю свою историю народы Балкан никогда не пользовались тем блаженным состоянием одиночества, когда можно воскликнуть: «наконец — одни». В течение четырех столетий они были под турецким владычеством, а когда турки были изгнаны, их место заняли Россия и Австро-Венгрия, желавшие быть руководителями и учителями балканских народов. Мы не собираемся здесь рассматривать мотивы и методы этого вмешательства. Важно то, что в результате интриги и вожделения великих держав настолько запутали балканский вопрос, что балканские народы сами оказались бессильны разрешить его. Когда, все-таки, эти на-

роды впервые соединились в отчаянной попытке разрешения балканской проблемы и для этой цели образовали Балканскую Лигу в 1912 году, они, естественно, выступили с лозунгом: «Балканы — балканцам». С тех пор этот лозунг сделался общим для всех прогрессивным балканских политических деятелей, как бы они ни различались между собой во всех других отношениях. Он был осуществлен лишь после великой войны, которая смела со сцены главных кандидатов на господство на Балканах.

Турция была, наконец, изгнана из Европы, Австро-Венгрия тоже исчезла, тогда, как Россия, хотя бы на время, но должна была отказаться от мысли руководить политикой славянских государств. Таким образом, впервые в истории, Балканы были предоставлены балканским народам. То, что затем произошло, чрезвычайно показательно. Главными соперниками на Балканах всегда были сербы и болгары. Войны, которые они вели между собою, оставили у них много горьких чувств, а мирный договор лишь углубил у болгар сознание несправедливости, совершенной по отношению к ним. И тем не менее идея сербоболгарского союза была выдвинута тотчас же после войны, — она сделалась вопросом практической политики, и юго-славянские политические деятели, провозглашая ее, вызывали энтузиазм во всем крае, несмотря на то, что им оказывали сопротивление те люди, которые и на Балканах и вне их, умеют только распалять национальную ненависть.

Именно исходя из того, что каждое иностранное вмешательство неизбежно вызывает разрушительные последствия на Балканах, нужно сейчас рассматривать нынешнюю деятельность Италии в Албании и во всем полуострове. По этому поводу я хотел бы попытаться выяснить три вопроса: 1) каковы стремления и пружины итальянской политики, 2) каковы ее методы и, наконец, 3) какова позиция английского правительства при том критическом положении, которое создано итальянской политикой.

То, чего добиваются итальянцы, кажется весьма простым: сделать из Адриатики закрытое итальянское море. Это не новое стремление, но только после исчезновения Австро-Венгрии итальянские политические деятели потеряли голову при мысли, что они могут возродить былое господство Венеции на Адриатике. В этой мечте Албания играет очень важную роль: во-первых, потому что она может служить оплотом против славян, а, во-вторых, и, особенно, потому, что тот, кто владеет ее великолепными южными берегами ,а также Аппенинским полуостровом, обладает возможностью по своему желанию открывать или закрывать доступ в Адриатическое море. Впоследствие два новых фактора усилили интересы Италии в Албании. Один из них был экономический: открыв, что в Албании имеются нефтенос-

ные источники, Италия перенесла свое внимание от портовой полосы вглубь страны. Другой был политический, но он привел к тем же результатам. С приходом к власти фашизма, Италия, по словам Муссолини, почувствовала необходимость в «материальном и моральном расширении своих границ». Балканский полуостров соблазнительно находится под рукой, а Албания с ее прекрасными портами и старыми дорогами, представляет собой отличную базу для будущих операций. Прежнее итальянское желание иметь Албанию в своих руках было краеугольным камнем в ее стратегическом построении защиты, теперь оно является фундаментом в наступательном плане ее« мирного проникновения» на Балканы.

Этот переход от одной политики к другой характеризуется совершенно очевидным изменением методов. Свою первую задачу — устранение возможных соперников с Адриатического побережья — Италия осуществила дипломатическим путем. В 1913 году она поддерживала создание Албанского государства для того, чтобы оттеснить сербов. В 1915 г. секретный Лондонский договор обещал Италии не только Фиуме, Триест, Далмацию, — словом, все, что должна была потерять Австро-Венгрия, но и албанский порт Валлону с частью территории для его защиты. Мало того, Италии должны были поручить «представлять Албанское государство в его сношениях с иностранными державами» (парагр. 7). Главным образом из за сопротивления президента Вильсона, Италия принуждена была отказаться от многих из своих требований, включая Валлону, хотя она и заняла, без всякого на то права, маленький остров Сассено, господствующий над чудесной Валлонской бухтой: он был укрѣплен и снабжен тяжелой артиллерией.

Неудачный конец того, что может быть названо дипломатическим периодом, совпало с появлением у Италии новых видов на Албанию и с началом широкой и развивающейся деятельности, по всем видимостям, в согласии с выработанным заранее планом.

В этом плане, точной копии с габсбургского оригинала, — имеется две стороны. Во-первых, нужно разделить тех, над кем хочешь властвовать, во-вторых, нужно создать себе базу в крае, которым хочешь завладеть. Недостаток места позволяет мне дать лишь сухой перечень фактов, часть которых всем известна.

Италия упорно стремилась привязать к себе Австрию. В 1925 году газета «Ресто дель Карлино» требовала «итальянского разрешения австрийского вопроса», подразумевая под этим какую либо форму экономического союза между двумя странами.

Венгрию все время ласкали и оберегали, и Венгрия теперь скрывается в тени Рима, который тормозил дело прими-

рения между государствами-наследниками Австрийской монархии . Точно также Италия была в самых нежных отношениях с Болгарией, с момента прихода в ней к власти националистических элементов. В прошлом году оба государства подписали союзный договор, который не был предан гласности, в тоже время Италия поддерживала Болгарию в ее попытках получить порт на Эгейском море. Таким образом, удержав побежденные государства от примирения с победителями, Муссолини начал стремиться к ослаблению связей между прежними союзниками. Он достиг некоторого успеха в Греции во время господства Пангалоса, но события в Греции развиваются слишком калейдоскопически, чтобы кто либо мог полностью овладеть их ходом. Но главной удачей итальянского диктатора было «завоевание» Румынии, благодаря приходу к власти генерала Авереску, единственного румынского политического деятеля, явно италофильского направления.

Принимая во внимание все это, нетрудно понять, почему заключенный в ноябре прошлого года итало-албанский договор вызвал безпокойство и недовольство в Югославии. Ведь этот договор лишь завершает собою всю политику окружения Югославии. Все получаемые по нему Италией льготы лишь подтверждают это положение вещей.

Я сказал уже, что второй задачей Италии было обеспечить себе базу на Балканах. Для того, чтобы эта база была крепкой, необходимо, чтобы она составляла одно стратегическое целое с той страной, которую она обслуживает. Австро-Венгрия захватила Боснию и Герцеговину, Италия проникает в Албанию, причем дело зашло достаточно далеко, чтобы превратить Албанию в область, более чем зависимую от Италии. Я могу указать лишь несколько фактов, но и их совершенно достаточно, чтобы осветить положение. С помощью итальянского капитала был создан Албанский Национальный Банк. Его правление находится в Риме, и в Риме же лежит большая часть золотого запаса и покрытия, ибо почти весь банковский капитал находится в итальянских руках. Этот так называемый Национальный Банк в свою очередь управляет «Обществом экономического развития Албании», итальянским концерном, пользующимся чрезвычайными преимуществами. Этому обществу принадлежит исключительное право постройки дорог, мостов, проведения железнодорожной сети, оборудования портов и вообще всех общественных работ. В настоящее время это общество занято сооружением ряда дорог, конечно, на албанский счет, ведущих от Дураццо к стратегическим пунктам на югославянской границе. Албанская армия была реорганизована генералом Мальетта, бывшим заведующим инженерным отделом итальянского военного министерства. Но не имеет смысла входить в

дальнейшие подробности, ведь сами итальянцы не отрицают уже более истинного смысла своего договора с Албанией. Сперва они говорили, что это только обычная формальность. Но, немного позже, полуофициальное сообщение агентства Стефани, направленное против тех , кто выражал свое безпокойство по поводу Тиранского акта, заявляло, что, в конце концов, «ныне подписанный договор лишь подтверждает дипломатическое соглашение 1921 года». Именно в этом году державы, составлявшие Верховный Совет (Англия, Франция, Италия и Япония) подписали декларацию, в которой условно признавался итальянский протекторат над Албанией. Этот поразительный документ только через год был сообщен Лиге Наций и ускользнул от общественного внимания. Но в нем заключается очень опасный пункт: обязательство Англии помогать итальянской интервенции в Албании, если политическая и даже экономическая независимость этой страны находилась бы под угрозой, при интервенция может иметь место и в том случае, если Лига не признает, что положение требует вмешательства извне. Это соглашение между державами было заключено без согласия Албании, и теперь Италия утверждает, что по новому договору Албания признала права протектората, полученные Италией в 1921 году.

Этот краткий обзор дает достаточный материал для ясного ответа на поставленные мною вопросы. Совершенно очевидно, что первоначальной целью итальянской политики было завладеть Адриатическим морем, а что теперь она стремится включить Балканы в сферу своего влияния, и для этого она захватывает Албанию и поддерживает в Венгрии, Болгарии и где только можно непримиримую политику по отношению к Югославии. Последнее совершенно понятно, ибо Венгрии, Болгарии и т. д. лишь постольку выгодно оставаться саттеллитами Италии, поскольку они находятся в скрытом или явном состоянии вражды со своими соседями. В этом вся опасность итальянской политики и все значение создаваемого ею нового балканского вопроса. Не желая преувеличивать, я скажу, что Италия прогоняет мир с Балкан.

Такое положение вызывает усиление вооружений, военные договоры и все иные приготовления вооруженной защиты. Эти приготовления будут продолжаться до тех пор, покамест народы Балкан не получат уверенности, что западные державы, действующие через Лигу Наций, не желают допустить никаких авантюр на Балканах, могущих зажечь там пламя новой войны. С особенным безпокойством взирают они на политику Англии, и совершенно ясно, что думает балканское общественное мнение: оно убеждено, что английское правительство желает тоже впречься в колесницу Муссолини. Это опасение основывается не толь-

ко на хорошо известной слабости Чемберлэна к Муссолини. Подчеркивается, что соглашением 1921 года Англия сделала все возможное, чтобы поставить друг против друга на Дрине итальянского и югославянского солдата, хотя это может привести лишь к войне. И на Балканах упорно утверждают, что английское министерство иностранных дел не только высказалось против болгаро-югославянского союза, но и сделало невозможным сближение этих двух стран. Недавно в белградской газете «Политика» был напечатан текст оффициального сообщения греческого посланника в Лондоне, Какламаноса, своему правительству. Какламоносу было поручено осведомиться в Министерстве Иностранных Дел в Лондоне относительно желательной политики Греции в настоящий острый момент. По его словам, английское министерство дало такие советы: союз с Болгарией, тесные сношения с Турцией, не подписывать никакого соглашения с Югославией, избегать всякого конфликта с Италией, проявить незаинтересованность в итало-албанском договоре.

Все эти слухи черезчур упорны и определенны, чтобы под ними не было оснований. А если они соответствуют действительности, то тогда перед нами стоит такая же ужасная балканская проблема, какая предшествовала великой войне, и одни державы стремятся поживиться от балканской неурядицы, и все государства настолько разделены между собою на противоположные группы, что в минуту опасности их несогласия парализуют аппарат Лиги Наций для сохранения мира. [1]).

Д. Митрани.

---

[1]) Настоящая статья написана членом английской рабочей партии Д. Митрани, корреспондентом Института Карнеги для юго-востока Европы.

СОЦИАЛИЗМ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

БАЛКАНСКИЙ КОНФЛИКТ ПЕРЕД РАБОЧИМ ИНТЕРНАЦИОНАЛОМ

Развитие итало-югославянского конфликта вызвало необходимость новой чрезвычайно конференции социалистического интернационала.

Пьер Ренодель обратился к Адлеру с просьбой созвать заседание Испоткома. После переговоров с партиями, было решено созвать в Париже расширенное заседание Международного бюро, на котором могли присутствовать кроме девяти постоянных его членов, все члены Исполкома, кто пожелает.

Третьего апреля состоялось заседание этого расширенного Бюро совместно с Бюро Международной Федерации профессиональных Союзов (Амстердам).

От русских партий присутствовали Абрамович (с.-д.) и В. В. Сухомлин (с.-р).

Делегат югославянской социалистической партии представил обширный доклад о причинах конфликта, который был пополнен рядом документов, изданных Секретариатом Интернационала.

Доклады и документы не оставляли никакого сомнения в том, что вся ответственность за балканские осложнения падает на политику Муссолини.

— Политика экспансии итальянского фашизма, — заявляет доклад, — и борьба за Албанию требуют энергичного вмешательства Общества Наций. Частичные договоры, открытые и тайные, заключенные до сих пор относительно Албании, стали источником постоянной угрозы миру. Положение осложняется с каждым днем, ведя к войне на Балканах, что может вызвать новую европейскую войну. Вот причины этой опасности:

Внутреннее социальное и политическое положение Албании чрезвычайно запутано и вызывает постоянные острые конфликты. Каста крупных земельных собственников, сановников и военных периода турецкого владычества стремится обезпечить себе неограниченную централизованную власть и сохранить свои поместья. Против нее борется Национальная демократическая партия, добивающаяся аграр-

ной реформы в пользу крестьян и децентрализации, отвечающей потребностям горных племен. Албанскому народу, который лишь теперь выходит на историческую сцену, придется еще пройти через долгий период внутренней борьбы, прежде чем он сможет создать прочную государственную организацию.

Соседние государства вмешиваются в эту внутреннюю борьбу, стремясь использовать ее в своих интересах и подчинить Албанию в политическом и хозяйственном отношениях. В 1925 году югославянское правительство помогло Ахмеду Зогу, представителю помещичьей касты, свергнутому националистами, вернуться к власти. фашистское правительство Италии, в свою очередь, использовало слабость правительства Ахмеда Зогу, чтобы навязать ему Тиранский договор, который гарантирует сохранение существующего теперь албанского политического режима при помощи итальянских войск, ценой независимости Албании.

Откровенная политика насилия, которую ведет фашистское правительство Италии, стремящееся к уничтожению политической независимости Албании, представляет серьезную угрозу миру. Но нужно признать, что она является заключительной стадией эволюции, в которой ряд правительств поработал над разрушением этой независимости. Несмотря на то, что Версальский договор гарантирует независимость Албании, которая является членом Общества Наций, были заключены тайные договоры, угрожающие этой независимости.

9-го ноября 1921 года Франция, Англия, Япония и Италия заключили соглашение, по которому они обязывались голосовать в Совете Общества Наций за то, чтобы охрана территориальной и хозяйственной независимости Албании была поручена одной Италии в случае угрозы извне (т. е. со стороны Югославии или Греции).

Все предыдущие албанские правительства протестовали против этого соглашения, которое является прямым нарушением устава Общества Наций. Это соглашение ставило все же Албанию под покровительство Общества Наций, ибо оно допускало военное вмѣшательство Италии лишь после того, как Совет Общества Наций решит, что подобное вмешательство необходимо. Для того, чтобы устранить это ограничение, фашистское правительство заключило 1-го декабря 1926 г. особый с шатким правительством Ахмеда Зогу договор, в силу котораго военная интервенция Италии может иметь место вне всякого международного контроля по приглашению албанского правительства и для поддержки внутреннего политического режима. Этот договор превращает Албанию в итальянскую колонию и является «серьезным нарушением договора Общества Наций».

Югославянские социалисты требуют немедленного созыва Совета Лиги Наций для рассмотрения албанского вопроса; аннулирования всех договоров, ограничивающих независимость Албании, в особенности договоров 1921 и 1926 г.г., анкеты Лиги Наций относительно

военных приготовлений Югославии на албанской границе, в Албании и в Италии, полной гарантии внутренней самостоятельности Албании.

Наконец, для того, чтобы балканский полуостров не был ареной вражды маленьких балканских государств и иностранных аппетитов, Социалистический Интернационал должен поддержать борьбу балканских социалистических партий за создание федерации свободных балканских народов.

Югославянский делегат особенно горячо настаивал на необходимости поддержать лозунг «Балканы — балканским народам», — указывая на то, что национальное чувство и чувство балканской солидарности по отношению к внешнему миру чрезвычайно сильны на Балканах.

— При одной мысли о том, что итальянские солдаты могут захватить Албанию и появиться на Балканах, нами овладевает возмущение и я сам готов пойти драться с винтовкой в руках за независимость Балкан, за балканскую федерацию.

Один из изданных Секретариатом докладов показывает, что в настоящих условиях все классы населения Югославии желают мира и что, в частности, военные сербские круги являются противниками войны хотя бы уже по той причине, что Югославия к ней не подготовлена и что требуется по крайней мере 10 лет пока она будет готова.

В последовавших затем дебатах, бельгийский делегат указал на формальные трудности, которые встретит требование аннулирования договора Лигой Наций. Он напоминает о международном договоре 25-го апреля 1915 г., по которому Италия должна была получить Валлону и прилегающую к этой гавани территорию и протекторат над центральной Албанией.

Модильяни от имени итальянских социалистов указал на необходимость разоблачить политику шантажа, которую ведет Муссолини по отношению к Лиге Наий.

— Нельзя, — заявил он далее, — делать различие между международными преступлениеми фашизма и внутренней их подготовкой. Итальянскому фашистскому правительству, отрицающему свободу и демократию, необходимо дать почувствовать, что к нему не может быть заграницей такого отношения, как к регулярному законному правительству.

Германский делегат Отто Вельс указал на то, что мир на Балканах зависит, главным образом, от политики Англии.

Он предупредил, однако, (как и голландец Флиген) против раздувания опасности войны. При этом он сделал следующее любопытное заявление:

— Перед 1914 годом мы так много писали об опасности, которую представляет для мира и цивилизации царское самодержавие, что когда началась европейская война, германские рабочие в первые месяцы восприяли ее, как оборонительную войну против русского

империализма и попали в фарватер своего отечественнаго шовинизма. Как бы то же не случилось теперь по отношению к фашизму и как бы с другими секциями Интернационала не вышло того же, что с нами.

В. В. Сухомлин указал в своей речи на те пути, какими итальянский империализм пытается проложить себе дорогу на Балканы. При внимательном изучении положения на балканском полуострове не трудно заметить, что английская дипломатия поддерживает, а иногда и подталкивает агентов Муссолини. Консервативное правительство Англии пользуется фашистской Италией как своим орудием. Да без помощи Англии Муссолини и не мог бы вести никакой экспансионной политики, ни «мирного проникновения», ни военной оккупации по той простой причине, что у Муссолини нет денег. Итальянская индустрия сейчас переживает кризис из-за острой нехватки в деньгах. Ведутся переговоры о займах. До войны в Италии работали, главным образом, германские капиталы. Теперь их пытаются доставать в Англии и при помощи Англии — в Америке.

Характерно, что в тех балканских государствах, которые политически объединяются вокруг Италии, Англия заняла уже серьезные хозяйственные позиции.

Те балканские деятели (политические партии, банковские дельцы, банды и т. д.), которые раньше служили германскому и австрийскому императорам, теперь стали итальянскими или английскими агентами.

Спрашивается, захочет ли действительно английское консервативное правительство финансировать военные операции Италии на Балканах?

Английская рабочая партия должна установить в Парламенте ответственность британского правительства с не меньшей решительностью, чем здесь изобличается ответственность Муссолини. Мы должны вынести пожелание, чтобы она возможно скорее внесла запрос об опасной для мира политике лондонского кабинета на Балканах.

В. В. Сухомлин предложил, кроме того, чтобы итальянские и югославянские социалисты выпустили совместно особое воззвание к трудящимся обеих стран.

Соукуп от чехословацкой с.-д. партии думает, что Англия, занятая китайскими делами, не допустит теперь, чтобы дело дошло до войны на Балканах.

— Наш манифест должен провозгласить принцип: — Балканы — балканцам.

Ван Розбрук (Бельгия), думает, что Англия держит Муссолини на привязи и время от времени натравливает его то против Турции, то против Абиссинии, то против Югославии. До сих пор, как только он начинал зарываться, она его одергивала. Возможно, что так будет и теперь.

Во всяком случае необходимо оказать давление на английское и

на другие правительства, чтобы они передали конфликт на рассмотрение Лиги Наций.

Югославянский делегат Попович разъясняет, что его партия является сторонницей полной независимости Албании. Она против учреждения над ней протектората Лиги Наций, которая должна лишь гарантировать ея независимость и помочь ей наладить администрацию и финансы. Попович принимает предложение итало-югославянской манифестации и предлагает приурочить ее к съезду транспортников, который соберется скоро в Люблянах, куда желателен приезд итальянского делегата.

После речей Гримма, Реноделя, Удегеста, Адлера и Мержета — была выбрана комиссия для выработки резолюции. Проект резолюции, предложенный Реноделем, был принят с небольшими поправками единогласно.

Вот ее текст:

«Бюро двух Интернационалов: Международной Федерации Профсоюзов и Социалистического Рабочего Интернационала, на общем заседании, Париж, 3-го апреля 1927 г.,

«Считая, что последствия англо-франко-итало-японского договора 1921 г. и Тиранского договора 1926 г. угражают войной на Балканах и в Европе

«Поручают всем своим организациям и секциям, в особенности же наиболее непосредственно заинтересованным вследствие политики их правительств в итало-албано-югославянском конфликте, требовать со всей энергией:

«1. Применения стр. 11 Договора о Лиге Наций, который предусматривает созыв Совета Лиги Наций в случае войны или угрозы войной.

2. Опубликования тех обвинений, которые Италия предъявила Югославии.

3. Перенесения всего спора в Лигу Наций, что дает ему характер гласного разбирательства и устранит опасности тайной дипломатии.

4. Лига Наций должна будет произвести анкету (на месте) или, ознакомившись с данными, собранными каким либо иным расследованием, сделать путем гласного обсуждения необходимые выводы из установленных ею фактов.

5. В частности, она должна будет сделать все, что окажется необходимым для подтверждения прав Албании на самоопределение и на ее свободу от всяких протекторатов — югославянского или итальянского, даже под контролем Лиги Наций.

6. Лига Нций должна принять меры к тому, чтобы помешать новому ухудшению и осложнению конфликта.

Для того, чтобы достигнуть этих целей, Бюро М. Ф. П. С. и Р. С. И. предлагают всем рабочим партиям требовать в Парламентах, что-

бы правительства высказались за созыв Совета Лиги Наций для обсуждения итало-югославянского вопроса.

Они предлагают всем социалистическим партиям и всем организациям рабочего класса развить широкую пропаганду и агитацию для того, чтобы воздействовать на общественное мнение и указать на необходимость во что бы то ни стало добиться ослабления тайной дипломатии и политики враждебных союзов, путем гласной деятельности Общества Наций».

***

После краткого обмена мнений о положении в Китае, была принята следующая резолюцюция:

«Бюро М. Ф. П. С. и Р. С И. констатируют серьезный оборот, принятый событиями в Китае.

«В Нанкине и Шанхае произошли кровавые инциденты.

«Много китайских граждан погибло при бомбардировке Нанкина иностранными судами. Меры, принятые в Шанхае для охраны концессий, грозят вызвать конфликт между кантонскими и иностранными войсками, а проект блокады Янг Тсе может привести к новым осложнениям.

«Все эти события делают необходимым протест рабочего класса.

«Бюро М. Ф. П. С. и Р. С. И. заявляют, что организованный пролетариат всего мира солидарен с китайским народом в его борьбе за уничтожение феодального режима, за национальное объединение на демократической основе и за завоевание политической, таможенной, финансовой и социальной независимости Китая от «договорных» государств (имеющих концессии).

«Они предлагают профсоюзам и социалистическим партиям усилить агитацию за:

а) упразднение экстерриторриальных привиллегий;

б) отказ от концессий;

в) отзыв войск и военных кораблей, посланных для защиты этих несправедливых привиллегий.

«Для предупреждения всякого расширения войны необходимо немедленно начать переговоры на основе признания прав Китая на национальную независимость. М. Ф. П. С. и Р. С. И. призывают трудящихся всех стран противиться войне с Китаем. Они призывают социалистические партии продолжать вести в Парламентах борьбу с империалистической политикой правительств и голосовать против кредитов на военные операции в Китае».

По предложению Модильяни, была принята следующая резолюция о фашизме:

«М. Ф. П. С. и Р. С. И. обращают внимание мирового общественного мнения на усилия итальянского фашистского правительства, направленные на саботаж всяких международных соглашений и в частности на ослабление и ограничение независимости Лиги Наций и Международного Бюро Труда. Собрание указывает, в частности, на попытку поставить итальянских граждан, служащих Лиги Наций и Бюро Труда, в необходимость выбора между их обязанностями по отношению к этим международным организациям и подчинением произволу итальянского правительства под угрозой наказания.

«оКнференция получила, кроме того, подтверждение известия, что фашистское правительство Италии обратилось к великим державам с некоторым «вето», объявив, что будет рассматривать как враждебный акт всякое предложение передачи в Лигу Наций решения итало-славянского конфликта.

«Эта нота является явным посягательством на свободу действий Лиги Наций.

«Организации и Партии обоих Интернационалов должны заклеймить эти поступки, которые являются следствием уничтожения в Италии всех свобод и серьезно угрожают миру».

***

Бюро Р. С. И. выработало затем текст первомайского воззвания.

Затем обсуждался вопрос о создании, согласно постановления Исполкома, комиссии, которая займется изучением положения политических заключенных в различных странах, в том числе и в советской России. Были выбраны 2 товарища, которые займутся подготовительной работой и собиранием материалов. Комиссия в составе 15-18 членов, будет образована позднее, из лиц, которые будут указаны партиями.

В. В. Сухомлин.

ДЕЛА ЭМИГРАНТСКИЕ

ПРАЖСКИЙ «ЗЕМГОР» И ЕГО ОППОЗИЦИЯ

Время от времени в эмигрантской общественности происходят явления, чрезвычайно любопытные для характеристики тех или иных политических группировок русского зарубежья. К ним принадлежит и периодически подымающаяся травля пражского Земгора. За последний месяц эта травля возобновилась с необычайным рвением и с тем же трогательным единодушием, что и в прошлом году: от Милюкова и Гессена, до Струве и Ксюнина протянулся этот своеобразный фронт, не брезгающий при своих атаках никаким оружием; в ход пущены и «общественные жесты» и газетные передовицы, дешевое благородство гражданского негодования и совсем неблагородная «доносительная информация». И сейчас даже у этой об,единенной армии появились два-три пособника-добровольца из совершенно неожиданных рядов.

Пражский Земгор всегда являлся бельмом на глазу правой и так называемой «демократической» эмиграции.

Основанный эс-эрами, в течение шести лет своего существования, благодаря крупной материальной поддержке Чехословацкой Республики и неустанной работе своих руководителей, Земгор сумел развить огромную деятельность по удовлетворению материальных и культурных нужд русского беженства. Достаточно вспомнить различные отделы этой работы, чтобы убедиться в ее размахе и значении: помощь денежная, вещевая, юридическая, трудовая, медицинская, переселение беженцев, помощь оканчивающим студентам, защита интересов русских беженцев в международных организациях, устройство артелей, мастерских, столовых и пр. и пр. Мало того, Земгор создал и довел до высокой степени развития ряд учреждений, значение которых переросло узкие пределы беженской акции и которые даже и после отъезда русской эмиграции останутся совершенно исключительным памятником ее пребывания, быть может, не

только в Чехословакии, но и во всей Европе. Таковы образцовые санатории для туберкулезных («здравница») на 60 кроватей, Народная Библиотека Земгора, насчитывающая почти 40 тысяч томов, Русский Заграничный Исторический Архив, богатейшее собрание исторических материалов и документов, Институт Изучения России с его научно исследовательскими кабинетами, Народный Университет, Русская реальная гимназия с почти 400 воспитанниками, Автомобильно-тракторная школа, Высшее Училище техников путей сообщения и т. д.

Правая и так называемая «демократическая» часть эмиграции никак не могла примириться с тем, что всю эту огромную положительную работу проделали, по преимуществу, эсеры и левое казачество и что они сумели занять в Земгоре руководящее положение. Из *политических* целей, из желания «сбросить» ненавистных эсеров, против Земгора в Праге велась отчаянная борьба. Неизменно указывалось, что Земгор *партийное* учреждение, что земгоровские эсеры проводят *партийную* линию, причем по этому поводу рассказывались сущие небылицы. Любопытно, что в *политике*, в *партийности* упрекали руководителей Земгора те, кто критиковал Земгор не с *деловой* точки зрения, а всегда обнаруживал в подходе к нему именно политический, мы сказали бы, узко-групповой или партийный характер.

Земгор (Объединение Земских и Городских деятелей в Чехословацкой Республике) — организация обще-демократическая. В него входят бывшие земские и городские деятели и лица с известным общественным стажем, а также представители казачьих групп. Таким образом, личный состав Земгора определяется не *политическими взглядами* его членов, а их общественным положением. И, во всяком лучае, говорить о каком то специальном подборе, как то полагает передовик «Руля», негодующий на случайность «эсеровского засилья» — совершенно не приходится.

Есть и еще один весьма важный момент, о котором не любят вспоминать враги и критики Земгора. В эмиграции имеется большое количество общественных организаций, часть которых располагает значительными средствами. Ни одна из них, однако, не выносит своей деятельности на постоянный суд общественности. А именно это производит Земгор. Его общие собрания, в которых обсуждается план его деятельности, разбираются и утверждаются сметы и финансовые отчеты, избираются исполнительные органы — публичны. На них могут придти все, кто того пожелает, — у Земгора нет никакой тайной политики, вся его работа открыта и доступна общественной критике. Публичность работы Земгора и полная доступность контроля ее об-

щественным мнением, позволяет его деятелям считать обвинения в партийности исключительно *политических ходом,* ибо никогда и никто не мог и не может опровергнуть того обстоятельства, что Земгор всегда обслуживал интересы *всей* беженской массы, независимо от ее политических убеждений. Ни один из обвинителей не мог бы привести ни одного факта, доказывающего будто во имя чисто партийных соображений и выгод руководителями Земгора приносили в жертву интересы того дела культурной и материальной помощи русским беженцам, которым они служили долгие годы. Наоборот, слишком часто именно эта демократическая работа заставляла руководителей Земгора отходить от чисто политической деятельности и, следовательно, во имя обще-демократического «земгоровского» дела, жертвовать чисто партийными интересами.

Но «обвинителей», повторяем, выводили из себя не дела, творимые эсеровско-казачьим блоком, а самый факт того, что это эсеры и «левые казаки». В определенные моменты «оппозиция» смягчала эту борьбу, порою поддерживала нынешних руководителей Земгора и даже принимала участие в Комитете. И только в самое недавнее время, в апреле с. г., объединившись от беспартийных и правых до Маслова, Аргунова, Харламова и др., «республикано-демократов», оппозиция сочла нужным выйти из состава объединения на последнем общем собрании и вызвать этим целый общественный скандал в эмигранском Пошехоньи.

Чем объясняется этот шаг? Оппозиция благополучно пребывала и в Земгоре, и в руководящих его органах (Ревизионная Комиссия, Комитет и т. д.) в течение пяти лет, когда работа Земгора шла полным ходом, когда финансовые возможности его были широки, а деятельность многообразна. Очевидно она тогда предпочитала критиковать *изнутри,* потому что ей это было *выгоднее* во всех отношениях. И поэтому можно было примириться со всеми земгоровскими грехами, включая сюда и «партийность». Но с апреля 1927 года грехи эти неожиданно стали совершенно нестерпимыми для оппозиции. В чем же причина такого странного повышения чувствительности? Не в том ли, что в связи с сокращением русской акции в Чехословакии, а, следовательно, и сужением круга деятельности Земгора, у оппозиции появилась надежда стать единственными наследниками Земгора, преемниками его «власти» и распорядителями его средств?

Факты дают совершенно ясную картину и того, *что* произошло и того, *почему* это произошло.

Как это видно из прилагаемых материалов, эсеро-казачий блок был согласен ввести представителей оппозиции в комитет, расширить базу самого объединения путем включения в него

новых деятелей, и, вообще, шел на всяческие уступки, при помощи которых можно было бы избежать конфликта. Однако, надо полагать, оппозиция, в лице Маслова, Аргунова, Харламова, Богданова и др. пришла с готовым решением. Она потребовала коренного преобразования Земгора с тем, чтобы в Комитете эсеры отказались от своего большинства. Принятие проекта оппозиции приводило к фактическому превращению Земгора в своеобразный эмигрантский комитет, состав которого совершенно не соответствовал бы фактическому соотношению сил внутри самого объединения. Ведь, в сущности, эсеро-казачьему блоку, во имя яко-бы «демократичности», предлагалось прежде всего отказаться от применения демократического принципа «большинства» и «меньшинства». Мы полагаем, что и сама оппозиция не верила в осуществимость своего проекта. И когда он был отвергнут, она заявила о своем выходе из объединения. В сущности, ничего иного ей и не оставалось сделать: ведь ставка ее была крупная — превратиться из меньшинства в большинство или, по крайней мере, получить права большинства. И прав был член объединения Рожков, сам участвовавший в оппозиции, указывая на нелогичность и двойственность ее поведения. — «Странное создается положение, — сказал он, — было, время, когда оппозиция настаивала на своем представительстве в Комитете, ей было в этом большинством отказано. Теперь большинство предлагает ей войти в Комитет — меньшинство отказывается».

Ушедшие 10 членов Объединения приводят в качестве мотива своего решения, что большинство отказалось от «расширения базы», от принятия принципа коалиционности и пр. Но эти мотивы — «внешние». Истинные же причины их поступка весьма «внутреннего» свойства. Не приходится, поэтому, останавливаться на том пункте заявления оппозиции, в котором говорится о яко-бы отвергнутом ее предложении «платности трех членов Комитета с обращением освободившихся от такой экономии средств на нужды беженцев». Это попросту демагогия, и к тому же весьма дурного тона, для «галерки», так сказать. Ведь оппозиция прекрасно знала, что никаких средств «на нужды беженцев» от принятия ее предложения не получится по одной простой причине: ибо предложение это *фактически* осуществлено, жалование *как члены Комитета* получают лишь трое из его состава и, следовательно, по смете Комитета никаких сокращений «на пользу беженцев» получиться не может. Знала она и то, что в прошлом составе Комитета было даже такое положение, при котором заместитель председателя, начиная с декабря месяца, т. е. момента сокращения сметы, не получал *никакого* содержания от Земгора.

Но демагогия служит лишь прикрытием и оправданием для

действий, истинные пружины которых стараются быть скрыты от непосвященных.

А пружины, двигавшие пражскую оппозицию, — политические, партийные, но отнюдь не «деловые».

Оппозиция сочла момент весьма благоприятным для атаки Земгора в лоб: сокращение ассигнований, трудное прохождение вопроса о помощи русским в Совете Министров Чехословацкой Республики, слухи о том, что и в левом секторе Земгора появились охотники до «новых комбинаций» и пр. До этого шла артиллерийская подготовка: кампания в печати, чтобы очернить Земгор.

Уже с лета прошлого года в Праге в определенных общественных кругах, с благословения Парижа и при поддержке Белграда, идет работа по созданию некоего центра (кадеты, республикано-демократы всех цветов радуги и пр.), который взял бы в свои руки руководство всеми общественными русскими делами. Этот зародыш будущего эмигрантского комитета и вел борьбу против Земгора. И задача оппозиции была ясная: — *превратить Земгор в Эмигрантский Комитет*. Если же это не удастся — выйти из Земгора и *противопоставить* ему Эмигрантский Комитет. Это совершенно ясная и открытая борьба, в которой известные группы хотят получить привилегии на монопольное ведение эмигрантских дел и тем взять в свои руки русское беженство. Об этом надо сказать прямо и открыто, тем более, что слишком часто эмигрантская общественность не видит истинного лика тех, кто выступает под маской «поборников истинного демократизма».

Будет ли создан в Праге Эмигрантский Комитет в составе представителей правых групп, кадетов и республикано-демократов, мало интересует нас, ибо, рано или поздно, неизбежен крах этой искусственной и вредной затеи.

Но любопытно, что пражская оппозиция нашла энергичную поддержку в Париже и в Белграде и что газетная кампания против Земгора разлилась широким потоком.

Нас не удивила ни позиция органа Николая Николаевича, ни «Руля». Для них Земгор — повод обрушиться на ненавистных эсеров. И Струве снова говорит о «врагах национальной России», а Гессен — в который раз! — служит панихиду по партии с.-р. и видит уже (ведь «желание — отец мысли») ее исчезновение с политической сцены к вящему облегчению российской буржуазии.

Но позиция г. Милюкова, вероятно, смутила некоторых его друзей. В «Последних Новостях» в совершенно недопустимой форме, весь конфликт в пражском Земгоре был объяснен весьма просто: эсеры держатся за тепленькие места и не хотят усту-

пить из соображений денежного характера. Это весьма «материалистическое» толкование, отнюдь не делающее чести его автору, сопровождалось еще и совершенно произвольными и частью подтасованными цыфрами, с целью показать, что эсеры захватили в свои руки не только власть, но и платные должности.

Мы считаем постыдными и жалкими такого рода приемы политической полемики. Нужно, поистине, мало уважать самого себя, чтобы искать аргументом против своих противников в исследовании содержимого их кошельков. Но приходится преодолеть внутреннюю брезгливость и все же сообщить несколько данных, которые дадут возможность всякому оценить по достоинству позицию «благородного бессребренника», в которую встал г. Милюков.

Г. Милюкову прекрасно известно (во всяком случае, лучше, чем г. Гессену), что вся русская акция в Чехословакии содержится на средства этого государства и этой материальной помощью в равной мере пользуются *все* общественные организации, там находящиеся, в том числе и близкие г. Милюкову. «Теплых местечек» и пр. нет, а есть ряд должностей и стипендий, причем, если уж надобно считаться, то на поверку выходит, что *политические друзья и соратники г. Милюкова,* равно, как и круги, близкие к Земгоровской оппозиции, занимают в Праге не малое количество разных должностей.

Приведем, кстати, таблицу распределения должностей в Земгоре и его учреждениях между эсерами, а также сведения о партийном составе Объединения. Эти цыфры опровергают всякие клеветнические измышления и толкования лучше, нежели какая бы то ни было полемика:

Члены Объединения:

К 1-му апреля 1927 года в составе Объединения состояло 74 члена Объединения. Из них всего было:

		Служило по Земгору	Не служило по Земгору.
С-ров	32	15	17
Казаков	19	11	8
Группа «Крестьянская Россия»	3	2	1
Иных групп и безпартийных	20	7	13

В составе группы казаков было:

Донцов	8
Кубанцев	5
Терцев	6

В группе так называемой оппозиции состояло 4 донца, которые и вышли из Объединения.

Служащие:

	На 1-ое января 1927 г			На 1-ое апреля 1927 г		
	С.-р.	Не с.-р.	Всего	С.-р.	Не с.-р.	Всего
По Комитету	7	30	37	5	17	22
По библиотеке	3	7	10	3	6	9
По Авто-тракт. школе	0	12	12	0	12	12
По высш. Уч. Техн. Путей Сообщ.	0	4	4	0	4	4
По Здравнице	0	15	15	0	13	13
По Институту Изучения Росси	10	10	20	4	4	8
По Эконом. Кабинету	0	5	5	0	5	5
По Гимназии и Пансионам	2	59	61	2	59	61
По Архиву	2	20	22	2	17	19
	24	162	186	16	137	153

Не хочется говорить и о том, что для ряда лиц из эсеровской среды, работа в Земгоре, на платных должностях (плата эта, кстати, никогда не превышает обычного в Праге прожиточного минимума) сопряжена с *ущербом для их материальных интересов* и является жертвой общественного характера. При таких условиях выпады и намеки передовика «Последних Новостей» приобретают особливо недостойный характер.

Неприличие этого выступления усугубляется еще и тем, что «Последние Новости» взывают к «партии с.-р.», запрашивая ее мнение относительно «событий» в пражском Земгоре и указывают, что даже среди самих эсеров нашлись праведники, поддержавшие оппозицию. Смеем уверить г. Милюкова, что мотивы персонального выступления упоминаемых им двух или трех лиц весьма далеки от мотивов оппозиции . Было бы гораздно предусмотрительнее, если бы «Последние Новости» не спешили бы с выражением симпатий отдельным лицам из эсеровской среды — разумеется, если эта поспешность не продиктована какими либо хитроумными тактическими выкладками.

Что же касается партии, к которой взывает стоящий на страже эсеровской репутации вождь заграничных республиканодемократов, — то она не имеет и не может иметь никакого отношения к внутренним спорам не партийной, а обще-демократической организации, тем более, что никакого идеологического характера эти споры не носят, и потому попытки «Последних Новостей» *вызвать* партийное выступление никакого результата иметь не могут. Впрочем, цель и смысл этих попыток вполне ясны.

Как бы то ни было, одно очевидно: республиканские демократы под руководством Аргунова, Харламова и Маслова, и с благословения Милюкова, стремятся «выбить» эсеров из их об-

щественных позиций. Если вспомнить при этом, что р.-д. всегда подчеркивают свою волю к объединению и ведут теоретические разговоры о необходимости коалиции с социалистами, то их действия приобретают особенный интерес. Впрочем, они, вероятно, считают, что в политике наилучшая тактика «проповедовать воду и пить вино».

Особое место в борьбе против пражского Земгора занимает Белград, где идет ожесточенная и глухая травля представительства Земгора в Югославии в целом, и главное представительства Ф. Е. Махина, в частности.

Главными бойцами выступают здесь г.г. Маслов, Аргунов и Ксюнин.

Не так давно г. Маслов протестовал в «Последних Новостях» против проекта объединения культурных учреждений Земгора в некое единое целое. Проект этот был составлен В. Черновым Оставляя в стороне самую идею создания из культурных учреждений Земгора какого нибудь «комплекса», надобно добавить, что формы, предложенные В. Черновым, вызвали скорее отрицательное, чем положительное отношение среди большинства деятелей пражского Земгора. Ни в коей мере Земгор за проект В. Чернова не ответственен, а сам В. Чернов членом Объединения не состоит и никакого участия в руководстве Земгором не принимает. Все это было отлично известно г. Маслову, но это не помешало ему провести знак равенства между В. Черновым и пражским Земгором и за грехи одного упрекать другого.

Той же тактики придерживается двойник г. Маслова, поместивший в белградской газетке «Россия» статейку («Письмо из Праги») — «Левые эсеры и их аппетиты», в которой изобличает «белградских друзей В. Чернова» в составлении (по примеру Праги) «проектов собирания русских беженских культурных учреждений под флагом левых эсеров и тоже без всякой русской общественности».

Надо отметить, что автор, а, может быть, и редакция «России», памятуя о законе о печати и неизбежности суда, воздержались от какого бы то ни было упоминания имен не только лиц, но и представительства Земгора в Югославии. Единственное имя, ими упоминаемое, — это имя все того же В. Чернова, который, кстати сказать, абсолютно никакого отношения к работе белградского представительства не имеет и ни в какой мере к нему не причастен.

Эта корреспонденция, нарочито смешивающая социалистов-революционеров с «левыми эс-рами» (для невоявленных демократов все средства хороши, в том числе и полицейско-клеветнические) и рассчитывающая таким путем вызвать у «осведо-

мляемых» смешение эсеров с бывшими союзниками большевиков, заключала в себе и прямое обращение к осведомляемым:

«Благо их (социалистов-революционеров) одни не раскусили, другие не знают их истории, третьи добровольно за них предстательствую». . .

и выражала надежду, что теперь чехи и сербы «прислушаются к голосу подлинной русской общественности».

Конечно, «подлинная русская общественность» в данном случае, в лице белградской «России», чувствовала себя не совсем уверенно. Она понимала, что и местное русское общество и югославянское общественное мнение отлично знают всех ее представителей. Эта «подлинная общественность», предводительствуемая бывшим нововременцем Ксюниным, включает в себя некоторое количество лично порядочных людей, отходящих от черносотенного лагеря, но политически она весьма двусмысленна.

Чувствуя шаткость своего положения, редакция «России» решила ловким ходом устроить против белградского Земгора «общий фронт», и в этих целях снабдила корреспонденцию пражского клеветника следующим редакционным примечанием:

«По сведениям, полученным редакцией, подобный же проект сочинен эс-ерами и для Белграда. Здесь они, не прикрываясь никаким «славянским» фиговым листком, предлагают ликвидировать Державную Комиссию, Всероссийский Земский Союз, Всероссийский Союз Городов, Союз Русских Писателей и Русский Красный Крест, советуют запретить эмиграции заниматься политикой и вообще передать всех русских в мастерские левых эс-еров».

Эта бесстенчивая ложь должна была объединить в общем сопротивлении подобным «проектам» усилия всей «подлинной общественности», начиная от Палеолога (из Державной Комиссии) Штрандманна (из Русского Красного Креста) и через Земский Союз и Союз Городов до Ксюнина и Жукова (из Союза Писателей, «Россия» то-ж). Рассчет оказался неверен. Абсурдность лжи — «советуют запретить эмиграции заниматься политикой» и т. п. — не могла не броситься в глаза. В белградский Земгор явилось множество посетителей, выражавших негодование по поводу клеветы. У клеветников затребовали доказательств и затребовали, как ряд членов самого «национального объединения», так и кое какие из приглашавшихся в общий фронт учреждений. Сначала о существовании этого «документа» было заявлено на собрании комитета «национально-прогрессивно-демократического объединения», затем о нем говорилось по городу. Под «документом» стояли, по уверениям клеветников, подписи руководителей белградского Земгора. Затем о «документе» ни-

чего не стало слышно. Так «документа» никто и не видел.

Это не помешало двойнику Ксюнина, В. Парфенову, написать, а редакции «Последних Новостей» напечатать, что этот «анонимный документ» существует и приклеить к нему еще один — «пасквиль на ротаторе», яко бы составленный В. Лебедевым и полковником Махиным.

Приходится лишь пожалеть о плохой осведомленности рьяных осведомителей!

Белградское представительство Земгора решило пролить полный свет на ведущуюся против Земгора кампанию. Конечно, не белградская кампания анонимной лжи и не несуществующие «документы» продиктовали ему это решение. Некоторые русские группировки на Балканах и не такую еще «кампанию» вели против русской демократии. И не такие еще «документы» «цитировались» в подтверждение лжи. Но в белградской «России» главными сотрудниками были также г.г. Аргунов и Маслов, Юренев и Астров. «Россия» их именами пыталась навести на свое неприглядное лицо демократические румяна. Этими именами «Россия» козыряла. Она их вывозила из Праги, их представляла местному русскому и сербскому обществу, как своих друзей, единомышленников и руководителей.

А, кроме того, основная клевета — корреспонденция из Праги, — написанная двойником Маслова, была лишь составной частью пропаганды, ведущейся в «Последних Новостях» и в «Руле». Вот почему белградское представительство обратилось в Комитет пражского Земгора с просьбой поставить в порядок дня общего собрания членов пражского объединения вопрос о клеветнической кампании, ведущейся газеткой, *ближайшими сотрудниками которой являются некоторые из членов пражского объединения.*

Читатель прочтет в отделе материалов резолюцию общего собрания о белградском представительстве, отдающую должное его работе и тем самым осуждающую пражских единомышленников «России». Их выход из состава пражского объединения лишает их белградских друзей возможности ссылаться на «авторитет» своих пражских «вождей». Кстати будет упомянуть о заявлении не принадлежащей к большинству объединения Земгора Е. Д. Кусковой, сообщившей, что она вынуждена была прекратить свое сотрудничество в «Последних Новостях», не разделяя в корне методов полемики этой газеты по отношению к белградскому представительству Земгора.

Кампания против Земгора, проводимая в Белграде, Праге и Париже по единому и согласованному плану, кончится, конечно, полной неудачей и не прибавит славы эмигрантским стратегам из правого и республикано-демократического лагеря. Но не

типично ли, что именно те, кто так громко говорит о «созидательной, положительной работе», кто упрекает социалистов в «беспочвенной критике», сами не находят ничего лучшего, как вести подкопы против учреждений, выполняющих широкие общественно полезные финкции. Плохую службу русским беженцам оказывают враги пражского Земгора, творя свое вредное дело политиканства, партийной злобы и разрушения...

Б. Аратов.

МАТЕРИАЛЫ

1.

Заслушав доклад Комитета и обменявшись мнениями об общем положении Объединения в 1927 году в связи с изменившимися условиями его работы, Общее Собрание постановляет:

1. Признать желательным расширение состава Объединения путем пополнения его новыми членами, могущими быть полезными к развитию и укреплению его деятельности.

2. Признать желательным образование при Комитете комиссии для разработки вопросов по переселению, культурно-просветительной деятельности и оказанию правовой помощи беженцам с участием в этих комиссиях членов всех существующих в Объединении группировок и с приглашением специалистов.

3. Признать желательным построение будущего Комитета на началах участия в нем не только представителей групп, в настоящее время в нем представленных, но и так называемой «оппозиции», при условии соглашения на общем плане работы, подлежащем детальной разработке и утверждению путем переговоров.

4. По вопросу о деятельности Белградского Представительства признать, что деятельность эта объективно и правильно освещена в письменных и устных докладах Ревизионной Комиссии, установивших аполитичный характер работы и большую полезность Представительства для русских беженцев в Королевстве С.Х.С.

5. В соответствии с постановлениями предыдущих Общих Собраний и пожеланиями Ревизионной Комиссии поручить Комитету разработать проект о преобразовании Представительства в коллегиальное и о привлечении к работе Представительства местных общественных сил.

6. Организовать согласительную комиссию из представителей различных общественных течений внутри Объединения для конкретной подготовки расширения состава Объединения и составления списка кандидатов в Члены Объединения.

Подписали: **Гуревич, Постников, Николаев.**

2.

Мы, нижеподписавшиеся члены Земгора, формулировали сегодня Общему Собранию наше предложение о реорганизации Земгора и работы его на началах:

а) широкого привлечения в состав Земгора русских (демократических) общественных деятелей в Ч.С.Р. и устранения таким образом нынешнего односторонняго партийного состава его;

б) организации Комитета Земгора по принципу коалиции из представителей входящих в состав Земгора общественных группировок, без односторонне партийного большинства в нем, (а именно: три — от фракции эсеров, два — от демократической группы, по одному от двух казачьих групп и два от других группировок;

в) сокращения до минимума несоответствующего объему и потребностям дела нынешнего платного служебного аппарата Земгора и обращения освобождающихся таким образом средств по их прямому назначению — на нужды русской эмиграции.

В виду того, что правящее ныне в Земгоре большинство эти наши предложения по существу отклонило, чем обрекло Земгор и впредь на положение односторонне партийной организации, каковой Земгор по существу не должен быть, — мы не считаем для себя возможным дольше оставаться в составе Земгора, нести ответственность за его деятельность, и слагаем с себя звание членов этой организации.

1927 года, апреля 4 дня, г. Прага.

А. Аргунов, Н. Богданов, В. Васильев, В. Евреинов, Н. Ипатьев, Ф. Колесов, В. Харламов.

3.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ПОВОДУ ВЫХОДА 10 ЧЛЕНОВ ИЗ СОСТАВА ОБЪЕДИНЕНИЯ

Заслушав сообщение 10 членов Объединения об их выходе из состава Земгора, шестое Годичное Собрание выражает по этому поводу глубокое сожаление, что мотивы этого поступка не имеют ничего общего с действительным положением вещей. Единственная в Чехословакии общественная организация, обслуживающая нужды русских беженцев, Земгор, по уставу своему и по существу своих задач не может быть организацией политической. Предъявление, поэтому, к ея членам требований о «коалиционном» Комитете, о равенстве фракций и т. д. означало бы внесение в деятельность Земгора таких начал, которые совершенно недопустимы для деловой безпартийной организации. Внесение подобного рода политических тенденций особенно пагубно могло бы отразиться на работе Земгора в настоящий тяжелый для эмиграции момент, когда лишь пол-

ное единение и общая деловая работа лиц всех направлений на почве удовлетворения многообразных нужд беженства могло бы внести ослабление теперешних и грядущих несчастий.

Нельзя к прискорбию не отметить, что заявление об уходе из Объединения последовало как раз после того, как Общим Собранием Земгора было принято постановление о создании согласительной комиссии по вопросу о расширении общественной базы Земгора и о выработке плана работы, согласованного с пожеланиями существующих в Объединении группировок.

Е. Д. Прокопович-Кускова. С. Прокопович.

4.

Заслушав сообщение 7 членов Объединения об их выходе из состава Земгора, шестое Годичное Собрание выражает по этому поводу тем более глубокое сожаление, что мотивы этого поступка не имеют ничего общего с действительным положением вещей. Единственная в Чехословакии общественная организация, обслуживающая нужды русских беженцев, Земгор, по уставу своему и по существу своих задач не может быть организацией политической. Так это и было фактически. Ревизионная комиссия, в состав которой всегда входили представители ушедшей группы (в 1926 г. — в числе двух представителей группы), как в этом году, так и в предыдущие годы **не дали ни одного указания на характер партийно-группового ведения работ Комитетом.** Нельзя, поэтому, не усмотреть в уходе 7 членов Объединения каких то скрытых политических причин — отголоска чисто политической борьбы между эмигрантскими группами. Внесение подобного рода политических тенденций особенно пагубно могло бы отразиться на работе Земгора в настоящий тяжелый для эмиграции момент, когда лишь полное единение и общая деловая работа всех направлений на почве удовлетворения многообразных нужд беженства могло бы внести ослабление теперешних и грядущих несчастий.

Нельзя к прискорбию не отметить, что заявление об уходе из Объединения последовало как раз после того, как Общим Собранием Земгора было принято постановление о создании согласительной комиссии по вопросу о расширении общественной базы Земгора и о выработке плана работы, согласованного с пожеланиями существующих в Объединении группировок.

С. Прокопович, Е. Д. Прокопович-Кускова, М. Полосин, В. Краснов.

СЛАВЯНСКИЙ ОБЗОР

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЧЕХИИ

Между 20-м и 27-м марта в Праге была организована неделя чешской книги, в течение которой можно было посещать интересную выставку в салоне Топича и целый ряд докладов, организованных отдельными книгоиздательствами и клубом издателей «Кмен». К этому же времени подоспели споры об новом цензурном законе, преследующем порнографию, так что газетам было о чем писать. Многие из них, как, например, «Лидове Новины, дали по несколько особых приложений, посвященных чешской книге, кризису, который она переживает, и средствам оздоровления книжного рынка. В Чехии, как и в России, заметно большое пристрастие к переводам, причем, с одной стороны, переводятся произведения мировых писателей, с другой, и главным образом, ходкий товар с оттенком фривольности, причем привлекательность для публики увеличивается при помощи иллюстрированной обложки, которую никакие увещевания не могут стереть с чешской книги. В этом отношении не безинтересно для всех славян, особенно же для русских, статья Гейденрейха о «Кризисе славянской книги у нас», т. е. в Чехии, появившаяся в уже упомянутых «Лидовых Новинах». Приведем отрывок из статьи, в которой дана всеобъемлющая историческая характеристика отношений чехов к славянской книге, отношений, зиждящихся на славянофильстве и борьбе за независимость. Гейденрейх пишет:

«Жгучее сознание славянского родства было одним из наиболее сильных рычагов, приводивших в движение наше национальное возрождение с самого начала 19-го столетия. В руках наших будителей славянская книга была одним из наиболее действенных орудий славянской взаимности. Уже Антонин Пухмайер, воспламененный научным славянофильством Добровского, в самом начале столетия призывал современников к «восточным полям» русской и польской литературы, стремясь этим путем уравновесить нивеллирующее и, по его мнению, вредное влияние европейского запада. Романтический

культ народной песни познакомил нас, кроме русских былин, украинских дум и польских краковяков, также, главным образом, с сербскими произведениями и лирическими песнями. Ими питались в 30-х и 40-х годах прошлого столетия почти все наши поэты, писавшие «на манер», не исключая и рукописных подделок Ганки. После неудавшегося польского восстания 1831 года, польская эмиграция пробуждает у нашего молодого поколения необычайный интерес к польской литературе, молодые чешские поэты и писатели усердно учатся польскому языку, читают великих польских романтиков, составляют себе целые польские библиотеки, которые, однако, оказываются скоро сложенными в ящиках на чердаках (об этом говорится в «Воспоминаниях» I. В. Фрича). Старшее поколение, то, что было с Юнгманом, остается верным русской литературе. Таким образом в тридцатых годах обе главные славянские литературы представлены у нас количественно весьма почетно и даже за счет западно-европейских литератур.

«В это же самое время Коллар формулировал свое требование литературной взаимности между «народами языка славянского», — как это видно с чешской точки зрения, он не хотел ничего необыкновенного и говорил лишь в духе своего времени. Сороковые годы приносят повышенный интерес к югославянским литературам, о чем свидетельствуют все большее и большее количество переводов, появляющихся в журналах. Но одновременно увеличивается такте количество переводов с французского и, особенно, английского языка, — это явление возрастает неудержимо. Так, например, в пятидесятых годах, в журнале «Лумир», издаваемом Миновуем, мы можем найти одинаковое количество переводов с английского и русского языков. Польское восстание 1863 г. снова привлекло внимание группы Май к польской литературе, с конца шестидесятых годов (особенно, после так называемого московского паломничества) непрерывно укрепляется интерес к русской литературе.

В это же время Запад составляет весьма сильную конкурренцию русской литературе. Стремясь поднять уровень родной литературы, группа Лумир сознательно обращается к романскому и германскому миру, так что значение пропагандистов славянской поэзии (Ф. Квапил и его друзья) отступает на задний план.

Новым подкреплением для защиты позиций, оказавшихся в опасности, явился русский реалистический роман.. С шестидесятых годов благодаря Тургеневу, он идет победоносно по всей Европе и в следующем десятилетии становится полноправным у нас. В 1888 г. русская литература добилась в Чехии самой большой победы: была основана серия переводов с русского под названием «Русская Библиотека», оставшаяся на протяжении многих лет единственным издательским предприятием этого рода. Лишь десять лет спустя была основана английская библиотека, но она не могла быть даже сравнена с первой. При этом, однако, необходимо осознать одно весьма

важное условие: в любви к русскому реалистическому роману не играло уже роли лишь его славянское происхождение. Достоевский победил Масарика, точно так же, как он побеждал в Германии или во Франции. Русский реализм не является достоянием одного славянства, он принадлежит мировой литературе. Таким образом его популярность в Чехии нельзя приписывать лишь симпатиям к русской литературе, они должны быть поставлены на второй план, хотя и в этом случае не следует их недооценивать».

Пропускаем здесь ту часть статьи, которая касается конца 19-го столетия и развития польских переводов и переходим к 20-му веку.

«В начале 20-го столетия, до мировой войны, славянская литературная взаимность питается еще прежними соками. Русофильство проникает уже в более широкие круги. Польская литература, — за исключением Сенкевича и еще нескольких избранных, — отодвинута на второй план, быть может, из антипатии к полякам, с которыми были недоразумения в венском парламенте. С югославянскими литературами вообще не приходилось считаться. Сербские, хорватские или словинские книги в оригинале почти никто не читал, книжных переводов мало и при том в большинстве случаев они слабы. Интересно отметить, что в то самое время, когда чуть ли ни каждый у нас пел «Шуми, Марица, окровавлена», средний интеллигент знал о болгарской литературе приблизительно столько же, сколько и о турецкой. Быть может, все это исправила бы балканская война, но после ее окончания не оказалось свободного времени для спокойного литературного творчества.

Благодаря мировой войне, славянские отношения совершенно изменилось, особенно новое значение и характер приобрела литературная славянская взаимность. Старое царское русофильство, которое до войны было одной из действенных пружин читательского интереса к русской литературе, потеряло, благодаря революции, всякий смысл. Нужно было несколько лет для того, чтобы новая ориентация к советской России хоть более или менее привилась у читающей публики. До сих пор есть много людей, которые геройски отвергают новые произведения молодой русской литературы, — для них 1917 год, по все вероятности, будет уже до самой смерти символом конца русской литературы. Однако, наряду с этой публикой, в противовес до-военной эпохе, тысячи и тысячи легионеров, которые вывезли из России практическое знание русского языка, могли бы быть, а, до известной степени, и являются проповедниками и апостолами русской книги. Однако, мы можем наблюдать симптоматическое явление, а именно: интерес к русской книге за последние года сильно падает. «Литературная Газета» («Литературны Новины») указывает, что в 1925 г. из 752 книг, переведенных за целый год на чешский язык, было лишь 100 русских, при 249 французских и 220 английских.

«Вполне понятно, что соотношение с остальными славянскими языками еще более разительно... Потом не приходится удивляться,

что из всех славянских литератур (кроме русской) было переведено, например, в 1925 году лишь на двенадцать книг больше, чем из итальянской, испанской, португальской и румынской литератур вместе. (49 на 37)».

Мы позволим себе закончить все эти выписки еще одной цитатой, в которой автор дает цифровые данные и выражает свое сожаление по поводу перевеса внимания к романским и германским литературам над славянскими. «Все это является печальными недостатками славняской литературной взаимности, невольно даже приходит мысль, что она вообще не существует. Рассмотрим: во всем переводном материале, судя по статистике 1925 года (более поздняя еще не составлена), лишь одна пятая,, да при том еще не полная (19,8 процентов) принадлежит славянским литературам, четыре пятых заняты без всякой поддержки кровного родства остальными литературами, особенно французской и английской. Дело обстоит не лучше с действительным чтением. Судя по довольно поверхностной статистике, в двух высших классах брненского реального училища, из 80 учеников читали из русской литературы Толстого 33, Тургенева 25, Гоголя и Пушкина 18, Достоевского и Чехова 10, Аверченко 2, Арцыбашева 1, из польской литературы Сенкевича 53, Мицкевича и Красинского 2, Оржешко и Реймонда 1, из словацкой литературы, как обязательное чтение, 2 читало Калинчака и Куничака, один прочел Ваянского. Здесь кончаются все их познания славянских литератур, не считая Чарской. (30). Те же ученики дали довольно обширный перечень прочитанных французских (Дюма 60, В. Гюго 48, Золя 31, Мопассан 23 и т. д.) и английских книг. Все это лишь маленький пример того, как у нас обстоит в большинстве случаев дело с чтением».

К статье Генденрейха не безполезно будет добавить результаты анкеты, препринятой журналом «Культурни Спроводай». Его редактор задал вопрос: кого из мировых авторов вы бы избрали в число пятидесяти бессмертных, произведения которых войдут в особую библиотеку? — На первом месте стоял Достоевский, на втором Шекспир, на третьем Толстой, на четвертом Бальзак, на пятом Гете, на шестом Гюго, Мережковский, Тургенев и т. д. Как видно, очарование русской литературой, далеко еще не исчезло в Чехии, тем более, что в ней, как и в России, были и есть до наших дней группы славянофилов, вернее, русофилов, и западников, которые поочередно берут верх в различных поколениях. Полагаю, что нам не пришлось бы слышать все хжалоб Гейденрейха, если бы русофильская, славянофильская группа меньше предавалась чувству и больше бы изучала Славянство и Россию во всех их проявлениях, тогда бы не было горьких разочарований при соприкосновении с действительностью, которая влечет за собой упадок интереса. Президент Масарик уже много лет повторяет в своих книгах эту столь необходимую истину.

В заключение мне хочется упомянуть и о переводах с чешского

на русский язык.До войны переводились с чешского исключительно научные книги и в самом минимальном количестве. После войны прекратилось и это. На упомянутой выставке был I том Воспоминаний президента Масарика, изданный по русски в Праге. (Изд. Орбис — Пламя). И больше ничего. Нам известно, что в России за 1926 год вышли из чешской беллетристики «Приключения солдата Швейка» — Хашка, «Английские письма» — Чапка. Обе эти вещи переведены не с чешского, а с немецкого перевода. Перевод Хашка удручающ. Если даже отбосить все славянофильские обоснования, то остается только удивляться, что среди тысяч переводов с различных языков, выходящих по русски, мы не находим действительно художественных чешских вещей, завоевавших себе европейскую известность. Все это тем более непонятно, что среди современных чешских выдающихся писателей есть коммунисты (например, И. Ольбрахт) или считающиеся коммунистами, как В. Ванчура. Очевидно, полное незнание Чехии и чешского языка продолжает процветать как в России, так и среди эмигрантов, которые, однако, имели для его изучения много благоприятных возможностей.

Н. П.

ЧЕШСКАЯ И СЛОВАЦКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ 1914 — 1925 г.г.

составил К. Некласил. Изд. Славянск. Библиотека Мин. Ин. Дел, Прага, 1926 г.

Найти точную и полную библиографию по какому бы то ни было предмету было всегда чрезвычайно трудно, а потому научная работа, в особенности для начинающего ученого, сводилась часто на-половину, к розыску необходимых книг, статей и материалов. Во время и после войны этот вопрос осложнился еще более из-за приостановки некоторых уже начавшихся библиографических изданий. И из-за закрытия библиографических журналов. Лишь в последние года, мало по малу, мы начинаем возвращаться к науке к более спокойному состоянию, не требующему отзыва на события, происходящие вокруг нас. Однако, пока мы видим лишь первые признаки этого успокоения, одним из которых и притом очень верным является вышедший недавно в Праге сборник «Чешской и Словацкой библиографии от 1914 до 1925 г.», т. е. за период от начала войны через создание чешско-словацкой независимости и до наших дней. Этот не малый труд заслуживает всяческой похвалы и поощрения, так как материал, им даваемый, может служить не только непосредственно для научной работы, но одновременно дает нам довольно интересную картину славянских симпатий и интересов

чешского и словацкого народа и той участи, которой были подвергнуты эти сампатии во время войны.

Размер сборника 121 стр. точной библиографии + X'I стр. предисловия большого формата. На этом, сревнительно небольшом, пространстве помещены переводы со славянских языков на чешский и словацкий, а также книги, касающиеся славянского вопроса на упомянутых языках за данный период времени, кроме того есть еще именной указатель, который облегчает работу над произведениями одного определенного лица. Сборник отмечает лишь книжные издания, но не включает отдельный статейный материал (предисловия, статьи и сборник статей включены), разбросанный по журналам. В предисловии составитель обещает следующие издания посвятить именно библиографии статей, чем оказал бы действительно неоценимую услугу научным работникам. Правда, некоторые журналы печатают обзор своих статей за каждый год, иногда и за пять лет, но все это весьма не систематично. Правда и то, что например «Часопис Гисторицкы» (Исторический журнал) в Праге давал библиографию научных статей, появившиеся во всех журналах, но война и здесь внесла дезорганизацию, так что за военный и послевоенный период приходится полагаться на счастливый случай.

Для читателя не специалиста интереснее, чем чисто библиографическая и научная сторона книги, будут те общественные выводы, которые можно сделать из имеющегося материала. Весь период объятый чешской и словацкой библиографией, можно разделить на две части· первая от 1914 до 1918 г., т. е. эпоха войны и политических преследований чешского народа, и другая от достижения независимости Чехословацким народом, т. е. от 1919 г. до 1925 г. В течение первой половины из занесенных в обзор книг было издано всего 304 номера, при чем 122 падает на русскую литературу; во второй 1338, из которых 587 номеров составляют переводы с русского языка, причем, конечно, огромное большинство, 503, являются беллетристикой, и лишь остальное касается науки и искусства. По этим цифрам можно видеть если и не влияние России на Чехословацкую литературу и искусство, то, по крайней мере, тот огромный интерес, который имеется в Чехословакии к России.

Своеобразный отдел, которого мы не найдем ни в одной иной, даже славянской библиографии, составляет литература о чешских легионах в России и о их эпопеи в Сибири. На эту тему было всего написано 157 книг и брошюр.

Вся библиография составлена по десятичной системе, по которой теперь составлены все библиографические обзоры и каталоги в России и которая прививается весьма успешно и в Чехословакии.

Н. Мельникова-Папоушкова.

Среди книг и журналов

НОВОЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ГОНКУРОВСКАЯ ПРЕМИЯ. — РУССКИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. — СЮРРЕАЛИСТЫ И АРАГОН. — СПОР О ПОЭЗИИ. — РОМАНЫ О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ. — РОМАНЫ ПУТЕШЕСТВИЙ. — АНТОЛОГИИ И ВОСПОМИНАНИЯ.

Несмотря на финансовый кризис, французские издательства не сокращают своего производства. Я уже не говорю об художественных издательствах, число которых с каждым днем растет. Одного Поля Валери обслуживает, по крайней мере, десяток издателей. Казалось бы, книжная горячка, достигнувшая апогея к выдаче Гонкуровской премии, должна была бы затем упасть, но откройте любой номер «Французской Библиографии», и вы увидите, что всякий день приносит десятка два-три новых книг.

Увы! количество их значительно превышает качество. Хороших книг как всегда, мало, и слава Богу! — нет ничего хуже тех печальных эпох, когда все начинают писать хорошо.

Говорить о плохих книгах не стоило бы, если бы в этом году Гонкуровская Академия не выдала своей премии одному из скучнейших романов, появившихся за последнее время. С упорством, достойным лучшей участи, академики, уже в который раз, увенчивают лаврами немолодого и неталантливого писателя. Заветы основателя Гонкура давно забыты (да и читали-ли их десять академиков?), никто не помнит, что он требовал от премируемых произведений смелости, оригинальности, новизны. Вместо этого установилось ходячее мнение, что Гонкуровская Академия создана для поддержки и поощрения продолжателей и эпи-

гонов натурализма. Как бы возмутился Гонкур, если бы узнал, что в 1927 году премия выдана книге , которая и в его время показалась бы устаревшей. Что-что, а элемент новизны, оригинальности и смелости совершенно отсутствует в романе *Деберли* «Мучения Федры». 1). Это история молодой жены старого мужа, которая влюбляется в своего пасынка и в угоду ему начинает курить, научается танцовать фокстротт и даже стрижет свои волосы. Безразличный к ее жертвам, пасынок Марк влюбляется в пожилую кокетку, госпожу Алискан. Новоиспеченная Федра. Елена делает все от нее зависящее, чтоб поссорить счастливых любовников и успевает в своем предприятии. Марк в отчаянии и пытается застрелиться. В сердце Елены женская страсть сменяется материнской нежностью.

Сюжет этот, который ничем не хуже и не лучше других сюжетов, изложен на четырехстах страницах убористого текста. Автор анализирует сердца своих героев с тщательностью студента первого курса медицинского факультета. Он ничего не оставляет на долю читательского воображения, а известно, что « le plus sûr moyen d'être ennuyeux, c'est tout dire.. » Деберли говорит все в хронологическом порядке. Не обладая творческим воображением, которое одной незначительной деталью умеет нарисовать сложнейшее душевное состояние и показать в раккурсе психологическую коллизию, Деберли, вооружившись лупой, изучает своих человечков и тотчас, отойдя на несколько шагов и приняв объективный, безразличный вид, пытается убедить нас, что лупа его, на самом деле, телескоп. Но это не удается. Мы умеем отличить живую жизнь от искусственной, для этого достаточно вспомнить хоть одну строчку из «Федры» настоящей.

Книги, которые я сейчас хочу отметить, достойней Гонкуровской премии, нежели тяжеловесный роман Деберли. Не все, конечно. Но за исключением макулатуры, вроде «Жизни» *Фонтельруа* 2), или последнего сборника рассказов *Колетт Ивер* 3), французские новинки ничем не хуже, а часто и лучше романа лауреата Гонкуровской Академии. Даже у Колетт Ивер, книга которой является ярким образчиком писательского ремесла, сочетающегося с полной беспомощностью и отсутствием вкуса, есть один неплохой рассказ, интересный для нас русских: в нем сталкиваются «бывшие люди» — русские князья - эмигранты (отец живет в богадельне, дочь служит в ресторане, сын—шоффер) и их квартирохозяева французы, обнищавшие, но тщательно скрывающие свою нищету от людей своего круга. В рассказе этом много верно-

---

1) *Henri Deberly*. Les Supplices de Phèdre. N. R. F.

2) *Jacques Fontelroye*. La Vie. Calmann Lévy.

3) *Colette Yver*. Aujourd'hui. Calmann Lévy.

го, если не с художественной, то, по крайней мере, с бытовой точки зрения.

Говоря о русских в изображении французов, нельзя не упомянуть о «Вратах Спасителя» *Этьена Бюрнэ* [1]). Роман этот наделал много шуму, и по заслугам. Бюрнэ, выпустивший два года тому назад роман об эмигрантах: «Вдали от Икон», хорошо знаком с русской действительностью. Многие обвиняли его в большевицких тенденциях, не сомневаюсь, что большевики, в свою очередь, усмотрели в его произведениях белогвардейские стремления. Дело в том, что Брюнэ объективен в своих выводах (объективен, а не прав), а в наши дни, об'ективность считается пороком: кто не с нами, тот против нас! Он описывает не зверей и не ангелов, а людей, большевицкую Москву и различных представителей ее населения: «бывших людей», интеллигентов, — историка искусства и скульпторшу; спеца-инженера, работающего с коммунистами, и наконец, и самых большевиков, — докторшу и прокурора Гомельского. Получается впечатление, что Бюрнэ попытался отразить в своем романе все мнения, все течения. Отсюда политическая об'ективность, отсюда-же художественные недостатки. Вместо романа получается галлерея типов более или менее интересно зарисованных. Поставим в заслугу автору отсутствие мелких ошибок, которые делают невыносимым для нас чтение почти всех иностранных произведений о России. Русские слова, которые он приводит правильно записаны и переведены, имена действующих лиц вполне совпадают со святцами.

Нельзя сказать того-же о героине нового романа *Жува* «Пустынный Мир» [2]). Автор наградил ее весьма «славянским» именем *Балладины* Николаевны. Этим не исчерпывается влияние русских писателей на Жува. Недаром и реклама, сопровождающая «Пустынный Мир», гласит: «Элемент фантастики и греха, согласно слову Достоевского, окружает трех героев». «Слово Достоевского» понято Жувом весьма оригинально. В поисках необычайной фантастики и еще большей развращенности, он сделал из своего героя нерешительного педераста. Что касается Баладины Николаевны, ее образ мышления не менее русский, чем ее имя. Среди гор, окружающих Женевское озеро, — фантастический пейзаж — разыгрывается драма, более эффектная, нежели удобопонятная, под перекрестным влиянием Пруста, Фрейда и превратно понятого Достоевского. Предыдущая книга Жува «Полина, 1880» была проще и лучше написана. Страстная и мистически-настроенная итальянка Полина нам ближе и понятнее загадочной Балади-

---

1) *Etienne Burnet.* La Porte du Sauveur. Rieder.
2) *Pierre-Jean Jouve.* Le Monde Desert NRF. Его же Paulina 1880. NRF.

ны. Впрочем, надо было-бы узнать по этому поводу мнение итальянцев.

В только что вышедшем романе молодого сюрреалиста *Ренэ Кревеля* [1]) можно уммотреть некоторую сюжетную близость с «Пустынным Миром». Герой «Трудной Смерти» Пьер Дюмон пренебрегает любовью подруги детства Дианы ради юного американского музыканта Артура Брэгля. Диана напрасно старается спасти его. Однажды Пьер застает Артура танцующим с молодым апашем, и в отчаянии кончает с собой. В изложении роман кажется неправдоподобным. На самом деле, он вполне убедителем. Извращенная любовь, сюжет, долгое время не проникавший на страницы книг, проник или вернее вновь проник туда, главным образом благодаря Прусту, и пользуется большой популярностью, особливо во Франции. Кревель сумел его очеловечить и лишить какого бы то ни было привкуса порнографии. Книга его не выдумана, как роман Жува, она написана от всего сердца. Несколько портят ее черезчур модные влияния: тот-же Фрейд и только что упомянутый Пруст. Лет через десять значительная часть книги может показаться устарелой, как устарели, в другом плане, например, — юношеские произведения Гюго. Слишком тяжелая наследственность героев: отец Дианы самоубийца, отец Пьера сидит в сумасшедшем доме, также является модной, но только кажущейся новизной, в сущности — это всего-на-всего возврат к Золя. Главное достоинство Кревеля это умение создавать живые лица и противопоставлять их одно другому. В этом отношении начало «Трудной Смерти» — разговор двух дам, матерей Пьера и Дианы, является подлинной удачей. Кревель достиг двойной цели: нарисовать двух женщин, из которых каждая является типом, и в то-же время, в разговор их, формой и направлением характеризующий говорящих, ввести все сведения, необходимые для того, чтобы читатель приступил к самому роману. Кревель сделал большой шаг вперед по сравнению со своей первой книгой: «Мое тело и я», то, что там было хорошего, сгустилось и оформилось, а плохое, наносное, отпало.

Сюрреалисты начинают испытывать участь почти всех литературных группировок, об'единяющих молодых писателей. Те, что поталантливей, через два-три года расстаются со своими товарищами, воспользовавшись ими, как трамплином. Самые бездарные остаются до конца верны теориям, которых не поддерживают более живые примеры. Филипп Супо ушел от сюрреалистов. Нам думается теперь очередь за Кревелем. Что касается Луи Арагона, трудно предсказать что нибудь об этом талантливейшем человеке. Впрочем, что бы осталось от сюрреализма по уходе Арагона?

---

[1]) *René Crevel.* La Mort difficile. Kra. — Его же Mon Corps et Moi. Kra.

Последняя книга *Арагона* «Парижский Крестьянин» [1]) попытка создать мифологию большого города. Заданье сложное и интересное. Автор прошел мимо него. Миры никогда не творятся по аналогии. Они должны рождаться нелепо и непроизвольно. Недостаточно превращать витрины магазинов в аквариумы, а парки в девственные леса. Подобные сравнения даются слишком легко. Настоящие творцы миров, Блок или Верхари, не находят соответствия, а открывают неизвестное. Попытка Арагона описать город не как дело рук человеческих, а как равноправную частицу мира, природы, не удалась ему. Он обратился к мифу, чтоб избежать реальности. Но законченный миф — новая реальность. И испугавшись повторного плена, Арагон отрекается от своей недоделанной вселенной и разрушает ее, не досоздав. Его парижский крестьянин, не дитя природы и не ему открыть то чудесное, тайное и неповторимое, что отличает Париж от какого-нибудь Арденнского леса и вообще город от гор или от океана.

Книга стихов *Элюара* [2]), товарища Арагона по сюрреализму, нам русским мало понятна. Не потому, что автор ее — сюрреалист. Но французское восприятие поэзии настолько разнится от нашего, что мы, читая стихи любого французского поэта XX-го века, испытываем, в лучшем случае, чисто умственное наслаждение. Остроумно, находчиво, трогательно, сильно, что угодно, но поэзия здесь не ночевала. Мы гораздо легче воспринимаем немецкие или английские стихи, нежели французские. Очень-ли нам чуждо силлабическое стихосложение или, верней, мы плохо воспринимаем vers libre? Бодлэр еще доходит до нашего восприятия, но Аполлинэр нет (и здесь дело не в качестве). И, наконец, то,что нам совершенно недоступно, это концепция Поэзии— Разума, поэзни, которая обращается к уму, а не к чувству. По этому поводу недавно разгорелся жесточайший спор. Аббат *Анри Бремон*, при своем вступлении в Академию произнес речь о чистой поэзии, которая вышла отдельным изданием. [3]). Автор доказывает, что в стихах есть элемент, не подлежащий контролю логики, нечто неуловимое и таинственное, что и определяет качество стихотворения и может быть приравнено только к молитве. Параллель между поэзией и молитвой Бремон проводит во второй книге, [4]), посвященной этому вопросу. Утверждения его, которые кажутся неоспоримыми, особенно, когда автор не забирается в дебри мистического опыта (теологическая точка зрения в поэзии также произвольна, как точка зрения социолога), вызвали во французских литературных кругах

---

[1]) *Louis Aragon.* Le Paysan de Paris. NRF.
[2]) *Paul Eluard.* Capitale de la douleur. NRF.
[3]) *Henri Brémond.* La Poésie Pure. Grasset.
[4]) *Henri Brémond.* Prière et Poésie. Grasset.

небывалую бурю. Нет ни одного мало-мальски значительного критика или теоретика литературы, который бы не высказал своего мнения по этому поводу. Главным противником Бремона выступил мастистый критик Поль Судэ, тип французского рационалиста, который заранее несогласен со всем, что бы ни было сказано лицом духовного звания.

Прежде чем вернуться к прозе, отметим сборники стихов *Андрэ Сальмона* [1]), знаменитого критика, борца героической эпохи современного французского искусства соратника тех, кто стоит теперь во главе мировой живописи. На наш русский вкус в них черезчур много остроты и хотя мы чувствуем в них любезную нам чувствительность, отсутствие *голоса* (тот-же недостаток, что у Элюара) оставляет нас почти холодными.

Кстати, несколько слов о том, кто вместе с Сальмоном, Пикассо, Браком, Сандраром, содействовал созданию современной живописной и литературной эстетики. Гийом Аполлинэр, почти неизвестен в России, [2]), но во Франции его влияние — личное и художественное — было решающим между 1907 и 1915 гг. *Апполинэр* — автор книг о живописи, стихов, рассказов и романов. Назовем «Ересиарха и Ко», «Сидящую Женщину», Убитого Поэта», а из сборников стихов — «Алкоголь». Издательство Сток недавно выпустило книгу неизданных заметок и статей Апполинэра. [3]). Мы находим в ней все достоинства этого писателя: лаконичный слог, сюжетную изобретательность, искусство выбирать детали. Аполлинэр — промежуточное звено между Мопассаном и современными расказчиками вроде Поля Морана. Роль его в этом отношении недооценена. Но книги его имеют и более самостоятельное значение. Новый сборник Аполлинэра лишний раз убеждает нас, что в XX-м веке один Честертон может сравниться с ним в выдумывании необычайных персонажей, необыкновенных похождений и небывалых ремесл.

Насколько аполлинэровская фантастика радует и убеждает, настолько неприятно действует элемент психологической фантастики (его правильнее было бы назвать произволом или предвзятостью), часто встречающийся в произведениях молодых французских авторов. Я не говорю, разумеется, о *Жане Жироду*, который совершенно сознательно порвал с вековой традицией психологического романа, заменив ее словесной и сюжетной эквивилибристикой, оказывающейся иногда ничуть не менее правильной и жизненной, нежели психология, но всегда возбуждающей вопрос: а зачем это написано? Последняя повесть Жироду

---

[1]) *André Salmon.* Crèances. NRF. Vénus dans la Balance. Ed. des Quatre Chemins.

[2]) *Guillaume Apollinaire.* Anecdotiques. Stock.

[3]) Один рассказ Аполлинера был переведен в «В. Р.» в 1925-5.

«Первое исчезновение Жерома Бардини», [1]), посвященная французскому буржуа, которому так надоедает его семейная жизнь, да и он сам, что он пытается убежать, уйти от всех, измениться внешне и внутренне, несколько напоминает роман Пиранделло «Покойный Маттео Паскаль». «Жером Бардини» не принадлежит к лучшим произведениям Жиродуːв нем нет той алогической убедительности, которая так радует хотя-бы в «Белле».

Но мы отвлеклись от темы. Мы говорим о произведениях, где в каждом эпизоде чувствуется рука автора, заставляющая персонажей совершать необ'яснымые и остающееся необ'ясненными поступки. В подобных книгах царит произвольная психология, действующие лица-марионетки тщетно стараются обмануть читателя подобием человеческих переживаний, эпизоды следуют один за другим без всякой внутренней связи, получается впечатление, что автор, написав главу, задается вопросом: а что-бы такое написать теперь? — одним словом, вместо хорошо налаженного аппарата фантазии, которая не стесняется ни логикой, ни правдоподобностью, перед нами с трудом работающая машина, зубчатые колеса которой вертятся в пустоте, не входя одно в другое. При чтении книг такого рода, начинаешь испытывать сначала глухое недовольство, потом раздражение, переходящее наконец в отчаяние. Атмосфера тяжелой, бессмысленной условности действует удручающе, отупляюще. Мы настолько привыкли к литературному обману, что мы верим всему, что нам рассказывают, и спорим только о качестве изложения, но на этот раз нам хочется возражать по существу. Уже лучше самая откровенная чепуха, нежели эта трудолюбивая пародия на жизнь. К таким книгам принадлежат, кроме «Пустынного Мира», о котором я уже говорил, романы *Дюкло* [2]) и, главным образом, *Беклера* [3]). Первый — безобидней. Это непритязательная история молодого человека, который, лишившись состояния, вдруг отправляется бродяжничать и так же без всякой причины возвращается к себе домой. Роман короткий и незначительный.

Зато при чтении книги Беклера испытываешь почти физическое мучение. Я не сторонник легко достающихся удовольствий в искусстве, но страдания, которые нам оно доставляет, должны носить печать необходимости. У Беклера — наоборот, царит произвол. Несколько персонажей — мертворожденных до отчаяния — случайно встречаются, о чем то говорят, что то вспоминают, что то совершают. О чем говорят, что вспоминают — достоверно не известно. Автор, быть может, понимает почему его герой возбуж-

---

Jean Giraudoux. Première Disparition de Jerôme Bardini. Kra.
[1]) *Henri Duclos.* Tenu par Espejo. Grasset.
[2]) *André Beucler.* Gueule d'Amour. NRF.

дает всеобщее обожание, почему случай так любезно сводит всех персонажей в том-же глухом городке, но читателю все это не ясно: у Беклера нет того дара жизненности, который заставляет принимать на веру все утверждения писателя.

Дар этот отличает книгу молодого романиста *Бернаре Барбэ* «Малядер» [1]). Малядер — название имения, куда герой-юноша увозит свою молодую жену, чтобы жить помещичьей жизнью. Он весь отдается сельско-хозяйственным занятиям. Ее тянет в город, к друзьям. Молодожены начинают выезжать, принимать. У них гостят друзья, присутствие которых способствует пробуждению, пока еще глухой, ревности. Разница вкусов, интересов, нелады, споры по мелочам, взаимное, часто нарочитое непонимание, желание поставить на своем, поступить наперекор, на-зло, неизбежная неудовлетворенность, полное отсутствие житейской мудрости, все эти вечные спутники юности приводят героев романа Барбэ к трагической развязке. В порыве беспредметной ревности, наскучив деревенским существованием, молодая женщина поджигает Маладер. Автор не утверждает этого, но дает это ясно понять. На этом роман кончается. Казалось бы, фабула не менее произвольна, чем у Беклера или Жува. Но, вопреки всем недоговоренностям и намекам, а, может быть, именно благодаря им, мы верим автору «Маладэр», верим всему, что он рассказывает. Нам приятна суховатость его психологического анализа, не столь подробного, сколь решающего (немного Стендаля и чуточку Радигэ); равно как и отсутствие ненужных нагромождений: лирических восклицаний, описаний природы и пр. Без всяких усилий и ухищрений Барбэ умеет описать подлинную боль и подлинное страдание, не в его чистом, отвлеченном виде, а так, как мы привыкли его наблюдать и чувствовать.

Удачным можно назвать последний роман *Пьера Боста,* [17]), несомненно, лучшее из его произведений. Это — мастерское повествование о жизни провинциального городка, куда приезжает молодой парижанин, приглашенный преподавателем в женский лицей. Вскоре у него завязывается роман с одной из учениц, тоже новоприбывшей в городок. Огюстэн Блон, — так зовут героя, — снимает комнату у родителей девушки. После долгих перепитий, рассказанных очень кратко, он соблазняет ее. Она уезжает на юг — рожать. Огюстэна заставляют на ней жениться. Кажется, он счастлив.

Бост с одинаковым мастерством, рисует нравы и характеры. Городок же, где протекает действие его романа, напоминае тот, где начал свою карьеру Жюльен Сорель, и всю бальзаковскую про-

---

1) *Bernard Barbey.* La Maladère. Grasset.
2) *Pierre Bost.* Crise de Croissance. NRF.

винцию. Единственно, в чем его можно упрекнуть, это в том, что он иногда вмешивается в события и своей авторской волей заставляет персонажей совершать неожиданные поступки. Это яснее всего чувствуется в самом начале книги, где Бост описывает посетителей провинциального кафэ приемами «унанимистов»: Ромэна, Аркоса, т. е. рассматривая всех собравшихся, как одно целое.

В следующих главах, более самостоятельных и менее произвольных, Бост краткими и точными фразами рисует трех персонажей (не говорю об эпизодических лицах) и сталкивает их в драматической коллизии. Писатель обладает необычайно тонким чувством меры, он всегда умеет сказать нужное, и только нужное. Его рассчетливость, скупость радует, но временами она начинает казаться скудостью, хочется, чтоб хотя-бы ценой ошибок, автор сделал свой роман более полнокровным. А то еще немного, и он превратится в какой-то экстракт, в точнейшую схему французского психологического романа. Если у Боста хватит голоса, из него может выработаться крупный писатель, зоркий, точный и острый. Все эти качества мы нашли в его новой книге и, если до сих пор Бост играет под сурдинку, это, уменьшая его значительность, нисколько не умаляет его достоинств.

Роман Боста интересен и с другой, нехудожественной точки зрения. В лице своего героя писатель попытался создать тип представителя молодого французского поколения «У Огюстэна, пишет он, был близнец: двадцатый век». У Огюстэна много близнецов. Все это юноши, не успевшие побывать на войне, но усвоившие, под ее влиянием, несколько упрощенный взгляд на вещи. Они жестоки, рассчетливы, принципиально эгоистичны, они верят в свои силы: физические, и занимаются спортом, и умственные, и занимаются делами. Все они раннего призыва, потому что им пришлось до срока пополнять кадры старших, разреженные войной. Отсюда самостоятельность, самоуверенность и привычка скептически относиться к событиям. Общее правило: политикой они совершенно не интересуются, предпочитая ей или спорт, или комморцию, уже упомянутые мной, или, наконец, искусство. Те из них, что более тупы, воображают, что они подражают американцам, более умные понимают, что в них нет и следа грубоватой наивности и младенческой способности всему удивляться их заатлантических сверстников, у которых, несмотря на то, что они начинают заниматься делами с пятилетнего возраста, никогда окончательно не обсыхает молоко на губах. Наивность их другого рода: они, быть может, черезчур уверены в себе, в своих товарищах, в своем веке. Романтикой и сентиментализмом они пренебрегают, заменив его фантастикой. Это они — последователи Фрейда и сторонники Эйнштейна. Чем они станут — неизвестно. Но, по всей вероятности, они откроют несколько прививок, побьют не-

сколько спортивных рекордов и установят пассажирское воздушное сообщение вокруг света. Несомненно, что они оставят хоть одну книгу о себе, которая займет принадлежащее ей по праву место между «Страданиями Юного Вертера» и «Черным и Красным».

Пока эта книга еще не написана. Роман Боста — набросок, не исчерпывающий вопроса, подобно новой книге *Кесселя* «Пленники» [1]), хотя автор и попытался описать «сверстника двадцатого века».

Его герой, крупный парижский делец, неожиданно заболевает чахоткой. Врач отправляет его в швейцарскую санаторию, где он проводит долгие месяцы среди товарищей по несчастью, таких-же «пленников», как он. Кессель хотел описать людей, которые во всем подобны прочим, с той только разницей, что чем-бы они ни занимались, о чем бы ни мечтали, призрак смерти витает над их головами. При чтении романа, мы не испытывали этого впечатления. Напоминание о смерти бесцветно и не ужасно. Она не присутствует в книге и не очищает ее своим дыханием. Поэтому любовные интриги, дружеские беседы и даже кончина некоторых персонажей лишены всякого величия. Быть может, Кессель перестарался: судьба одного чахоточного внушает сострадание, но целое общество больных оставляет относительно спокойным, тем более, что за отсутствием хотя-бы одного здорового человека, мы лишены возможности сравнивать и сожалеть; так, если бы в один прекрасный день все окружающие нас предметы и мы сами были увеличены в десять раз, мы-бы и не заметили перемены. Мне скажут, что предметом сравненья может служит сам читатель. Но для этого необходимо, чтобы писатель сумел дать иллюзию жизни и живых людей. Кессель-же дал сводку испытанных литературных приемов и клише не первой свежести. Его герой, обладающий всеми характерными чертами послевоенного француза, также похож на живого человека, как восковой Бриан, что красуется в паноптикуме музея Гревэн, похож на Министра Иностранных Дел Аристида Бриана.

В противоположность авторам, о которых мы только что говорили, два писателя стремятся увлечь нас вдаль от современной Франции. Один заставляет нас совершить путешествие во времени, другой — в пространстве. Вместе с Кассу мы переносимся в романтическую Вену начала прошлого века, с *Доржелесом* об'езжаем половину земного шара. «Уехать» [2]), последний роман Доржелеса, последнее из бесчисленных «приглашений в путешествие», которыми вот уже с пол-века соблазняют нас прозаики

---

[1]) *J. Kessel.* Les Captifs NRF.
2) *Roland Dorgèles.* Partir... Albin Michel.

и поэты, с легкой руки Бодлэра. Как уныло и скучно звучит приглашение Доржелеса. Любовь к экзотике, к странствиям, — одна из сильнейших и благороднейших страстей человечества, главным образом, белой расы. Досадно, когда страсть сводится к описанию страстишек на борту трансатлантического парохода. Доржелес и все его герои могли и не уезжать, это ровно ничего-бы не изменило. Читатель бы с легкостью обошелся без стереотипных описаний африканских и азиатских портов. Мы избалованы в этом отношении, мы читали повествования Гогэна и Стивенсона, Конрада и Киплинга. Что-же касается интриги, развертывающейся на пароходе, всех этих кровавых и чувствительных перепитий неумело построенного полицейского романа, то эти заимствования из старинных фильм в эпизодах, мало кого обрадуют; подобно тому, как кинематограф черпает в книгах все, что в них есть худшего, литература заимствует у Великого Немого его слабейшие стороны.

«Венские Гармонии» [1]) *Жана Кассу* — также попытка, не увенчавшаяся успехом. Несмотря на то, что персонажи романа — Шуберт, Диабелли, Шуман, и что атмосфера его навеяна Гофманом, книга, наполненная сентиментальной болтовней девицы, от чьего лица ведется рассказ, неувлекательна. Пред нами проходят смутные тени, которым автор пытается придать очарование. Вначале мы верим ему, и даже не ему, а сказкам Гофмана, Шумановскому «Карнавалу» и нашим собственным литературно-музыкальным воспоминаниям. Но вскоре впечатление это рассеивается, и читатель недоумевает, зачем написана эта книга, не носящая в себе оправдания, и забывает ее, не дочитав до конца. Розовая вода никогда еще никого не утоляла и, вопреки Кассу, мы продолжаем верить, что и сто лет тому назад на земле жили люди, а не тени и не марионетки. Поэтому столь странно читать утверждения некоторых французских критиков, уверяющих, что автор «Венских Гармоний» «восстановил в литературе царство фей».

Кстати, о феях. Недавно переиздан роман *Алэн-Фурнье* «Большой Мон», [2]), появившийся перед началом войны, и в России совсем неизвестный. У меня, к сожалению, нет достаточно места, чтоб поговорить об этой изумительной книге, книге о взрослых детях, книге для взрослых и детей. Этому роману суждено стать классическим, наравне с «Гулливером» и сказками Перро. Он исполнен такой душевной чистоты, такой любви к людям, такой простой и божественной фантазии, что ему предстоит сладкая участь вызывать смех и слезы у самых верных и благодарных читателей на земле: у детей.

---

1) *Jean Cassou.* Les Harmonies Viennoises. Emile-Paul.
2) *Alain-Fournier.* Le Grand Meaulnes. Emile-Paul.

Подвести итоги? Думаю, читатель сделает это лучше меня. Предпочитаю посоветовать ему прочесть три книги, о которых я еще не говорил: одна из них — антология современных французских прозаиков, две другие посвящены эпохе, предшествовавшей войне. *Антология* [1]) составлена далеко не полно: в не ймы не найдем ни Клоделя, ни Радигэ, ни Арагона, зато представлены писатели малоинтересные, вроде Рибемон-Дэссеня. Но главное в ней есть . И русский читатель, которому неохота или недосуг читать много книг, может быть, составит себе по отрывкам, приведенным в антологии и по критико-биографическим заметкам, предпосланным каждой главе, представление о таких величинах, как Пруст и Жув, Валери и Жироду. (Кстати, в том же издательстве вышла очень полная антология поэтов. [2]).

Две книги воспоминаний, с которых я упомянул, принадлежит одна *Франсису Карко,* другая крупному ученому и знатоку 15 века *Пьеру Шампиону.* Книга Шампиона посвящена Марселю Швобу, [3]), книги которого были в свое время переведены на русский. Шампион — близкий друг Швоба, дал, кроме биографии последнего, картину девяностых и девятисотых годов, в его книге встают как живые все те, с чьими именами связана история развития русского символизма.

Карко в книге «От Монмартра до Латинского Квартала» [4]), с небольшим перерывом, продолжает повествование Шампиона. Те, кто в первой книге начинали только карьеру, предстают здесь увенчанными славой. Карко описывает трудную молодость тех, кто сегодня заправляет судьбами французского искусства, перед нами проходят Пикассо, Утрильо, Модильяни, Аполлинэр, Сальмон, Мак-Орлан, Доржелес. В голосе Карко звучит иногда нотка дешевого волнения, но мало кому дано бесстрастно вспоминать свою молодость.

Влад. Декабрев.

Париж.

---

2) Anthologie de la Nouvelle Prose Française. Kra.
2) Anthologie de la Nouvelle Poésie Française. Kra.
3) *Pierre Champion.* Marcel Schwob et son temps. Grasset.
4) *Francis Carco.* De Montmartre au Quartier Latin. Albin Michel.

ОПРИЧНИК ИВАНА ГРОЗНОГО

ГЕНРИХ ШТАДЕН. «О МОСКВЕ ИВАНА ГРОЗНОГО».

Записки немца опричника. Изд. М. и С. Сабашниковых. Ленинград 1926.

Записки Г. Штадена о Москве, хранящиеся в Ганновере, печатаются ныне впервые Сабашниковыми в серии «Записок прошлого» — Воспоминания и письма под редакцией С. Бахрушина и М. Цявловского. Записки эти не только высоко ценный материал по истории Руси 16-го века, но и прекрасное художественное произведение, глубоко психологическое, страшно-реальное, — выходящее далеко за пределы «простого» источника по истории царствования Ивана Грозного.

Сын бюргера, «благочестивого, честного человека», скончавшегося «тихо в мире с бодрой уверенной улыбкой и радостным взором, обращенным ко всемогущему Богу», — Генрих Штаден с юношеских лет отличался буйностью характера, жестокостью и склонностью к авантюрам. Готовясь стать пастором, он 15-ти лет совершает уголовное преступление: ранит шилом одного из своих товарищей по школе. Ему приходится бежать из родного вестфальского городка в Лифляндию. Два года, — вначале в Любеке, потом в Риге, — Генрих работает на городских валах с тачкой в руках — дни и ночи, — потому что как раз в это время наступают на Лифляндию русские. «Здесь пришлось мне совсем горько», — вздыхает Генрих Штаден.

Ограбив «раздатчика марок» (и «снабдив себя марками»), Генрих бежит из Риги к «атаману Мюллеру», где «его так часто секут», что он и отсюда принужден бежать.

Но вскоре судьба, хоть и не надолго, улыбнулась Генриху. Он стал приказчиком одного крупного замка, несмотря на свои 17-ть лет. Через год он бежит из замка, становится купцом, но какие то люди «с подложными грамотами» отбирают у него все его добро. Нищим приходит он во двор графа Иоган Арцского. Через полгода графа в присутствии Генриха казнят за измену страшной казнью —

(он был «растерзан раскаленными клещами») — и Генрих «с одной только лошадью» пришел в Вольмар. Здесь он поступает в шайку Александра Полубенского, занимавшуюся набегами на дерптский округ. В ней он пребывает не долго. «Добыча делилась не поровну, а потому я и не хотел доплачивать из того, что получил раньше. Как-то они захватили меня в городе, бросили в тюрьму и грозили повесить».

Вскоре, «вдоволь насмотревшись на лифляндские порядки», Генрих покидает Лифляндию и, снова рискуя попасть на виселицу, уходит «на рубеж», в русскую землю. «Заткнув перо для письма за шнур шляпы и за пазуху сунув кусок чистой бумаги и чернильницу, Генрих Штаден приходит в Дерпт. Он пишет письмо с предложением своих услуг великому князю. [1]). Иван Грозный высылает за ним дворянина Аталыка Квашнина с восемью всадниками и последний встречает Генриха приветливо и жестами выказывает свое расположение:

— Великий князь даст тебе все, что ты ни попросишь.

Так начал Генрих Штаден, — землекоп, приказчик, купец, разбойник, — свою новую службу в опричнине Ивана Грозного. Двенадцать лет пробыл Штаден в Московии — и то, что он записал об этих годах, превосходит собою все ужасы недавней русской действительности.

В Москве в Посольском приказе дьяк Андрей Васильевич долго расспрашивал Генриха «о разных делах». «И все это тотчас же записывалось для великого князя». После этого Генриху выдали «память», на основании которой он мог получать каждый день «полтора ведра меда и 4 деньги» Тогда же ему выдали «шелковый кафтан, сукно на платье, а также золотой». После же того, как Генрих был представлен Ивану Грозному — в тот момент, когда последний шел из церкви в палату, — Генрих Штаден получил во владение село Тесмино [2]).

«Итак, я делал большую карьеру: (Да вар их ауф дер гохен Шууль): — великий князь знал меня, а я его».

Но hohe Schule Генриха — в течение долгих лет — выражалась в бесконечных и непомерных тяжбах с соседями, в ужасных насилиях над слугами, в грабежах — больших и малых — в жадном и жестоком увеличении своих богатств, земель и холопов.

Первая тяжба у Генриха, особенно жестокая, кончившаяся полной побѣдой его — была с Каспаром Эльферфельдом, ближайшим соседом и сородичем. Долго длился суд на Судном дворе, долго кле-

---

1) Генрих Штаден называет московскаго царя великим князем, потому что, несмотря на признание Константинопольского патриарха, многие европейские государи долгое время не признавали за Иваном Грозным царского титула.

2) Село Тесмино было ранее вотчиной князя Старицкого, двоюродного брата Ивана Грозного, умерщвленного в 1570 г.

ветали друг на друга двое почтенных земляков, пока Генрих, наконец, не крикнул: «Я хочу доказать, что у него в подклетях и под полом лежат мертвые тела». — «Тогда тот струсил, а судьи были очень довольны». Но трудно по настоящему выяснить у кого из них «под полом лежали мертвые тела» (между прочим, и тот и другой, как все немцы тех времен на Руси, занимались корчемством, торгуя вином, медом и ипвом), потому что после того, как судьи сказали: «Договаривайтесь друг с другом», между ними происходит такой разговор:

Генрих: — Любезный земляк! Я прошу вас дружески, возьмите у меня сколько вам угодно и оставайтесь моим приятелем и земляком...

Каспар: — А сколько же вы готовы дать?

Генрих: — Двести рублей.

Каспар: — Хорошо.

Генрих: — Однако, у меня нет сейчас таких денег.

Каспар: — Так напишите расписку, — я готов поверить вам на год».

Генрих написал ему расписку и «приветливо передал ее». «Он радовался, — записывает Генрих. — Да и я не печалился: он мечтал о том, как получит деньги, а я о том, как бы мне его задушить».

Вскоре Генрих был особенно приближен к Ивану Грозному и Каспар Эльферфельд, видя возвышеніе своего врага, поспѣшил вернуть ему эту расписку. Но...

«... Я сказал ему громким голосом: «Каспар Эльферфельд! Я порешил так-то и так-то убить тебя на площади у твоего двора близ Судного двора, когда темным вечером ты возвращаешься с опричного двора за то, что ты так не по-христиански со мной обошелся». — Этого тучного и богатого господина, обучавшегося юриспруденции, я ударил этими словами прямо по сердцу, да так здорово, что он оробел смертельно и, не говоря ни слова, поднялся и с большим срамом пошел в тюрьму».

Генрих несколько раз посещал Каспара в тюрьме. Каспар отдал Генриху все свое имуюество, все свои поместья, всех своих людей, — и даже свой тайный клад, зарытый в каменном подвале. Но Генрих был неумолим. Он мстил до конца. И когда, отдавая последнюю другоценность, Каспар говорит: «Любезный земляк, возьмите все это, продайте, а мне на пропитание в тюрьме дайте, сколько вам будет угодно», — Генрих отказывает. «И в этом я ему отказал», — просто говорит суровый Генрих.

Прошло несколько лет. Во время страшной чумы Каспар Эльферфельд умирает — и вот что говорит о его смерти его убийца, Генрих: — «Между тем Бог послал на него чуму: он умер и был зарыт во дворе. Тогда я просил одного из начальных бояр в опричнине, чтобы он разрешил мне вырыть тело и похоронить его в скле-

пе... — «Когда пройдет чума, — ответили мне, — тогда это можно сделать».

Вот каким неумолимым, мстительным, безпощадным — только после смерти прощающим — встает перед нами из этих записок — Генрих Штаден, опричник Ивана Грозного. Скупой, рассчётливый стяжатель, кулак-богач, одержимый страстью увеличивать свое «добро», он в течение нескольких лет скупает поместья, села, вотчины казненных Иваном Грозным бояр, отнимает у своих должников дома в Москве, разоряет всех своих соседей, шинкует во многих местах, торгует, спекулирует — и в то же время успевает «выполнять ответственные поручения великого князя».

Со слугами и подчиненными он обращается беспощадно. Особенно запоминается трехлетнее мытарство Мити Лыкошина, осмелившегося забрать имущество своей милой (Gefreundin), умершей от чумы. «Его связали, — повествует Генрих, — и я приказал жестоко бить его на торгу в городе Старице с тем, чтобы он дал мне по себе поруку. Но никто не хотел быть поручителем по нем, потому что знали про меня, что я себя не обижу... Он же упорствовал, не желая отдавать ни своего, ни моего. Тогда его заковали в железа, залили их свинцом и отправили его в Москву. На Москве... каждый день, как обычно, недельщики бивали его на торгу. Из Москвы добыл я по нем поруку, увел его и отправил в мое поместье в село Новое. Здесь он так был отделан моей дворней, что уже не мог стоять на правеже и говорил, что ночью наложит на себя руки, ибо не в силах долее выносить побои и насмешки. Я тотчас же сообразил это и изготовил для него шейные железа с цепью в сажень длины, так что цепь затягивалась узлом, и ночью он мог лежать, а днем сидеть или стоять, и такие ручные железа, что обе руки можно было запереть вместе. Так его охранили от самоубийства. По утрам его освобождали, выводили на площадь и ставили на правеж. Железа его были залиты свинцом. Я отдал приказание — бить его не очень сильно, чтобы он не умер. После того, как он отстаивал четверть часа в селе на площади и подвергался всякого рода насмешкам и укорам, его доставляли обратно на его место. Так происходило ежедневно в моем селе. Но он все еще не отчаивался. Каждый день, когда его били, он взывал ко мне громким голосом: «Господарь, Андрей Володимирович, [1]), пожалуй меня»! Сын его — хороший был паренек! кутил и ругался круглые сутки, держа все время тайных любовниц. Он приезжал к отцу и угова-

---

[1]) После Новгородского погрома 1570 г., в котором принимал участие и Генрих Штаден, Иван Грозный сказал ему: «Отныне ты будешь называться — Андрей Володимирович». — Частица «вич», — поясняет в своих записках Генрих, — означает благородный титул. «Соответственно с этим я устраивал свою жизнь», т. е. больше убивал.

ривал его оставаться непреклонным. Так тот и поступал и ни разу не вызвался что либо дать».

Таким был Генрих Штаден, как «помещик», как купец. Он очень мало пишет о себе, как опричнике. Повидимому, об этом даже и ему трудно вспоминать. Есть лишь одна сцена из его самостоятельных походов со своим собственным войском, набранным из «всякого рода слуг, которые были до тех пор наги и босы». Но все же этого вполне достаточно, чтобы понять, каким опричником был Генрих Штадден, — «господарь Андрей Володимирович».

«Как то однажды мы подошли в одном месте к церкви. Люди мои устремились во внутрь и начали грабить, забирали иконы и тому подобные глипости. А было это неподалеку от двора одного из земских князей, и земских собралось там около 300 человек... Я пустился на земских. Одного из них я тотчас уложил одним выстрелом наповал; потом прорвался чрез их толпу и проскочил в ворота. Из окон женской половины на меня посыпались каменья. Кликнув с собой моего слугу Тешату, я быстро взбежал вверх по лестнице с топором в руке. Наверху меня встретила княгиня, хотевшая броситься мне в ноги. Но, испугавшись моего грозного вида, она бросилась назад в палаты. Я же всадил ей топор в спину, и она упала на порог. А я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей».

После московского знаменитого пожара 1571 года, который также записан Штаденом необыкновенно ярко, сильно и кратко, — во время набега крымского царя Девлет-Гирея, служилая карьера Генриха Штадена неожиданно оборвалась. После того, как на реке Оке был разбит полк Штадена (авангард кн. Дм. Хворостинина), и «когда эта игра была кончена», Генрих Штаден потерял все свое имущество, все свои бесчисленные вотчины, все, что кровью многих людей в течение двенадцати лет собирал он под свою тяжелую руку. Он говорит об этом с той же простотой и наивностью, с какой описывал свои преступления. Без злобы, без жалобы — даже без горечи. При пересмотре поместных и вотчинных дач Генриха Штадена не вписали в боярскую книгу. «Причина: все немцы были списаны вместе в один смотренный список. Немцы предполагали, что я записан в смотренном списке опричных князей и бояр. Князья и бояре думали, что я записан в другом — немецком — смотренном списке. Так при пересмотре меня и забыли».

Ему пришлось «тщательно обдумывать, как бы уйти из этой страны». Он еще делает несколько попыток, начав все с начала — возвыситься, или, во всяком случае, разбогатеть. Он заводит на Волге мельницу, отправляется в русскую Лапландию и самоедские тундры, скупает там за бесценок дорогие сорта мехов и продает их на лейпцигской ярмарке, организовывает особые пиратские экспедиции в Сибирь — оттуда на далеком русском севере скупает кадиль-

ницы, церковные облачения, венчики католических церквей, которые привез один из голландских кораблей из Нидерландов, где в это время бушевала революция («эпоха иконоборства»).

В навигацию 1576 года Генрих Штаден навсегда покидает Россию.

«Благодарение Вседержителю Богу, удостоившему меня пережить столь великое»! — Такими торжественными словами кончаются записки Генриха Штадена, уголовного преступника, землекопа, приказчика, купца, ландскнехта, толмача, помещика и опричника московского царя, мельника, меховщика, торгового маклера, курьера при герцогском дворе, политика-прожектера и дипломатического агента при императорском дворе.

Образ Генриха Штадена напоминает нам своей жестокостью и суровостью другой образ, который даже самим Генрихом Штаденом назван der cote wilde — кровавый дикарь, — образ московского царя.

Всякий раз, когда Генрих Штаден отправлялся в поход, он пишет одну и ту же фразу:

«Великий князь отправляется грабить свой собственный народ, свою землю и города».

Первое, с чем мы знакомимся в кровавой деятельности Ивана Грозного, в том, как он «играл божьими людьми», 1), это история расправы с опальным боярином Иваном Петровичем Челядниным, осмелившимся, будучи наместником в Дерпте, «помогать бедному люду добиваться правого суда». — «Челядник, — пишет Штаден, — был вызван в Москву; здесь, в Москве, он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму. А великий князь, вместе со своими опричниками, поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу. Села, вместе с церквами и всем, что в них было, с иконами и церковными украшениями, — были спалены. Женщин и девушек раздевали до нага и в таком виде заставляли ловить по полю кур».

«Великое горе сотворили они по всей земле»! — восклицает Штаден. — «Где великий князь оставался на ночь, по утру там все поджигалось и спаливалось. Многих приволакивали к великому князю нагими и гоняли по снегу до смерти. Приводили одного за другим, и великий князь убивал их так, как ему вздумается — одного так, другого иначе. Всем убитым отрубали ноги — устрашения ради; а потом трупы их опускали под лед в Волгу. Женщин велел раздевать до нага и позорно расстрелять стрельцам».

---

1) Выражение из народных песен.

С хладнокровием и простойо привычного очевидца рассказывает Генрих Штаден о погроме в Твери. Он участвовал в этой карательной экспедиции и подробно описывает всю оргию Ивана Грозного, этого «мужа чудного рассуждения». 1).

«Каждый день великий князь поднимался и переезжал в другой монастырь, где снова давал простор своему озорству. Он приказывал истязать и монахов, и многие из них были убиты. Таких монастырей внутри и вне города было до 300, и ни один из них не был пощажен. Потом начали грабить город. По утрам, когда великий князь подъезжал из лагеря к городу, ему навстречу выезжал начальник города, и великий князь узнавал таким образом, что происходило в городе за ночь. Целых шесть недель без перерыва длился ужас и несчастье в этом городе! Великий князь неизменно каждый день лично бывал в застенке. Ни в городе, ни в монастырях ничего не должно было оставаться; все, что воинские люди не могли увезти с собой, то кидалось в воду или сжигалось. Если кто нибудь из земских пытался вытащить что либо из воды, того вешали».

«Великий князь умертвил до 130 начальников, из которых каждый судил и рядил по городу. Ивану Висковатову отрезали сперва нос и уши, потом отсекли руки. Микита Фуников был привязан к столбу на торгу и облит кипятком; так его сварили живым».

«Других приказал разорвать на согнутых деревьях, а иных посадить на кол. Это было в назидание всей земле».

Все это дело рук Ивана Грозного. Так он, по его собственному выражению, «перебирал людишек». Страница за страницей — длинный список имен — страшная поминальная книга — записки Штадена. Описание чумы, описание голода, когда из-за кусочка хлеба человек убивал человека, «а у великого князя по дворам в его подклетных селах гнило много тысяч скирд необмолоченного хлеба в снопах», когда «дом или двор, куда заглядывала чума, тотчас же заколачивали и всякого, кто в нем умирал, в нем же и хоронили», когда «все города в государстве, все монастыри, посады и деервни, все проселки и большие дороги были заняты заставами, чтобы ни один не мог пройти к другому, а если стража кого нибудь хватала, его сейчас же тут же у заставы бросали в огонь со всем, что при нем было — с повозкой, седлом и уздечкой, — описание великого мора, описание великого голода — одни из самых потрясающих страниц, написанных Штаденом.

Много лет спустя, когда Генрих Штаден, уже дипломатический агент императорского двора, писал всеподданнейшее и всепокорнейшее прошение «его римско-кесарскому величеству королю венгерскому и чешскому, императору Рудольфу II» и подавал проект завоевания Руси — «план обращения Московии в имперскую провинцию» — в тишине своего кабинета неожиданно возникли прежние образы, и

---

1) Выражение из народных песен.

он закончил свой научный политико-экономический план такими словами:

«А великого князя (того, с кем Штаден 12 лет вместе грабил и убивал) с его сыновьями, связанных, как пленников, необходимо увести в христианскую землю. Туда же тем временем надо свезти всех пленных из его страны и там, в присутствии его, убить их так, чтобы он видел все своими собственными глазами. Затем у трупов надо перевязать ноги около щиколоток и, взяв длинное бревно, насадить на него мертвецов так, чтобы на каждом бревне висело по 30, по 40, а то и по 50 трупов: одним словом, столько, сколько могло бы удержать на воде одно бревно, чтобы вместе с трупами не пойти ко дну. Бревна с трупами надо сбросить затем в реку и пустить вниз по течению».

Б. С—кий.

Отзывы о книгах

«ЖАР - ПТИЦА» Литературно-художественный иллюстрированный журнал № 14. Издательство «Русское Искусство». Париж 1926.

Издание художественного журнала «Жар - Птица» перенесено из Берлина в Париж, но эта перемена нисколько не отразилась ни на качестве, ни на характере его. Попрежнему, цель его знакомить читателей разных наречий с русским искусством, по прежнему, центр тяжести его не в тексте, чаще всего скромном, но в изобилии превосходных иллюстраций, которые превращают каждый выпуск в роскошный альбом.

Новый, четырнадцатый, номер, только что вышедший, посвящен творчеству четырех артистов: Александра Н. Бенуа, И. Я. Билибина, Н. Аронсона. Вкус редакции определился уже давно, и на сей раз никаким новшествам уступки не сделано. Несмотря на это, номер отличается большим разнообразием воспроизведений, выбор которых оделан очень умело и которые исполнены безукоризненно. Русский стиль Билибина, Версаль Бенуа, якзотика Яковлева: рядом с мастерством художников, иностранный читатель должен будет признать широту русского духа. Можно только пожалеть, что с выставки Бенуа взяты одни лишь пейзажи; вероятно, это потому, что в предыдущих выпусках были представлены другие стороны искусства артиста.

Сопровождающие иллюстрации статьи написаны скорее в восторженно - описательном, нежели критическом тоне, и принадлежат перу русских и французских авторов. Если последние статьи, в глазах издательства, теснее сбли-

жают журнал с французским артистическим миром, то они не лишены интереса и для русских читателей: нам любопытно знать, что думают о наших творцах иностранцы. Худо то, что эти статьи подвергаются в русском переводе изменениями: они не только сокращаются, но иногда таинственным образом дополняются целыми отрывками, в подлиннике отсутствующими. Еще хуже, что перевод не везде безупречен.

Помещение фотографии одного артиста (г. Мозжухина) с присоединением нескольких строк, испещренных восклицательными знаками, менее приятно в таком издании, отдавая несколько рекламой. Литературный отдел представлен стихотворениями К. Бальмонта и Вл. Ходасевича и занятным посмертным рассказом П. П. Потемкина.

Нет сомнения, что журнал, освоившись с новыми условиями своего существования, легко справится с мелкими дефектами, имеющимися в четырнадцатом номере: задача, преследуемая им, и место, которое он занимает, заслуживают этих усилий.

Е. А.

ОТ СПРАВОЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ИЗДАТЕЛЬСТВА Я. ПОВОЛОЦКОГО получены в апреле следующие книги:

В. Зензинов — Железный скрежет.

Я. Цвибак — Монмартр спит.

Его - же — Старый Париж.

«Родные писатели» — сборник для детей, с портретами писателей.

Вейнмарн — Корнет Корсаков.

Кельчевский — После урагана.

Зощенко — Веселое приключение.

Андреев — Преступление Аквистанова.

Каверин — Ревизор.

Рубакин — Город.

Кобяков — Горечь.

Эйхенбаум — Стихотворения.

Иванов — Крах белого приморья.

Новости медицины.

Маркелов — На берегу Москвареки.

Вельтер — Ошибки, которые делают русские, говоря по французски.

Гребенщиков — В просторах Сибири.

Его - же — Родник в пустыне.

Его - же — В некотором царстве.

Юшкевич — Вышла из круга.

Волконский — О декабристах.

Le Gérant: *Rossel-Chiot.*

Imprimerie de la Société Nouvelle d'Editions Franco-Slaves, 32, rue de Ménilmontant, Paris (20e).

РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
J. POVOLOZKY & Cie 13, RUE BONAPARTE PARIS VI
ВСѢ РУССКІЯ и ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ
ОТКРЫТО БЕЗЪ ПЕРЕРЫВА СЪ 9 У. ДО 7 ВЕЧ.
Tél.: Fleurus 42-01

Chèques postaux - Paris 195-38 R. C. Seine 212-168 B.

Фирма основана в 1910 г.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

журнала

„ВОЛЯ РОССИИ“

Для ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, БЕЛЬГИИ, ИТАЛИИ, ПОЛЬШИ
и ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Собственные издания на Русском и Французском языках. Все зарубежные издания. Все Книги Советской России. Детские книги. Учебники Словари и самоучители иностранных языков. Ежемесячные бюллетени всех французских изданий. Каталоги высылаются безплатно.

— АНТИКВАРИАТ —

ВСЕ КНИГИ ПО ИСКУССТВУ. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗДАНИЯ
НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

J. POVOLOZKY & Cie

EDITEURS

13, rue Bonaparte, PARIS (VIe)

Вп-91-3536/4х
П 1
543
1927
N 4

Издан. Акц. Общ. Печат. Дела «САЛАМАНДРА»
Latvija Riga L. Kalëju iela 43.
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

„ПЕРЕЗВОНЫ"

выходит 1 раз в месяц

СОТРУДНИКИ: М. А. Алданов, Мих. Арцыбашев, К. Д. Бальмонт, Н. Г. Бережанский, проф. Бердяев, И. А. Бунин, Н. Н. Белоцветов, Ю. Галич, Г. Гребенщиков, О. Далматова, А. Даманская, Дон-Аминадо, Бор. Зайцев, (ред. литер. отдела), Евг. А. Зноско-Боровский, А. И. Куприн, Вл. Лодыженский, Ив. Лукаш, Д. С. Мережковский, С. Р. Минцлов, проф. Н. И. Мишеев, Мх. Осоргин, А. М. Ремизов, Н. Рощин, Н. А. Тэффи, Л. Столица, И. Сургучев, В. Ф. Ходасевич, А. Черный, Евг. Н. Чириков, Марина Цветаева, И. Шмелев, Сем. Юшкевич, А. Ѳедоров, Худ. акад. Н. П. Богданов-Бельский, акад. С. А. Виноградов, А. М. Прандэ (ред. худ. части), Ю. Г. Рыковский и друг.

В каждом ном. 4 цветных репродукции, много иллюстр. в тексте.
Обложка раб. М. Добужинского.
Цена ном., начиная с № 14 — в Латвии 50 руб., заграницей 25 ам. цент.

БОЛЬШОЙ РУССКИЙ
Еженедельный иллюстрированный журнал

„НОВАЯ НЕДЕЛЯ"

Богатые иллюстрации всесторонне освещают европейскую жизнь.
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ.
Кино. Театр. Спорт. Моды
Отдел шуток, задач и шарад.
Обо всем.
Цена: в Латвии — 30 сант., (15 р.), в Литве — 75 лит. центов, заграницей — 7 ам. цент.
Адрес редакции и конторы: Латвия, Рига, Б. Кузнечная 43, «Саламандра». Тел. 23011.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ

„ВОЛЬНАЯ СИБИРЬ"

(Изд. Об-ва Сибиряков)
Сборник статей, посвященных памяти Г. Н. ПОТАНИНА.
СОДЕРЖАНИЕ:
От редакции. — И. Я. Якушев: Г. Н. Потанин, его общественные и политические взгляды. — Проф. Е. Л. Зубашев: Воспоминания о Г. Н. Потанине. — Дионео: Научные работы Г. Н. Потанина. — Гр. Гребенщиков: На склоне лет его. — Инж. А. Мягков: Золотопромышленность в Сибири. — Д-р Ф. Гавелка: Северо - Восточный морской путь к бассейну Обь - Иртыша. — Из печати и жизни Я. Лозового: К вопросу колонизации Сибири. — Сибирское обозрение: Общесибирский с'езд писателей. — Некролог: П. И. Макушин — Заграничная хроника Библиография. Цена 25 ческ. крон.
Адрес: *Praha-Strasnice. Gregorova ul. 153. J. A. Jakusev*

Imp. de la Soc. Nouv. d'Edit. Franco-Slave, 32, rue de Ménilmontant, Paris (XX)